

ISSN 1563-0366; eISSN 2617-8362

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Заң сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия юридическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of Actual Problems of Jurisprudence

№3 (99)

Алматы
«Қазақ университеті»
2021

ХАБАРШЫ

ЗАҢ СЕРИЯСЫ № 3 (99) қыркүйек

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16496-Ж

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Сманова А.Б., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Телефон: +7727-377-33-36 (ішкі н. 12-57)
E-mail: Akmaral.Smanova@kaznu.kz

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Байдельдинов Д.Л., з.ғ.д., профессор
(бас редактор) (Қазақстан)
Алимқұлов Е.Т., з.ғ.к., доцент м.а. (бас редактордың
орынбасары) (Қазақстан)
Кенжалиев З.Ж., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Джансараева Р.Р., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Тыныбеков С.Т., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Усеннова Г.Р., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Жатқанбаева А.Е., з.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Маликова Ш.Б., з.ғ.к., доцент м.а. (Қазақстан)
Қабанбаева Г.Б., PhD докторы, доцент (Қазақстан)

Муксинова А.Т., (Қазақстан)
Алексеева С.В., аға оқытушы (Қазақстан)
Томас Хоффман, PhD докторы, профессор (Эстония)
Шелухин С.И., PhD, профессор (АҚШ)
Ганс Йохим Шрамм, құқық докторы, профессор
(Германия)
Алиев А.И., з.ғ.д., профессор (Әзірбайжан)
Репецкая А.Л., з.ғ.д., профессор (Хакасия)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Тынышбек А.С., оқытушы (Қазақстан)

Заң сериясы Мемлекет пен құқық теориясы және тарихы, конституциялық және әкімшілік құқығы, азаматтық құқық және еңбек құқығы, табиғи ресурстар және экологиялық құқық, қылмыстық құқық және криминалистика, халықаралық қатынастар бағыттарын қамтиды.

Жоба менеджері

Гульмира Шаққозова
Телефон: +7 701 724 2911
E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева
Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 15068

Пішімі 60x84 ¹/₈. Көлемі 0 б.т. Тапсырыс № 10588.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында
басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2021

1-бөлім
**МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ
ТЕОРИЯСЫ МЕН ТАРИХЫ**

Section 1
**THEORY AND HISTORY
OF STATE AND LAW**

Раздел 1
**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

IRSTI 10.07.23

<https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v99.i3.01>**A.D. Tolysbayeva** Shakarima University, Kazakhstan, Semey,
e-mail: t_aliya_79@mail.ru**ABOUT THE EXPERIENCE OF BUILDING
OF LAW-ABIDING STATE
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

This article discusses the experience and problems of building of law-abiding state. The idea of law-abiding state was born by the liberal trend of Western (bourgeois) political and legal thought. Historically, this idea combined the concept of inalienable natural human rights with the concept of the state – the «night watchman» of these rights. From the position of the legal essence of the rule of law, the public power of the latter excludes arbitrariness and acts only in accordance with the law, understood as a measure of freedom, normatively fixed justice. It is assumed that laws should be constantly checked for compliance with the law, its principles and the legal system. The main provisions of the concept of law-abiding state include: the supremacy of civil society over the state, the subordination of the state to the control of civil society; the primacy of law over politics and law; the supremacy of law over an administrative act and administrative discretion; the clear separation of the legislative, executive and judicial authorities; freedom of activity of individuals and their associations on the principle of «everything that is not prohibited is allowed»; guarantee of the protection of the interests of a minority; direct legal effect of the constitutional norms; jurisdiction of the court of any dispute about law.

Key words: division of powers, human rights and freedoms, legislation, justice, civil society, law, justice, legal system, system of checks and balances, right.

А.Д. Толысбаева

Шәкәрім университеті, Қазақстан, Семей қ.
e-mail: t_aliya_79@mail.ru**Қазақстан Республикасында
құқықтық мемлекет құру тәжірибесі туралы**

Бұл мақалада құқықтық мемлекет құру тәжірибесі мен мәселелері қарастырылған. Құқықтық мемлекет идеясы Батыс (буржуазиялық) саяси және құқықтық ойдың либералды бағытынан туындайды. Тарихи тұрғыдан алғанда, бұл идея адамның бөлінбейтін табиғи құқықтары ұғымымен мемлекет – осы құқықтардың «түнгі күзетшісі» ұғымымен байланыстырды. Заң үстемдігінің құқықтық мәні тұрғысынан, соңғысының мемлекеттік билігі озбырлықты жоққа шығарады және тек бостандықтың өлшемі, нормативтік бекітілген әділеттілік ретінде түсінілетін заңға сәйкес әрекет етеді. «Заңға сәйкес» деген тіркес белгілі бір дәрежеде «заңға сәйкес» жағдайды шектейді, өйткені заңда өзімшілдік болуы мүмкін. Заңдар заңға, оның қағидаттарына және құқықтық жүйеге сәйкестігін үнемі тексеріп отыруы керек. Құқықтық мемлекет тұжырымдамасының негізгі ережелеріне мыналар кіреді: азаматтық қоғамның мемлекетке үстемдігі, мемлекеттің азаматтық қоғамды бақылауға бағынуы; саясат пен заңға қатысты заңның үстемдігі; Әкімшілік акт пен әкімшілік қалауларға қатысты заңның үстемдігі; заң шығарушы, атқарушы және сот билігінің нақты бөлінуі; жеке адамдар мен олардың бірлестіктерінің «тыйым салынбаған барлық нәрсеге рұқсат етіледі» деген қағидат бойынша қызмет ету бостандығы; азшылықтың мүдделерін қорғаудың кепілдігі; конституциялық нормалардың тікелей заңды әрекеті; кез келген құқық туралы дау-дамайдың сотқа бағынуы; ең дұрысы, құқықтық мемлекет саяси емес мемлекет.

Түйін сөздер: биліктің бөлінуі, адамның құқықтары мен бостандықтары, заңнама, сот төрелігі, азаматтық қоғам, заң, әділеттілік, құқықтық жүйе, тексеру және тепе-теңдік жүйесі, құқық.

А.Д. Толысбаева

Университет Шакарима, Казахстан, г. Семей,
e-mail: t_aliya_79@mail.ru

Об опыте строительства правового государства в Республике Казахстан

В данной статье рассмотрены опыт и проблемы построения правового государства. Идея правового государства рождена либеральным направлением западной (буржуазной) политико-правовой мысли. Исторически эта идея соединила концепцию неотчуждаемых естественных прав человека с концепцией государства – «ночного сторожа» этих прав. С позиции юридической сущности правового государства публичная власть последнего исключает произвол и действует только в соответствии с правом, понимаемым как мера свободы, нормативно закреплённая справедливостью. Фраза «в соответствии с правом» в определенной степени ограничивает положение в «соответствии с законом», ибо закон тоже может быть произволом. Предполагается, что законы должны постоянно проверяться на соответствие праву, его принципам и правовой системе. Основные положения концепции правового государства включают в себя: верховенство гражданского общества над государством, подчинение государства контролю гражданского общества; первенство права над политикой и законом; верховенство закона над административным актом и административным усмотрением; четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; свобода деятельности индивидов и их объединений по принципу «разрешено все, что не запрещено»; гарантия защиты интересов меньшинства; прямое юридическое действие конституционных норм; подведомственность суду любого спора о праве.

Ключевые слова: разделение властей, права и свободы человека, законодательство, правосудие, гражданское общество, закон, справедливость, правовая система, система сдержек и противовесов, право.

Introduction

The problems of the correlation of the state-power and the law, legality in the activities of the state, the legal status of the individual, their relationship with the problems of morality arose together with the formation of the first ancient states on earth. Ancient legislators and, in particular, thinkers constantly put them before the society, returned to them as the most important problems of socio-economic and political life of their time, affecting the interests of the individual, individual groups, classes and the rulers by themselves in the most direct way. Of course, at the same time, the ancient legislators and thinkers could not imagine these problems in a complex, as the problems of the whole concept of the law-abiding state. They approached it mainly as a problem of power, legality, the position of the individual, etc. At the same time, they proceeded from their general philosophical, theological, moral positions and theories.

The greatest development of philosophical and political thought was received in the countries of the ancient world: Greece and Rome. We do not need to consider in this article the political and legal teachings of ancient Greek and Roman thinkers from the point of view of the class approach. This approach is more than sufficiently investigated in countless works of the classics of Marxism-Leninism, Soviet and foreign authors. We are mainly and exclusively

interested in the task of identifying in their teachings everything that is connected with the concept of the law-abiding state: individual principles, provisions that we include in this concept.

Research methods

The main method was the study of scientific and theoretical materials. The analysis method was used in the formulation of the proposed new Kazakh laws during the independent development, as well as in the formulation of proposals for the development and adoption in the new circumstances. So were used the following methods: logical method; system method; legal method; historical method. The research methodology is based on the dialectical method, freed from materialistic or idealistic monism and based on the pluralistic, multilinear interdependence of all social phenomena. We also used the method of dialectical interdependence and interaction of methods: theoretical and empirical, induction and deduction, analytical, comparative methods.

Discussion

Justification of the novelty and significance of the topic of the article.

The ancient authors developed the provisions, the fundamental ideas that have the great importance for the theory of the law-abiding state. As Professor

M.N. Marchenko noted: “The law, in accordance with the constitutional concept of law-understanding, is not only the positive law, but the natural law, first of all, the integral main rights and freedoms of the citizens. Exactly, conformity or unconformity defines the legal or illegal character of all normative acts of the state, all the norms of acting legislation” (Marchenko 2019: 7).

It is characteristic that the concept of government in the society of acting laws was defended along with Plato and Aristotle. They are the founders of ancient political science. Moreover, when speaking about the law, Aristotle had in mind the rule of the legal law. In one of his works, he emphasized: “It cannot be a matter of law to rule not only by law, but also contrary to legal law; the desire for violent submission, of course, contradicts the idea of law”.

Thus, as we can see, the ancient authors developed a number of provisions that are significant for subsequent ideas about the law-abiding state. Among them: the provisions on the power of law as a combination of force and law (Solon, Aristotle, etc.); the distinction between the law and wrong forms of government, on mixed rule and on the role of law in the typology of state forms (Socrates, Plato, Aristotle, Cicero, Polybius); on the ratio of natural and will-established law (Democritus, sophists, Aristotle, etc.); on the equality of people under the natural law (some sophists, Roman jurists); on law as a measure of justice and the regulating norm of political communication (Aristotle); on the state (republic) as a “matter of the people”, as legal communication and “general law and order” (Cicero); on the spheres of private and public law, on the free individual as a subject of law (Roman jurists), etc.

The ideas and theories of the great thinkers of antiquity were not the property of only an extremely narrow stratum of educated people, rulers and politicians of antiquity. They were studied along with Roman law – the most perfect and developed law of that time, in numerous educational institutions by contemporaries and in subsequent centuries.

In the new historical conditions, the question of human freedom has arisen in a new way. It was about the law-abiding state, both in private and in socio-political relations.

The supremacy of law- is the important category of the democratic law-abiding state. As the famous Russian scholars F.A. Vestov, O.F. Fast wrote: “In accordance with this principle neither state organ, no official, organization don’t released from the duty to submit to the law. When we talk about the supremacy, we mean it not in the wide meaning, but in it’s strictly sense” (Vestov 2019: 15).

The forming and existence of the law-abiding state in any country supposes the establishment the real supremacy of law at all spheres of the life of the society, widening of the sphere of its direct influence on the public relations. Observance of the legality is not only the formal declaration, but the necessary demand, which is essential to observe. The observation of the legality determines the character of the state as the law-abiding democratic state.

The most important achievement of Roman legal thought is the exceptional importance of the provision on natural law – “jus natural”, the correlation of natural law with national law- the law of all peoples, and civil law, customs, written law of individual peoples. The Roman jurists considered natural law to be fundamental for any positive law.

Thus, the teachings of the ancient thinkers about the law, legality, and power, forms of law and wrong government became the most important achievement, which was later used by the thinkers of the New Time. We omit here the presentation of the political views of the thinkers of medieval feudal society, since they were mainly theological in nature and we do not find more than what was achieved by ancient thinkers in the field of the approach to the concept of the rule of law in their works.

The concept of the separation of powers into legislative, executive and judicial was supposed to prevent the transformation of political power into a despotic force, embodied in one body or person. The theory of separation of powers assumed the differentiation of the functions of the state, in accordance with the concept of state bodies.

Professor F.M. Rayanov stressed, that “The law-abiding state is not only one of the highest social values, designed to affirm the humanistic principles of socialism, but also a practical tool for ensuring and protecting freedom, honor and dignity of the individual, the means of combating bureaucracy, localism and departmental structure, the form of implementing socialist democracy” (Rayanov 2015: 58).

As Professor F.V. Fetyukov accounts, “the important principle of the supremacy of law, or law-abiding state, is the basis of new universal constitutional order of new democracies” (Fetyukov 2016: 64).

A special place in the history of the development, deepening and concretization of the concept of the law-abiding state belongs to the great German philosopher of the late XVIII-early XIX century Immanuel Kant (1724-1804). He belongs to the use, introduction of the term “legal society”, “legal state” (Ayupova 2021: 17).

The political and legal views of I. Kant are contained mainly in the works: “Ideas of universal history from a cosmopolitan point of view”, “Towards eternal peace”, “Metaphysical principles of the doctrine of law”. Kant was characterized by a social approach to moral, legal and political problems: every person has perfect dignity, absolute value; the individual is not an instrument for the implementation of any plans, even the noblest plans for the common good. A person is the subject of moral co-knowledge, fundamentally different from the surrounding nature, in his behavior should be guided by the dictates of the moral law. This law is a priori, is not influenced by any external circumstances, and therefore is unconditional. Kant called it a “categorical imperative”, thereby trying to emphasize more strongly the abstractly obligatory and formalistic nature of this prescription. We support the opinion of Professor S.P. Narykova, when she writes: “To my mind, the supremacy of law means, first of all, recognition of the highest role of law in the civil society. The society and the citizens conceive the law, if it’s expresses the social interests and will of the people, if it was adopted by the supreme organ of power by democratic way, in case if the law becomes the act, which is regulated the main spheres of public life and coordinated conflict problems” ((Ayupova 2021: 17). 55).

I. Kant repeatedly stressed the urgent need for the state to rely on the law, to focus on it in its activities, to coordinate its actions with it. Deviation from this provision can cost the State extremely expensive. State that evades the observance of rights and freedoms, does not ensure the protection of positive laws, risks losing the trust and respect of its citizens.

Thus, Kant created the doctrine of an ideal legal state, which can only be the ultimate goal of the historical development of the society. The approach to this goal can only be permanent and is the duty and privilege of the existing state power.

If for Kant the legal laws means the legal state, for Hegel they are reality, i.e. the practical realization of reason in certain forms of people’s existence. The state, according to Hegel, is also the law, concrete law, i.e., in accordance with the dialectical interpretation, the most developed and meaningful, the whole system of law, legislation, which includes the recognition of all other, more abstract laws – the rights of the individual, family and society.

In general, the entire Hegelian construction of the law-abiding state is directly and unambiguously directed against arbitrariness, disenfranchisement and in general all non-legal forms of the use of force

by private individuals, political associations and state authorities.

The merit of Hegel is that he made a deep philosophical, moral justification of the main provisions of the concept of the law-abiding state. But this is still far from a democratic state governed by the law-abiding state, since some of the principles of equality and individual freedom were understood by him narrowly, limited. In particular, he spoke little about political freedoms, equality of sexes and nations, freedom of speech, confessions, and so on.

The achievements of Western political thought in the development of the concept of the law-abiding state and its transformation in Russian political thought served as the basis for a deeper and special state-legal study by philosophers and political thinkers, and especially by state historians and lawyers of post-reform Russia, i.e. in the second half of the XIX- early XX centuries. The problem of the law-abiding state began to be discussed in Russia by individual representatives of the state-legal science not only in a theoretical, but also in a practical and recommendatory sense. Naturally, the positions of various scientists differed from each other. Some of them were limited to a purely theoretical understanding of it, while others, depending on their social position, formulated proposals for its implementation in Russia in an open or veiled form.

Political and legal ideas and concepts, as well as philosophical, economic, moral and religious ones, as the history of their development shows, have always grown and been formulated out of social necessity and have passed a certain test of the practical activities of people, individual countries and regions. The noble ideals of the best representatives of humanity could find a concrete realization in one way or another only in the New and Modern times, when material and spiritual and moral conditions began to mature for this.

From our point of view, the practical implementation of the concept of the law-abiding state, of course, lagged behind its very development by philosophers, politicians, jurists of the past and present.

The concept of the law-abiding state could be practically implemented only on the basis of the civil society, created in the process of long-term development in advanced countries. Civil society began to form from the time when a person ceased to be a subject of the state (monarch), became its citizen. The concept of the law-abiding state is closely related to the broader concept of democracy. It is important for us to identify the relationship of both these concepts.

The modern concept of democracy is immeasurably broader and deeper than its primary meaning, as democracy. Under the democracy we mean a political regime that exists in a particular state, which is opposite or radically different from anti-democratic regimes: totalitarian, military, autocratic, etc. The democratic regime presupposes equality of full-fledged citizens, multiparty system, freedom of religion, pluralism of opinions, transparency, universal suffrage in the elections of state bodies and public organizations, etc.

The famous scholar T.A. Smirnov wrote: “State, governed by the law-abiding state, cannot arise and exist without a democratic political regime. Therefore, the rule of law is, in the long run, the natural result of a long process of development of civil society and democracy. At the same time, the process of formation of civil society, improvement of democratic principles in the life of society, the process of accumulation of signs of the law-abiding state took place almost simultaneously. The law-abiding state, therefore, is the most perfect, the best state-legal form of the realization of democratic rights and freedoms of man and citizen, democratic principles in the management of public affairs” (Smirnov 2016: 30). We need to add, that many things are depends on the legislator, intellectual and professional level, carefully researching of the problems. The legal norms must be exactly, clear exposed. Any norm might to act effectively and be used widely in the concrete legal relations in the condition, if it’s has the enlistment of real legal meanings. In that case the norm becomes attractive among the interesting persons and easily the supplement of observance and execution of such norm. During the procedure of acceptance of laws, the most accents must make to the quality, but not the quantity of laws. The laws have to be effective, quality, easy to understand and to reflect the interests of the people of Kazakhstan.

To date, almost all the most developed and civilized countries have laid solid democratic foundations for the implementation of the concept of a democratic law-abiding state. The principle of separation of powers has been established everywhere, as a rule, with the priority position of the legislative power. Universal suffrage prevails with secret voting (the remnants of censorship restrictions do not play any significant role), multiparty system, lack of censorship, social protection of the majority of the population, etc.

Also Professor T.A. Smirnov notes: “As we can see, the history of the development of the concept of the law-abiding state and its constitutional and

legislative implementation in the most developed countries of the modern world testifies to its practical viability, since it contributed, along with scientific, technical and cultural progress, to the growth of the material well-being of the population in these countries, strengthening the security and freedom of the individual” (Narykova 2018: 35). Indeed, we would like to stress the common benefit and definite progress from the quality laws. Otherwise, the laws will become the sources of unstable in the society.

Results

Thus, the most significant signs and principles of a legal democratic state, according to scientists, are: expanded democracy: alternative elections, broad publicity with the elimination of political censorship, the abolition of the monopoly of the Communist Party, the abolition of Article 6 of the Constitution of the USSR, the formation of a multi-party system, the construction of a state, based on the principle of separation of powers, the reform of Soviet legislation, and, first of all, the constitutional branch, strengthening the law-abiding state, increasing the general and legal culture of the population.

Since the main priority of a truly democratic law-abiding state is the recognition of the interests and freedoms of the individual, their full and broad constitutional and subsequent legislative proclamation, consolidation and, possibly, full real provision, then, of course, the main feature of the law-abiding state is the specific establishment of these fundamental freedoms, interests of the individual.

In particular, in this regard, it is necessary to highlight the achievements of the great school of “natural” law, which has received universal recognition. Those rights and freedoms that became a kind of banner of all advanced thinking humanity, then entered into the political, legal and moral concept of “universal” values. These “universal values” have been recognized by almost all religious confessions and should become the legal basis of any developed democratic state based on the law-abiding state – positive constitutional and corresponding legislation.

These great universal legal and moral principles, on which the position of each individual in society and the state is based, are:

a). The right to life. Society, the state, the norms of law and morality, first of all, should ensure this basic human right, protect it from arbitrariness and accidents, and protect human life in every possible

way. This most important right does not need any detailed consideration;

b). Personal freedom provides for the right of a person to freely express his personality to carry out economic, social, political, cultural activities, to have freedom of conscience, i.e. the freedom to profess any religion or to be an atheist. The limits of this freedom can be established by a law common to all and the obligation not to harm other individuals.

A key direction in Kazakhstan's internal policy, which reflects a collective concern for maintaining the speaking about the freedom of the individual as the most important legal status of the individual, it is necessary to highlight especially in the conditions of our post-Soviet reality, the freedom of economic activity, since it was limited under the domination of state ownership of the means of production and the administrative-command system of the functioning of the national economy and only recently, despite the ongoing reforms in this area, it received a valid legal formalization. Although for many years it has met fierce resistance from the former reactionary party democrats, individual representatives of the state authorities and numerous economic elites. Moreover, entrepreneurship, economic initiative, the transition to the market relations are met with a negative attitude of a significant part of our public, which for many decades has been brought up in the most negative attitude to all this.

c). The most important principle of the legal and moral position of an individual in the society and the state is the recognition of his full legal equality with all other personalities of the state. This is the starting position of the individual in society and the state. It means precisely the legal basis for the creative activity of an individual in all spheres of society: economic, social, political, cultural, etc.

When we talk about legal equality, we mean all the diversity of not only the legal, but also the material status of the individual in the society and the state: gender equality-men and women in economic, social, political life. Equality and freedom are closely related to the following legal status of the individual: the right on property.

d). In the philosophical sense, property, according to Hegel, is a material condition for individual freedom. Property is one of the results of a person's creative activity. This creative activity by itself is realized through the property.

The Constitution of Kazakhstan legally established a strong presidential republic with distribution of the economic sense; property is a way of appropriating the means of production, tools of labor, and means of consumption. In the social

sense, ownership is social relations, expressed through relations to things, i.e., means of production, tools of labor, and so on. But the most complete and accurate definition of property is its legal definition. It is fixed in the provisions of Roman law, in the Declarations of the revolutionary authorities, in civil legislation, in many of which it was declared sacred and inviolable as the basis of the existence of the individual, society and the state.

In a State, governed by the law-abiding state, this right, common to all, freedom of economic activity and full equality of the subjects of property rights should be fully approved. The second most important feature of a democratic legal state is its construction on the basis of the separation of powers into legislative, executive and judicial.

In fact, the principle of separation of powers has a deeper, democratic content. Of course, the theory of the separation of powers was initially directed against the absolute bureaucratic monarchy of the nobility, which concentrated all the functions of state power: legislative, executive and judicial. At the same time, the monarch was the highest legislator, judge and head of the entire executive apparatus. Indeed, during almost the entire XIX century, in the absence of democratic freedoms, equality, and a censorship system of elections, the principle of separation of powers gave a huge advantage to large owners and educated "classes".

When we talk about the theory of the separation of powers as the most important principle of the law-abiding state, we cannot but associate this principle with the methods of formation of legislative, executive and judicial authorities. As we know, there are two concepts of democracy – direct and representative. In a direct democracy, the people by themselves, meeting in one order or another, adopt laws, elect officials (executive bodies), accept their reports, etc.

Representative democracy assumes, first of all, the constitutions, laws, etc. in the state are adopted by an elected representative body – the parliament, and the most important normative acts in the administrative-territorial and national units of the state are adopted by local representative bodies, for example, regional, city, district administrations.

In this regard, the issue of the formation of the highest representatives of the executive power – the heads of the State and administrative-territorial and national units has the fundamental importance. In constitutional monarchies, the head of the executive power – the Prime Minister-is appointed, as a rule, by the monarch from among the leaders of the parties that won the parliamentary elections; as for

the heads of local executive bodies, the procedure for their formation does not differ from the methods existing in the republics. In the republics, the head of state – the president – is elected by the citizens, and then is endowed with extensive competence – power. In this case, it has relative independence before the Parliament (the presidential republic). Or is elected by the parliament, and has limited powers (a parliamentary republic).

The heads of the local executive power, the administration, are formed in the following three ways: 1) elected by the population; 2) elected by the local parliament (maslikhat); 3) appointed by the president or the head of the government. Of course, the most democratic way is the election of the heads of the local administration by the population.

The separation of powers, as a principle of building of law-abiding state, should also be considered not just from a general democratic position, but also from a special angle of the legislative norm-making function of the state. The question is, in which state: totalitarian, autocratic, in which there is no separation of powers, or it is only formally proclaimed, or in a democratic state, based on the separation of powers, the legislative and executive functions of the state can be carried out in the interests of the people. It is quite obvious that only in a democratic state can these functions serve not only the interests of the most financially secure, educated and active part of the population, but also the entire people.

The legislative function of the state, without which the activity of the state is impossible, organically includes the self-limitation of power by the state. The point is in self-restriction, in whose interests it is carried out. The most complete self-restriction by the state of itself through the publication of laws is provides the individual with complete freedom of his creative activity, prohibiting considering only what is harmful to other personalities. The state acts precisely as a legal state, eliminating arbitrariness, ensuring legality, law and order.

It is important for us to say, that the separation of powers, if it has historically been established together with the general progress in the development of society, exists in a broad, developed democracy, is the most important sign of a truly democratic law-abiding state.

3. Independence of justice. Independence of the judicial authorities is an essential principle of the theory and practice of the separation of powers, as a common most important feature of the law-abiding state. Justice and judges should be formally, legally and practically protected from any

external interference and pressure. Strengthening the independence of judges, their true subordination only to the law can really become a very important principle of building of law-abiding state, because we are talking about the third power in the state- the judicial power.

4. The principle of legality. Legality is the only thing that can be used to some extent from the previous regime in the construction of a democratic law-abiding state. Naturally, this use is extremely limited. Legality, the regime of the strictest observance and execution by the state, its officials, public organizations, and citizens become one of the decisive principles of law-abiding state, with the protection, realization of the legitimate rights and interests of the individual in the conditions of democratization of all aspects of the socio-political life of the country. At the same time, the principle of compliance with the law-abiding state can operate consistent legal system in the state.

Legal education of the population has the great importance for the implementation of the principle of legality in the law-abiding state. It is necessary to significantly improve the teaching of law studies in secondary schools, and to introduce the study of the legal system, and especially comparative law, in higher and special educational institutions.

Over the past centuries, the following most important provisions related to the observance of legality and its implementation have become fundamental in legal science: 1. the presumption of innocence; 2. “everything is allowed, that is not prohibited by law”; 3. there is no crime without an indication in the law; 4. the inevitability of punishment, etc.

Only under the condition of strict compliance with the law-abiding state, these great provisions of humanistic legal thought can be implemented both in legislation and implemented in practice. In this case, the citizen’s personality will really be realized as free, protected, and creative.

Ensuring strict compliance with the laws in the society in most constitutions of legal states is entrusted to the judicial authorities and, above all, the prosecutor’s office. At the same time, the prosecutor’s office should be, like the judicial system, completely independent in the exercise of its powers to ensure the law-abiding state from other state authorities and officials.

5. The rule of law and the Constitutional Council. The Constitutional Council must have the right to suspend the operation of laws, decrees and other normative acts, adopted by it for its consideration, the right to make decisions (unanimously or by a

majority of the Constitutional Council) on the compliance or non-compliance of this normative act with the Constitution.

6. The sixth feature of a democratic state, governed by the rule of law, is the presence of a developed legal system, hierarchically built on the basis of the development and concretization of the Constitution and the main constitutional acts. In this legal system, contradictions, inconsistencies of normative acts and other sources of law (precedents, customs, etc.) should be excluded as far as possible.

7. A truly legal democratic state can be considered a state in which, as a result of the democratic development of the society, a sufficiently high legal consciousness of the majority of citizens has been formed. Without such a sense of justice, all other signs of a legal state will not work effectively. Therefore, it is necessary to consider a sufficiently high legal consciousness of the population with its corresponding general culture as a sign of legal state.

Conclusion

The term “law-abiding state” focuses on the first word of this term – “legal”. This means that the state, which claims to be considered legal, proceeds in its activities from law, that is, in its general ideal understanding, as the highest value called by great thinkers and the progressive part of humanity, for instance: the right to life, equality of all people, freedom, property rights, the right to resist

oppression, etc., and in its normative form. At the same time, normative law (positive law) in a state, governed by the law-abiding state, should proceed and be based on the basic concepts and principles of general, ideal law. In particular, this is the categorical requirement, when preparing, adopting and putting into effect the main constitutional acts and laws, adopted on their basis, as normative acts with the highest legal force. Therefore, the law, its supremacy in the formation of state bodies, their subsequent activities is the very essence of the law-abiding state.

In the conclusion we should note, that the concept of law-abiding state proceeds from the “connectedness”, the determination of the state’s activity not by any law, but by positive law of a certain quality. A state, governed by the law-abiding state, presupposes a new level of law, a different ratio of various types of normative legal acts (the supreme law), a more precise and subtle identification, fixation of law by legislation, reliable regulation by law in the interests of the society, the structure, functions and optimal limits of state activity, as well as the creation of legal guarantees against various negative phenomena in the state apparatus (corruption, abuse of power, etc.). The idea of the law-abiding state can be realized only with a specific responsibility, a moral person, an industrial or information society, a constitutional state to activate the legal education among the citizens with the aim to form the high level of the legal consciousness and legal culture.

Литература

- Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. – М.: Юридическая литература, 1993. – 354 с.
- Аюпова, З.К. Конституция Республики Казахстан: доктрина и практика: Коллективная монография – М.: РИОР ИНФРА-М, 2021. – 359 с.
- Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Правовое государство: теоретический замысел и современная политическая практика. – М.: Проспект, 2019. – 256 с.
- Галиева Л.Ш. Разделение власти в субъектах федерации: к.ю.н. – Уфа, 2002. – 186 стр.
- Марченко, М.Н. Правовое государство: учебное пособие [Учебник]. – М.: Проспект, 2019. – 648 с.
- Нарыкова, С.П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (по вопросу о верховенстве права) // Гуманитарные, социально-экономические и социальные науки. – 2018, 5. – С. 55-58.
- Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических ВУЗов и факультетов. – М.: Спарк, 2000. – 566 с.
- Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Зерцало-М, 1994. – 496 с.
- Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2001. – 518 с.
- Омельченко О.А. Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики. – М., 1994. – 191 с.
- Раянов, Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соответствия. – М.: Юрлитинформ., 2015. – 319 с.
- Фетюков Ф.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: теоретико-правовые исследования [Электронный ресурс]. – Диссертация... кандидат юридических наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2016. – 215 с.
- Смирнов, Т.А. Свобода личности и условия ее ограничения в правовом государстве и гражданском обществе // Успехи современной науки и образования. – 2016. – С. 30-35.
- Саидов А.Х. Теория государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Зерцало-М, 2002. – 569 с.
- Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Норма, 1996. – 428 с.

References

- Alekseev S.S. (1993) Gosudarstvo i pravo. Nachal'nyj kurs [State and law. The initial course]. – M.: Juridicheskaja literatura. – 354 s.
- Ayupova, Z.K. (2021). Konstituciya Respubliki Kazahstan: doktrina i praktika. Kollektivnaya monografiya [The Constitution of the Republic of Kazakhstan: doctrine and practice. Collective Monograph]. – Moscow: RIOR INFRA-M. – 359 p.
- Vestov, F.A., Fast, O.F. (2019). Pravovoe gosudarstvo: teoreticheskij zamysel i sovremennaya politicheskaya praktika [The law-abiding state and theoretical design and modern political practice. Monograph]. – Moscow: Prospect. – 256 p.
- Galieva L.Sh. (2002) Razdelenie vlasti v sub#ektah federacii [The division of power in the subjects of the Federation]. K.ju.n.. Ufa. – 186 s.
- Marchenko, M.N. (2019). Pravovoe gosudarstvo [The law-abiding state]. – U chebnoe posobie [Textbook]. – Moscow: Prospect. – 648 p.
- Narykova, S.P. (2018). Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: mify i problemy (po voprosu o verhovenstve prava) [The law-abiding state and civil society: myths and problems (on the question of the rule of law)] // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i social'nye nauki- Humanities, socio-economic and social sciences 2018 5, p. 55-58.
- Nersesjanc V.S. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: Uchebnik dlja juridicheskikh VUZov i fakul'tetov [General theory of law and the state: Textbook for law schools and faculties]. – M.: Spark, 2000. – 566 s.
- Obshhaja teorija prava i gosudarstva: Uchebnik // Pod red. V.V. Lazareva [General theory of law and the State: Textbook // Edited by V.V. Lazarev]. – M.: Zercalo-M, 1994. – 496 s.
- Obshhaja teorija gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v 3-h tomah/ Pod red. M.N. Marchenko [General theory of State and law. Academic course in 3 volumes/ Edited by M.N. Marchenko]. – M.: Zercalo-M, 2001. – 518 s.
- Omel'chenko O.A. (1994) Ideja pravovogo gosudarstva: istoki, perspektivy, tupiki [The idea of the rule of law: origins, prospects, dead ends]. – M. – 191 s.
- Rayanov, F.M. (2015). Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya [Civil society and law-abiding state: problems of understanding and correlation. Monograph]. – Moscow: Yurlitinform. – 319 p.
- Fetyukov, F.V. (2016). Vzaimodejstvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: teoretiko-pravovye issledovaniya [Interaction of the state and civil society: theoretical and legal research]. – Dissertaciya... Kandidat juridicheskikh nauk [Dissertation ... Candidate of Legal Sciences]: 12.00.01. – Ekaterinburg [Yekaterinburg]. – 215 p.
- Smirnov, T.A. (2016). Svoboda lichnosti i usloviya ee ogranicheniya v pravovom gosudarstve i grazhdanskom obshchestve [Freedom of the individual and the conditions of its restriction in the law-abiding state and civil society] // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya – Successes of modern science and education 7. – p 30-35.
- Saidov A.H. Teorija gosudarstva i prava/ Pod red. V.S. Nersesjanca [Theory of state and law/ Edited by V.S. Nersesyants]. M.: Zercalo-M, 2002.569 s.
- Tihomirov Ju.A. (1996) Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya [Course of comparative jurisprudence]. M.: Norma. – 428 s.

2-бөлім
**КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ
ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҒЫ**

Section 2
**CONSTITUTIONAL AND
ADMISTRATIVE LAW**

Раздел 2
**КОНСТИТУЦИОННОЕ
И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

МРНТИ 10.07.23

<https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v99.i3.02>

А.А. Касымжанова^{1*}, **Пьер Тифини²**,
Д.А. Турсынкулова¹, **Н.С. Ибраев³**, **Л.Б. Нусипова¹**

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Институт исследований эволюции нации и государства (IRENEE) университета Лотарингии,
Университет Лорейн, Франция, г. Мец

³Академия Кайнар, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: Ainur.kassymzhan@gmail.com

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Данная статья посвящена правовому анализу обеспечения национальной безопасности в течение 30 лет независимости Республики Казахстан. В ней исследуются правовые проблемы обеспечения национальной безопасности. Также проводится анализ внешних угроз для национальной безопасности Республики Казахстан. При этом особое внимание уделяется таким угрозам, как деградация окружающей среды, рост незаконной миграции, продовольственный кризис.

В статье раскрывается влияние международного опыта на процесс обеспечения национальной безопасности; предлагаются рекомендации для совершенствования законодательства и деятельности государственных органов в сфере обеспечения национальной безопасности. При написании данного исследования были использованы такие методы, как структурно-функциональный, системный, сравнительно-правовой, логический, языковой, формально-юридический.

Авторы полагают, что сегодня необходимо укреплять национальную государственность, ее функциональную мощь, крепить единство и национальную идентичность, принципиально и четко отстаивать свои национальные интересы в любых международных проектах. Статья актуальна тем, что по Посланию Президента Токаева К.-Ж.К. государство должно быть слышащим, т.е. интересы народа, проживающего в данном государстве, и его граждан должны быть на первом месте.

Ключевые слова: национальная безопасность, обеспечение безопасности, внешняя безопасность, Конституция, закон, угрозы внешней безопасности.

A.A. Kassymzhanova^{1*}, Pierre Tifine²,
D.A. Tursunkulova¹, N.S. Ibrayev³, L.B. Nusipova¹

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²Institute of Research of Nation and State Evolution (IRENEE)
of the University of Lorraine, Université de Lorraine, France, Metz

³Kainar Academy, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: Ainur.kassymzhan@gmail.com

Political and legal analysis of threats to the national security of the Republic of Kazakhstan in the context of globalization

This article is devoted to the legal analysis of ensuring national security during the 30 years of independence of the Republic of Kazakhstan. It examines the legal problems of ensuring national security. An analysis of external threats to the national security of the Republic of Kazakhstan is also carried out. At the same time, special attention is paid to such threats as environmental degradation, the growth of illegal migration, and the food crisis.

The article reveals the influence of international experience on the process of ensuring national security; recommendations are proposed for improving legislation and the activities of state bodies in the field of ensuring national security. When writing this study, such methods were used as structural-functional, systemic, comparative-legal, logical, linguistic, formally legal.

The authors believe that in order to prevent the threat of international terrorism, it is necessary to strengthen national statehood, its functional power, to strengthen unity and national identity, to fundamentally and clearly defend their national interests in any international projects. It is also necessary to strengthen its defenses and international consistency. The article is relevant because, according to the

message of President Tokayev K.K., the state should be hearing, and for the people living in this state, its citizens.

Key words: national security, security, external security, Constitution, law, threats to external security.

А.А. Касымжанова^{1*}, Пьер Тифини²,
Д.А. Турсынкулова¹, Н.С. Ибраев³, А.Б. Нусипова¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Лотарингия университеті (IRENEE) ұлт және мемлекет эволюциясын зерттеу институты,
Лорейн Университеті, Франция, Мец қ.

³Қайнар Академиясы, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: Ainur.kassymzhan@gmail.com

Жаһандану жағдайында Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігіне төнетін қатерлерге саяси-құқықтық талдау

Аталған мақала Қазақстан Республикасы Тәуелсіздік алған соңғы 30 жыл ішіндегі ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің құқықтық талдауларына арналған. Ол ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің құқықтық мәселелерін зерттейді. Сондай-ақ Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігіне төнетін сыртқы қауіп-қатерге талдау жүргізіледі. Бұл ретте экологияның бұзылуы, заңсыз көші-қонның өсуі, азық-түлік дағдарысы сияқты қатерлерге ерекше назар аударылады.

Мақалада ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету процесіне халықаралық тәжірибенің әсері ашылады; ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету саласындағы заңнаманы және мемлекеттік органдардың қызметін жетілдіру бойынша ұсыныстар ұсынылады. Бұл зерттеуді жазу кезінде құрылымдық-функционалдық, жүйелік, салыстырмалы-құқықтық, логикалық, лингвистикалық, формальды құқықтық сияқты әдістер қолданылды.

Авторлар ұлттық мемлекеттілікті, оның функционалдық қуатын нығайту, бірлік пен ұлттық бірегейлікті нығайту, кез келген халықаралық жобаларда өздерінің ұлттық мүдделерін түбегейлі және айқын қорғау қажет деп санайды. Сонымен қатар оның қорғанысы мен халықаралық жүйелілігін күшейту қажеттілігіне тоқталады. Сонымен қатар оның қорғанысы мен халықаралық жүйелілігін күшейту қажет. Президент Қ.К. Тоқаевтың Жолдауына сәйкес мемлекет осы мемлекетте тұрып жатқан халық үшін де, оның азаматтары үшін де ашық болуы тиіс.

Түйін сөздер: ұлттық қауіпсіздік, қауіпсіздік, сыртқы қауіпсіздік, Конституция, құқық, сыртқы қауіпсіздікке төнетін қатерлер.

Введение

Во все времена вопросы обеспечения национальной безопасности занимали первостепенное место в жизни и деятельности как отдельного государства, так и всего мирового сообщества. И особенно данные проблемы актуализировались в XX-XXI веках, в эпоху развития глобализации. В настоящий период человечество столкнулось с новыми видами угроз для личности, общества и государства. В этой связи необходимо изучение большого спектра вопросов, связанных с созданием эффективного механизма реагирования на эти угрозы со стороны общества, государства и международных институтов. Также необходимо изучение реальных и потенциальных угроз, при этом особое внимание обращая на влияние зарубежных факторов.

В условиях глобальных вызовов современности с позиции теории важным является выявление новых угроз для национальной безопасности и определение степени опасности, прежде всего,

внешних угроз. С позиции практики важным является выработка конкретных предложений по совершенствованию организационного и правового механизма своевременного реагирования на угрозы национальной безопасности.

Цель настоящего исследования – провести политико-правовой анализ норм, регулирующих обеспечение безопасности личности, общества и государства; раскрыть содержание основных угроз для национальной безопасности Республики Казахстан.

Задачи исследования:

- изучить правовые проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства;
- раскрыть содержание внешних угроз для национальной безопасности Республики Казахстан;
- раскрыть влияние международного опыта на процесс обеспечения национальной безопасности;
- выработать рекомендации для совершенствования законодательства и деятельности го-

сударственных органов в сфере обеспечения национальной безопасности.

Степень научной исследованности. Национальная безопасность – это основа государственной политики любого государства. Конституция Республики Казахстан, принятая в 1995 г., заложила концептуальные правовые основы для того, чтобы сохранять целостность, независимость и стабильность Казахстана как суверенного государства (<https://adilet.zan.kz>).

Вопросы обеспечения национальной безопасности затрагивают практически все сферы жизни общества, стержнем политики национальной безопасности является защита национального суверенитета, независимости и территориальной целостности страны. За годы независимости в Республике Казахстан проделана большая работа по созданию системы обеспечения национальной безопасности страны. Сформирована достаточно прочная правовая база. В 1998 г. был принят Закон «О национальной безопасности РК», который в 2012 г. был утверждён в новой редакции. Здесь выделены шесть видов национальной безопасности (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860).

В 2010 г. был принят Закон «О внешней разведке». В 2016 г. принят закон «О контрразведывательной деятельности».

Существенные изменения были внесены в Закон «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 г. и в Закон «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г. На обеспечение национальной безопасности в пограничном пространстве направлен принятый 16 января 2013 г. Закон «О государственной границе РК».

Сегодня можно говорить о том, что деятельность по обеспечению национальной безопасности приобретает системный и последовательный характер и предусматривает реальную оценку ситуации во всех важных сферах жизнедеятельности общества и определение наиболее опасных угроз с целью приоритетности работы по их устранению. Законы, касающиеся обеспечения безопасности личности, общества и государства, приняты во всех странах. Так, в апреле 2021 г. во Франции был принят новый закон «О глобальной безопасности». Отметим, что во Франции обострилась проблема обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Многогранные аспекты обеспечения национальной безопасности раскрыты в трудах известных ученых Казахстана – юристов, политологов, экономистов, философов на современном этапе. Это труды Айтхожина Х.К., Абсаметова С.К.,

Аманова Ж.К., Байкенжеева А.С., Баймахановой Д.М., Бейсекова С.С., Жатканбаева Е.Б., Ибраевой А.С., Карина Е.Т., Кубеева Е.К., Кулжабаевой Ж.А., Мамонова В.В., Нурпеисова Д.К., Салимгерей А.А., Сапаргалиева Г.С., Сартаева С.С., Тажина М. и др. (Байкенжеев 2017: 150).

Вместе с тем процесс совершенствования системы национальной безопасности страны, с учетом мирового опыта, продолжается. Особенно это касается правового регулирования. Сегодня в правовом поле РК должны учитываться новые, более масштабные вызовы и угрозы безопасности. Эти угрозы должны быть учтены в действующем законодательстве. Также необходимо раскрыть механизм защиты прав человека в сфере обеспечения национальной безопасности.

В ходе проведения данного исследования были выдвинуты следующие научные гипотезы:

1. Закон РК «О национальной безопасности» определяет перечень угроз национальной безопасности (ст. 6), которые не коррелируют с видами национальной безопасности (ст. 4). Так, например, ухудшение здоровья населения представляет собой угрозу национальной безопасности. Однако, такой вид, как продовольственная безопасность, в Законе отсутствует. В этой связи полагаем необходимым, опираясь на научные разработки, определить новые виды национальной безопасности и на этой основе разработать предложения по совершенствованию действующих нормативных правовых актов.

2. В Законе «О национальной безопасности РК» национальная безопасность Республики Казахстан напрямую связывается с такими категориями, как национальные интересы и угрозы, которые определяются статьями 5 и 6 соответственно. В данных статьях указаны основные национальные интересы и основные угрозы национальной безопасности. Вместе с тем, возникает вопрос о наличии неосновных интересов и угроз. Для ответа на этот вопрос полагаем необходимым провести научную классификацию угроз национальной безопасности с точки зрения степени их опасности, определить первостепенные меры по их нейтрализации.

3. Безопасность есть состояние защищенности от угроз. Современные угрозы имеют как внутренний, так и внешний источник возникновения. В этой связи в действующем Законе «О национальной безопасности РК» закреплено следующее понятие: «Угрозы национальной безопасности – совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), пре-

пятствующих или могущих препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан». То есть толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что современные угрозы необходимо рассмотреть как с внутренней, так и с внешней стороны. Полагаем, что для полного исследования категории национальной безопасности необходимо изучение внутренних и внешних угроз в тесной взаимосвязи. Это позволит выработать эффективные меры по своевременному противодействию данным угрозам.

4. В научном плане предлагаем пересмотреть понятие «национальные интересы». На наш взгляд, более предпочтительнее понятие «жизненно важные интересы личности, общества и государства». Это есть главные потребности, без обеспечения которых невозможно стабильное и прогрессивное существование общества и государства. Также полагаем необходимым пересмотреть понятие «угрозы национальной безопасности». Полагаем, что под угрозами национальной безопасности можно понимать совокупность внешних и внутренних факторов, препятствующих или могущих препятствовать реализации интересов индивидов, личности в обществе и в государстве. При этом к реальным угрозам национальной безопасности можно отнести совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), препятствующие реализации национальных интересов Республики Казахстан. К потенциальным угрозам национальной безопасности можно отнести негативные факторы, могущие препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан.

Методы исследования. При написании данного исследования были использованы такие методы, как структурно-функциональный, системный, сравнительно-правовой, логический, языковой, формально юридический.

Основная часть

Общая характеристика правовой основы обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан

Правовую основу обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан составляют конституционные нормы, нормы общего и специального законодательства, а также нормы, закреплённые в международных договорах. В качестве суверенного государства Казахстан ратифицировал основные международные договоры, касающиеся различных вопросов. Отметим, что Казахстан присоединился к международным

актам, регулирующим такие вопросы, как обеспечение прав и свобод человека, противодействие международному терроризму, обеспечение экологической безопасности и др.

Особо отметим, что в системе источников права главным актом является Конституция. Статья 4 Конституции РК гласит: «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики. Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами» (<https://adilet.zan.kz>).

Отметим, что не допускается заключение международных договоров, способных нанести ущерб национальной безопасности или ведущих к утрате независимости Республики Казахстан, а также сужающих сферу суверенных прав Республики Казахстан (ст. 2 Закона «О национальной безопасности РК»).

Большой блок международных договоров касается обеспечения прав и свобод граждан. Три основных документа, кодифицировавших права человека на всемирном уровне, вместе составляют то, что сегодня часто называют Международным биллем о правах человека. В их числе – Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый в 1966 г., и факультативный протокол к нему от 2008 г. Сюда также относится и Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 г., и два факультативных протокола к нему.

Всеобщая Декларация по правам человека оказала сильнейшее влияние на последующие универсальные и региональные договоры в области прав человека, а также на национальные конституции и другие законодательные акты. В результате существует ряд положений, которые сейчас можно считать нормами обычного права, например, запрещение пыток и других форм жестокого обращения, запрещение расовой дискриминации и запрещение рабства. Вслед за Международным биллем о правах человека был разработан ряд договоров, посвященных конкретным вопросам. К ним относятся:

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Конвенция против расовой дискриминации);

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Конвенция против дискриминации женщин) и факультативный протокол к ней;

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенция против пыток) и факультативный протокол к ней (Факультативный протокол к Конвенции против пыток);

Конвенция о правах ребенка и факультативные протоколы к ней, касающиеся участия детей в вооруженных конфликтах, а также торговли детьми, детской проституции и детской порнографии;

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Минимальные стандартные правила);

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (Свод принципов);

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (Декларация основных принципов правосудия);

Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Таким образом, права человека являются неотъемлемым достоянием всех людей, без какого бы то ни было различия на основании расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, или любого иного аспекта. Права человека включают право на жизнь и свободу, свободу от рабства и пыток, свободу убеждений и их свободное выражение, право на труд и образование и многие другие. Этими правами должны обладать все люди, без какой-либо дискриминации. Международное право в области прав человека определяет правовые обязанности государств, в соответствии с которыми они обязаны действовать определенным образом или воздерживаться от определенных действий с целью поощрения и защиты прав человека и основных свобод отдельных лиц или групп людей.

В области обеспечения экологической безопасности отметим такие международные акты, как Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием; Конвенция Всемирной метеорологической организации; Конвенция о биологическом разнообразии; Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия; Рамочная конвенция ООН об изменении климата; Венская конвенция об охране озонового слоя; Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и др.

Также отметим международные договора, касающиеся противодействия терроризму. Это

Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма. Укажем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Также это Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Отметим значимость Конвенции ООН против коррупции. Укажем также Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма.

Отметим, что Казахстан ратифицировал все перечисленные международные договора, тем самым взяв на себя обязанность приведения национального законодательства в соответствии с нормами данных актов и обязательства учитывать требования указанных договоров в деятельности государственных органов.

Безопасность есть состояние защищенности от угроз. Отметим, что в Законе «О национальной безопасности РК» указаны шесть видов национальной безопасности: общественная, военная, политическая, экономическая, информационная, экологическая.

Современные угрозы имеют как внутренний, так и внешний источник возникновения. В этой связи в действующем Законе «О национальной безопасности РК» закреплено следующее понятие: «Угрозы национальной безопасности – совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), препятствующих или могущих препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан». То есть толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что современные угрозы необходимо рассмотреть как с внутренней, так и с внешней стороны.

По мнению ведущего ученого в области национальной безопасности А. Байкенжеева, угрозы национальной безопасности могут быть классифицированы в зависимости от источника; по степени актуальности; в зависимости от наличия волевого элемента, основания возникновения правоотношений (Байкенжеев 2017:150).

В этой связи А.С. Байкенжеев разделяет угрозы на внешние и внутренние; реальные и потенциальные; действия и события. Полагаем, что данная классификация имеет весомое значение при определении природы источника угрозы и при выборе действий, направленных на устранение данной угрозы.

Со своей стороны полагаем наиболее приемлемым разделение угроз национальной безопасности на два вида – реальные и потенциальные. Подобное разделение имеет практическое

значение. В первую очередь, силы обеспечения национальной безопасности должны сосредоточиться на реальных угрозах. Тогда как потенциальные угрозы должны изучаться соответствующими государственными органами и иметь более превентивный характер. Это необходимо для принятия политических решений. В тоже время возможно пересмотреть взгляды, и перенести угрозы потенциальные в угрозы реальные. Так, к примеру, в настоящее время резко обострилась политическая обстановка в Афганистане. И соответственно, угрозы от изменения политических сил в этой стране перешли от потенциальных к реальным для нашей страны.

Обратимся к научному анализу понятия «национальная безопасность». В действующем законе данная категория понимается через призму национальных интересов. На наш взгляд, необходимо привести данную категорию в соответствие с конституционными нормами. Полагаем, что понятие «национальная безопасность» должно пониматься через призму трех категорий: «личность, общество, государство». Это следует из конституционных норм, где главной ценностью провозглашен человек, его права и свободы. Таким образом, в законе предлагаем изменить понятие «национальные интересы» на жизненно важные интересы личности, общества и государства. При этом в законе полагаем необходимым дать определение «жизненно важные интересы личности, общества и государства». На наш взгляд, жизненно важные интересы личности, общества и государства можно определить в качестве главных потребностей, без обеспечения которых невозможно стабильное и прогрессивное существование. Жизненно важные интересы личности, общества и государства закреплены в конституционных нормах.

Также полагаем необходимым пересмотреть понятие «угрозы национальной безопасности». Полагаем, что под угрозами национальной безопасности можно понимать совокупность внешних и внутренних факторов, препятствующих или могущих препятствовать реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства. При этом к реальным угрозам национальной безопасности можно отнести совокупность внешних и внутренних факторов (процессов и явлений), препятствующие реализации национальных интересов Республики Казахстан. К потенциальным угрозам национальной безопасности можно отнести негативные факторы, могущие препятствовать реализации национальных интересов Республики Казахстан.

Обеспечение внешней безопасности связано с проведением внешней политики. Вопросы внешней политики Казахстана основываются на конституционных нормах, закрепленных в пункте 2 статьи 1 Конституции РК. Так, согласно данной статье, «Основопологающими принципами деятельности Республики являются: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм, решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами, включая голосование на республиканском референдуме или в Парламенте» (<https://adilet.zan.kz>). В то же время отметим, что в основном законе страны не заложены нормы, которые прямо регулируют проведение внешней политики.

Такое же положение наблюдается в Конституции Франции. Так, в статье 1 провозглашено: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всем гражданам, независимо от происхождения, расы или религии. Она уважает все верования. Ее организация является децентрализованной» (<https://www.conseil-constitutionnel.fr>). Обратимся для сравнения к Конституции Узбекистана. В статье 17 закреплено следующее: «Республика Узбекистан является полноправным субъектом международных отношений. Ее внешняя политика исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов, и норм международного права. Республика может заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, исходя из высших интересов государства, народа, его благосостояния и безопасности» (<https://constitution.uz/ru/clause/index#section2>). Рассмотрим, как внешние угрозы влияют на национальную безопасность Республики Казахстан. Обратимся к анализу таких угроз, как рост незаконной миграции, продовольственный кризис.

Продовольственный кризис и обеспечение продовольственной безопасности

Обратимся к глобальным угрозам. Это, прежде всего, продовольственный кризис и соответственно обеспечение продовольственной безопасности. Отметим, что продовольственная безопасность характеризуется физической доступностью продовольствия, экономической

доступностью продовольствия и качеством продуктов питания. Также продовольственную безопасность можно охарактеризовать как состояние экономики государства, при котором обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни. В подпункте 2 пункта 1 статьи 6 Закона «О национальной безопасности РК» закреплено, что ухудшение здоровья населения представляет собой угрозу национальной безопасности (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860).

Обратимся к статистическим данным. В настоящее время, по данным Генерального секретаря ООН Антониу Гуттериш, 3 млрд человек на Земле не имеют доступа к здоровому питанию. В 2020 году, когда разразилась пандемия COVID-19, с голодом столкнулись на 161 млн человек больше, чем в 2019-м. Таким образом, в 2020 г. на нашей планете насчитывалось 811 млн голодающих (<https://time.kz/articles/mir/2021/07/27/vinovaty-klimat-krizis-i-vojnny>).

Самая тревожная тенденция по продовольственной безопасности сложилась в Африке и странах Азии. Так, по данным ООН, более половины (418 миллионов) лишенных достаточного питания проживает в Азии, более трети (282 миллиона) – в Африке, меньше (60 миллионов) – в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна.

При этом самый резкий рост масштабов голода был отмечен в Африке. Здесь показатель распространенности недоедания достиг 21 процента. И это более чем вдвое выше, чем в любом другом регионе.

В основном от голода страдают дети. Так, в 2020 году число детей в возрасте до пяти лет, страдающих от отставания в росте в сравнении со сверстниками, достигло 149 миллионов. При этом более 45 миллионов детей страдали от истощения. А около 39 миллионов детей обладали избыточным весом. Как известно, и недостаток веса, и избыточность веса в равной мере квалифицируются как следствие неполноценного питания (<https://www.who.int/ru/news/item/12-07-2021-un-report-pandemic-year-marked-by-spike-in-world-hunger>).

Согласно статистическим данным ООН, в 55 странах Азии, Африки у 90 млн детей в возрасте до пяти лет отмечается задержка в развитии, связанная с недоеданием. В список стран, где разворачивается продовольственный кризис,

также входят Йемен, Афганистан, Сирия и Гаити (<https://news.un.org/ru/story/2021/05/1402342>).

Во многих странах пандемия спровоцировала резкий спад экономики и привела к ограничению доступа к продовольствию. И все же главными причинами являются вооруженные конфликты, вооруженная борьба за власть, климатические и экологические изменения (наводнения, пожары, землетрясения, ураганы), провоцирующие катастрофические последствия для экономики. Также отметим, что страны, в которых наблюдается высокий уровень неравенства, подвержены продовольственным кризисам, ведущим к голоду.

Премьер-Министр РК А. Мамин на заседании Совета глав правительств (СГП) Содружества Независимых Государств (СНГ) в Минске в мае 2021 г. отметил необходимость формирования новой повестки устойчивого развития экономики СНГ в постпандемический период. В рамках новой повестки экономического развития СНГ Глава Правительства Казахстана предложил разработать и принять Стратегию обеспечения продовольственной безопасности стран СНГ, которая охватывала бы весь спектр субъектов и мероприятий, имеющих отношение к производству, переработке, распределению, регулированию и потреблению продуктов питания (<https://www.primeminister.kz/ru/news/a-mamin-predlozhit-razrabotat-strategiyu-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-stran-sng-284315>).

Отметим, что вопросам продовольственной безопасности придается особое внимание в Казахстане. В Послании Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» от 14 декабря 2012 года, подчеркивается, что в настоящее время человечество сталкивается с новыми глобальными вызовами. Сегодня обостряется угроза глобальной продовольственной безопасности. «Высокие темпы роста мирового народонаселения резко обостряют продовольственную проблему. Уже сегодня в мире десятки миллионов людей голодают, около миллиарда человек на постоянной основе испытывают нехватку в пище. Без революционных изменений в производстве продуктов питания эти страшные цифры будут только расти» (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050/links>).

По итогам 2020 года по уровню продовольственной безопасности Республика Казахстан заняла 32 место из 113, улучшив свои позиции

на 16 пунктов по сравнению с 2019 годом (<https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-uluchshil-pozicii-v-globalnom-reitinge-prodovolstvennoi-bezopasnosti-the-economist-intelligence-unit-421935>).

При решении проблемы обеспечения национальной продовольственной безопасности серьезного внимания заслуживают вопросы самообеспечения страны основными видами продуктов питания. Здесь необходимо ориентироваться на внутренние поставки продовольствия, ограничив зависимость от внешней торговли. Отметим, что из всех продуктов только внутренний рынок муки полностью обеспечивается за счет отечественного производства.

Таким образом, проблема голода не является актуальной для Казахстана. Тем не менее, существуют внутренние и внешние угрозы (опасности) для обеспечения продовольственной безопасности страны.

Обратимся к внутренним угрозам. Это истощаемость земельных ресурсов; неразвитость отраслей переработки и хранения сельскохозяйственной продукции; сокращение посевных площадей и поголовья скота; неблагоприятно складывающееся в отдельные годы сочетание природных факторов (засуха, наводнение и др.), влияющих на снижение урожаев сельскохозяйственных культур или приводящих их к крупным потерям; нарушение условий воспроизводства в сельском хозяйстве и других отраслях агропромышленного комплекса вследствие морального и физического износа основных средств производства; миграция экономически активной части населения в крупные города, углубление и имущественное расслоение общества, при котором резко снижаются доходы наименее защищенной части населения (<https://articlekz.com/article/21563>).

В настоящее время в Казахстане отмечается негативное изменение в климате. Это приводит к негативным последствиям.

Внешняя угроза продовольственной безопасности страны связана с открытостью рынка для зарубежных производителей. Это приводит к зависимости от импорта основных видов питания республики в целом, ее отдельных регионов, городов, промышленных центров от стран-экспортеров. И даже больше. Казахстан, стремясь стать участником ВТО, усиливает открытость своего внутреннего рынка. Соответственно, возникает угроза крупномасштабной экспансии импорта продовольствия, вытеснение отечественных товаропроизводителей и, как

следствие, свертывание их производства (<https://articlekz.com/article/21563>).

Полагаем, что для решения проблемы внутренних и внешних угроз национальной продовольственной безопасности необходимы следующие действия. Это, прежде всего, преодоление коррупции в системе экономических отношений в сфере производства, закупа, первичной и глубокой переработки, хранения, транспортировки и реализации сельскохозяйственной продукции. Полагаем необходимым проведение оптимального сочетания государственного и рыночного регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию с целью оживления платежеспособного спроса населения и повышения конкурентоспособности отечественного продовольствия на внутреннем и внешнем рынках. Также следует рассмотреть вопрос о гибком налогообложении сельхозпроизводителей, предоставление налоговых льгот тем производителям, которые вкладывают средства в развитие приоритетных отраслей и продуктов, или же придерживаются принципа устойчивого развития производства с соблюдением экологических норм. Также полагаем, что необходим постоянный мониторинг продовольственного рынка и продовольственной безопасности Казахстана, создание механизмов общественного контроля целесообразности импорта и качественных характеристик импортируемого продовольствия (<https://articlekz.com/article/12127>).

Противодействие незаконной миграции

Вопросы правового регулирования миграционных отношений являются актуальными для всех стран. Миграция есть процесс перемещения места жительства. Отметим, что право свободного передвижения есть естественное право человека. Каждый человек имеет право свободного перемещения как внутри страны, так и за ее пределами. Государство через правовые нормы регулирует миграционные процессы. В настоящее время более 200 млн человек являются мигранты во всем мире. Проблема миграции прямо связана с вопросами обеспечения безопасности личности, общества и государства. Самое большое количество мигрантов принимает США.

Серьезную опасность для национальной безопасности Казахстана представляет незаконная миграция. Опасность незаконной миграции заключается в том, что многие потенциальные нарушители закона первоначально прибывают в страну легально (по туристическим визам или деловым приглашениям), но затем в нарушение

закона остаются в стране по истечении срока визы.

Все страны стремятся сотрудничать в борьбе с незаконной миграцией. В декабре 2000 г. была принята Конвенция ООН против транснационально организованной преступности и два Протокола против вывоза мигрантов и похищения людей.

Отметим, что в нашей стране создана правовая база, регулирующая миграционный процесс в полной мере. Законы Республики Казахстан «О миграции населения», «О гражданстве», «О беженцах», «О государственной границе Республики Казахстан», «О пограничной службе Республики Казахстан», Закон «О правовом положении иностранных граждан в Республике Казахстан» ярко выражают государственный интерес в сфере регулирования миграционных процессов. В декабре 1998 г. Казахстан присоединился к Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев.

Обратимся к статистическим данным относительно числа беженцев в мире. Так, число бежавших от войн и насилия людей по итогам 2020 года выросло на 4% (<https://news.un.org/ru/story/2021/06/1404952>).

Вынуждено свои дома покинули более 80 миллионов человек. Среди которых почти половина – несовершеннолетние. В основном это выходцы из стран Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока (<https://news.un.org/ru/story/2021/06/1404952>). По данным на 2019 г., в Казахстане проживают 523 беженца, из них 509 – беженцы, прибывшие из Афганистана.

Отметим, что в нашей стране введена уголовная ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 394 УК РК). Так, организация незаконной миграции есть предоставление транспортных средств либо поддельных документов, либо жилого или иного помещения, а также оказание гражданам, иностранцам и лицам без гражданства иных услуг для незаконного въезда, выезда, перемещения по территории Республики Казахстан (https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks.htm).

В Законе РК «О миграции населения» определены основные виды миграции. Это трудовая миграция, незаконные иммигранты, иммиграция, эмиграция, миграция, кандасы (репатрианты), семейная иммиграция, внутренняя миграция (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>).

Также появился новый вид иммиграции – внутрикорпоративный перевод. Это есть «временный на срок, определенный трудовым до-

говором, но не более трех лет, с правом продления на один год перевод иностранца или лица без гражданства, осуществляющего трудовую деятельность на должности руководителя, менеджера или специалиста в юридическом лице, учрежденном на территории страны-члена Всемирной торговой организации, находящемся и действующем за пределами территории Республики Казахстан, в филиалы, дочерние организации, представительства данного юридического лица, учрежденные на территории Республики Казахстан в соответствии с законодательством Республики Казахстан» (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>).

Отметим, что в Казахстане принят Закон «О беженцах». Статус беженца присваивается сроком на один год. Ученые полагают, что негативные последствия незаконной миграции особенно сильно проявляются в экономической, политической сферах и в сфере борьбы с преступностью.

Так, известный казахстанский ученый в области миграции А. Божкараулы полагает, что «незаконная миграция увеличивает безработицу в принимающем государстве. Очень часто оплата труда незаконного мигранта часто значительно ниже той, которую получают коренные жители. Именно поэтому местные жители могут и не найти работы. Незаконные мигранты выполняют, как правило, такую работу, на которую не соглашаются местные жители. Промышленно развитые государства нуждаются в притоке рабочей силы из-за рубежа, в том числе незаконной. Поскольку использование труда незаконных мигрантов носит скрытый характер, государство не получает налоговых поступлений от него. Но эти суммы остаются у работодателя, поэтому не теряются для экономики в целом и могут быть инвестированы в ее легальном секторе, принося налоговые поступления. С другой стороны, экономика принимающего государства теряет денежные средства, которые трудовые мигранты направляют в государство своего происхождения» (<https://articlekz.com/article/6206>).

Укажем на связь незаконной миграции с транснационально организованной преступностью. Это влечет за собой такие преступления, как торговля людьми, в том числе сексуальная эксплуатация женщин и детей, и незаконный ввоз мигрантов, перевозка наркотических веществ.

Незаконная миграция может быть связана и с международным терроризмом. В настоящее время во всем мире растет угроза международного

терроризма. Только путем широкого межгосударственного сотрудничества возможно противостоять международному терроризму.

По данным Министерства внутренних дел, в Казахстане объемы нелегальной трудовой миграции ежегодно составляют ориентировочно 200-300 тыс. человек. Нелегальная миграция представляет опасность для системы государства. Определенная часть этой категории людей занимается нелегальной, в том числе уголовно наказуемой деятельностью. Нелегальная миграция нередко сопровождается контрабандой оружия и наркотиков, провоцирует траффик, что становится свидетельством скоординированных действий преступных группировок разных стран.

Обратимся к опыту Франции. В 2018 г. французский парламент принял новый более жесткий закон об иммиграции. Отметим, что Франция предпринимает целый комплекс мер по борьбе с незаконной миграцией. Эти меры реализуются на трех уровнях: национальном, общеевропейском и путем соглашений с близлежащими странами. К основным методам борьбы с нелегальной миграцией во Франции относятся ужесточение законодательства, регламентирующего положение иммигранта в стране; усиление контроля внешних границ. Особое значение имеет формирование единой консульской службы и визового режима. В целом, вопросы нелегальной миграции должны решаться как законодательным путем, так и путем проведения эффективной экономической, социальной, культурной политики по интеграции мигрантов в национальную среду (http://ir.vsu.ru/periodicals/pdf/panorama/pnrm_2020_2.pdf).

В национальной системе важное значение имеет изучение и применение международного опыта по предупреждению и пресечению нелегальной миграции. Наша страна является активным участником международных процессов. Ратификация Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей налагает на Казахстан определенные обязательства. Полагаем возможным применение следующих мер по предотвращению нелегальной миграции в РК. Эти меры предлагаются Международной организацией по миграции.

1. Практические меры: укрепление границ, ужесточение визовой политики, усиление таможенного администрирования, расширение сети пунктов миграционного контроля, создание специализированных подразделений миграцион-

ной полиции и постов миграционного контроля, формирование единой системы автоматизированного контроля.

2. Превентивные меры. Это депортация нелегалов, уже находящихся на территории страны.

3. Законодательные меры: легализация нелегальных мигрантов. В нашей стране в основном нелегальные мигранты прибывают из приграничных государств. Речь идет о трудовых мигрантах.

При проведении иммиграционной политики важно четкое разграничение и согласование ведомственных функций. Основной орган – это Министерство внутренних дел. Вместе с тем в проведении миграционной политики задействованы местные исполнительные органы, специальные государственные органы, органы прокуратуры, органы юстиции.

Заключение

1. Рассмотрев вопросы обеспечения национальной безопасности, можно сделать следующие выводы. В системе основных видов угроз, имеющих глобальный характер в настоящее время, особое место занимают следующие угрозы: угроза экологической и продовольственной безопасности, угроза нелегальной миграции.

Полагаем обратить особое внимание на угрозу продовольственной безопасности для Республики Казахстан. Данные угрозы можно подразделить на внутренние и внешние. К внутренним угрозам относятся: а) усиление импортной зависимости по продовольственным товарам; б) чрезмерная открытость экономики; в) криминализация экономических отношений.

К внешним угрозам можно отнести: а) технологическую блокаду, опасность которой возрастает из-за отставания в научно-технической сфере; б) потерю рынков сбыта в дальнем и ближнем зарубежье; в) перепроизводство продовольствия в других странах; д) экономическую и финансовую зависимость от других стран.

В этой связи предлагаем ввести в статью 6 Закона «О национальной безопасности» следующее дополнение: «Основными угрозами национальной безопасности являются: отсутствие доступа к здоровому питанию; истощаемость земельных ресурсов; крупномасштабная экспансия импорта продовольствия, вытеснение отечественных товаропроизводителей».

2. Также полагаем обратить особое внимание на угрозу нелегальной миграции. Это также связано с нестабильной ситуацией в

странах Ближнего Востока, и особенно в Афганистане. В этой связи полагаем необходимым использовать международный опыт по предупреждению и пресечению нелегальной миграции.

3. Закон РК «О национальной безопасности» определяет перечень угроз национальной безопасности (ст. 6), которые не коррелируют с видами национальной безопасности (ст. 4). В этой связи полагаем необходимым, опираясь на научные разработки, определить новые виды национальной безопасности и на этой основе разработать предложения по совершенствованию действующих нормативных правовых актов.

Это продовольственная безопасность, биологическая безопасность.

4. В настоящее время понятие «национальная безопасность» должно пониматься через призму трех категорий: личность, общество, государство. Это следует из конституционных норм, где главной ценностью провозглашен человек, его права и свободы. Таким образом, в законе предлагаем изменить понятие «национальные интересы» на жизненно важные интересы личности, общества и государства. При этом в законе полагаем необходимым дать определение понятию «жизненно важные интересы личности, общества и государства».

Литература

Алдашев, М.Н. Продовольственная безопасность республики Казахстан: современное состояние, проблемы и основные пути выхода из продовольственного кризиса // Вест. Актюб. ун-та им. С.Баишева. Серия Экономика. – 2015. – № 4. // <https://articlekz.com/article/12127>

Байкенжеев, А.С. Конституционно-правовые основы обеспечения национальной безопасности в Республике Казахстан. – Алматы, 2017. – 150 с.

Божкараулы, А. Незаконная миграция как новый вызов международной и национальной безопасности // Вест. КарГУ им. Е. Букетова. Серия юридическая. – 2013. – №4. <https://articlekz.com/article/6206>

Время. Общественно-политическая газета Казахстана // 28 июля 2021 г. №116 (3250) // <https://time.kz/articles/mir/2021/07/27/vinovaty-klimat-krisis-i-vojni>

Гаипова, Б.Ж., Саханова, Л.Б. Продовольственная безопасность республики Казахстан как фактор повышения качества жизни населения // Вест. Евраз. Юрид. Акад. им. Д.А. Кунаева. – 2015. – №4. – С.39. // <https://articlekz.com/article/21563>

Доклад ООН: год пандемии обострил проблему голода в мире // <https://www.who.int/ru/news/item/12-07-2021-un-report-pandemic-year-marked-by-spike-in-world-hunger>

Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности». Принят 6 января 2012 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860

Закон Республики Казахстан «О миграции». Принят 22 июля 2011 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>

Казахстан по уровню продовольственной безопасности на 32 месте // <https://primeminister.kz/ru/news/kazahstan-uluchshil-pozicii-v-globalnom-reitinge-prodovolstvennoi-bezopasnosti-the-economist-intelligence-unit-421935>

Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. // <https://adilet.zan.kz>

Конституция Франции. Принята 4 октября 1958 г. // <https://www.conseil-constitutionnel.fr>

Конституция Республики Узбекистан. Принята 8 декабря 1992 г. // <https://constitution.uz/ru/clause/index#section2>

Мамин А. предложил разработать Стратегию обеспечения продовольственной безопасности стран СНГ // <https://www.primeminister.kz/ru/news/a-mamin-predlozhit-razrabotat-strategiyu-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-stran-sng-284315>

Новый доклад ООН: миллионам жителей планеты грозит голодная смерть // <https://news.un.org/ru/story/2021/05/1402342>

Телкова Т.О. Нелегальная миграция во Франции и методы борьбы с ней // http://ir.vsu.ru/periodicals/pdf/panorama/pnrm_2020_2.pdf

Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050/links>

Уголовный Кодекс РК. Принят 3 июля 2014 г. // https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks.htm

Число беженцев по итогам 2020 года выросло на 4% – ООН // <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1404952>

References

Aldashev M.N. Food security of the Republic of Kazakhstan: current state, problems and main ways out of the food crisis // Bulletin of Aktobe University named after S. Baisheva. Series Economics. – 2015. – No. 4. // <https://articlekz.com/article/12127>

Baykenzheev A.S. Constitutional and legal foundations for ensuring national security in the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 2017. – 150 p.

Bozhkarauly A. Illegal migration as a new challenge to international and national security // Bulletin of the KarSU im. E. Buketova. – Legal series. – 2013. – No. 4. <https://articlekz.com/article/6206>

Climate, crisis and wars are to blame // Time. Social and political newspaper of Kazakhstan // July 28, 2021 №116 (3250) <https://time.kz/articles/mir/2021/07/27/vinovaty-klimat-krizis-i-vojny>

Gaipova B.Zh., Sakhanova L.B. Food security of the Republic of Kazakhstan as a factor in improving the quality of life of the population // Bulletin of the Eurasian Law Academy named after D.A. Kunaev. – 2015. – No. 4. – S. 34.39.

UN report: the year of the pandemic has exacerbated the problem of hunger in the world // <http://www.fao.org/news/story/ru/item/1415654/icode/> date of access 07.08.2021

Kazakhstan is on the 32nd place in terms of food security. Over the year, the country has risen in the ranking by 16 points // <https://kapital.kz/economic/93910/kazakhstan-po-urovnyu-prodovol-stvennoi-bezopasnosti-na-32-meste.html>

The Constitution of the Republic of Kazakhstan. Adopted August 30, 1995 Amendment. And add. 1998, 2007, 2011, 2017, 2019 – Almaty, 2019. – 95 p.

Constitution of France. October 4, 1958 // https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constitution/france/france-r.htm

Constitution of the Uzbek Republic. Adopted on December 8, 1992 // <https://constitution.uz/ru/clause/index#section2>

Mamin A. proposed to develop a Strategy for ensuring food security of the CIS countries. Friday, 28 May 2021, 17:32:22 // <https://www.primeminister.kz/ru/news/a-mamin-predlozhit-razrabotat-strategiyu-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-stran-sng-284315>

Telkova T.O. Illegal migration in France and methods of combating it // <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>

Law of the Republic of Kazakhstan About national security. Adopted on January 6, 2012

Law of the Republic of Kazakhstan About migration. Adopted July 22, 2011

Message of the President of the Republic of Kazakhstan – Leader of the Nation Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan “Strategy” Kazakhstan-2050 “: a new political course of the established state.” December 14, 2012

Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Adopted on July 3, 2014.

The number of refugees at the end of 2020 increased by 4% – UN // <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/481071-chislo-bezhentsev-po-itogam-2020-goda-vyroslo-na-4-oon>

3-бөлім
**АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ
ЖӘНЕ ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫ**

Section 3
**CIVIL LAW
AND LABOR LAW**

Раздел 3
**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
И ТРУДОВОЕ ПРАВО**

IRSTI 10.63.59; 10.67.01

<https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v99.i3.03>**Ye. Buribayev***^{ID}, **Zh. Khamzina**^{ID}

Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: yermek-a@mail.ru

RESOLVING INDIVIDUAL LABOR DISPUTES IN KAZAKHSTAN IN THE ERA OF HUMAN RIGHTS

The main role of labor law is that it harmonizes the interests of society, the state, as well as workers and employers in the field of employment. One of the mechanisms for ensuring such a reconciliation of interests is an effective judicial system, which must be “tuned” to the special subject composition of labor relations; should differentiate the principles of civil and labor contracts; to provide a special approach to the settlement of labor disputes, taking into account the vital necessity for citizens to participate in hired labor, to receive remuneration; take into account the risk for citizens of loss of life and health in labor relations if the employer does not comply with labor protection measures; take into account the impossibility of restoring the original position of the parties (bring the parties to their original position) when terminating the employment contract. The study is aimed at developing the theoretical and methodological foundations of the judicial form for resolving labor disputes. The scientific and practical significance of the work lies in the substantiation of proposals for further improving the procedures for resolving labor disputes. Methodologically, the study was carried out using traditional methods inherent in legal science: formal legal (dogmatic), sociological and legal, the method of legal modeling, as well as the critical legal method of legal knowledge. The main results are aimed at improving the current practice of implementing the judicial form of protecting social and labor human rights.

Key words: individual labor dispute, mediator, labor conflict, justice, labor law.

Е. Бурибаев*, Ж. Хамзина

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: yermek-a@mail.ru

Қазақстандағы адам құқығы дәуіріндегі жеке еңбек дауларын шешу

Еңбек құқығының басты рөлі – бұл қоғамның, мемлекеттің, сондай-ақ жұмыспен қамту саласындағы жұмысшылар мен жұмыс берушілердің мүдделерін үйлестіру. Мүдделердің осындай үйлесуін қамтамасыз ететін тетіктердің бірі тиімді сот жүйесі болып табылады, ол еңбек қатынастарының арнайы пәндік құрамына «сәйкестендірілуі» керек; азаматтық және еңбек шартын жасасу принциптерін ажырату қажет; азаматтардың жалдамалы еңбекке қатысуының, сыйақы алуының өмірлік қажеттілігін ескере отырып, еңбек дауларын шешуге ерекше көзқарасты қамтамасыз ету; егер жұмыс беруші еңбекті қорғау шараларын сақтамаса, еңбек қатынастарында азаматтардың өмірі мен денсаулығын жоғалту қаупін ескеру; еңбек шарты тоқтатылған кезде тараптардың бастапқы жағдайын қалпына келтірудің мүмкін еместігін ескеру (тараптарды олардың бастапқы орнына келтіру). Зерттеу еңбек дауларын шешудің сот нысанының теориялық және әдістемелік негіздерін дамытуға бағытталған. Жұмыстың ғылыми және практикалық маңыздылығы еңбек дауларын шешу тәртібін одан әрі жетілдіру бойынша ұсыныстарды негіздеуде. Әдістемелік тұрғыдан зерттеу заң ғылымына тән дәстүрлі әдістерді қолданумен жүргізілді: ресми құқықтық (догматикалық), социологиялық және құқықтық, құқықтық модельдеу әдісі, сонымен қатар құқықтық білімнің критикалық құқықтық әдісі. Негізгі нәтижелер адамның әлеуметтік және еңбек құқықтарын қорғаудың сот нысанын енгізудің қолданыстағы тәжірибесін жетілдіруге бағытталған.

Түйін сөздер: жеке еңбек дауы, медиатор, еңбек жанжалы, әділеттілік, еңбек құқығы.

Е. Бурибаев*, Ж. Хамзина

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: yermek-a@mail.ru

Разрешение индивидуальных трудовых споров в Казахстане в эпоху прав человека

Основная роль трудового права заключается в том, что оно гармонизирует интересы общества, государства, а также работников и работодателей в сфере занятости. Одним из механизмов обеспечения такого согласования интересов является эффективная судебная система, которая должна быть «настроена» на особый субъектный состав трудовых отношений;

следует различать принципы заключения гражданско-правовых и трудовых договоров; обеспечить особый подход к разрешению трудовых споров с учетом жизненной необходимости участия граждан в наемном труде, получения вознаграждения; учитывать риск потери жизни и здоровья граждан в трудовых отношениях при несоблюдении работодателем мер по охране труда; учитывать невозможность восстановления исходного положения сторон (приведения сторон в исходное положение) при расторжении трудового договора. Исследование направлено на разработку теоретико-методологических основ судебной формы разрешения трудовых споров. Научная и практическая значимость работы заключается в обосновании предложений по дальнейшему совершенствованию порядка разрешения трудовых споров. Методологически исследование проводилось с использованием традиционных методов, присущих юридической науке: формально-правового (догматического), социологического и правового, метода правового моделирования, а также критического правового метода правового познания. Основные результаты направлены на совершенствование существующей практики реализации судебной формы защиты социальных и трудовых прав человека.

Ключевые слова: индивидуальный трудовой спор, посредник, трудовой конфликт, справедливость, трудовое право.

Introduction

The reforms of the Kazakhstani labor market that have taken place over the past five years were initiated to solve the problems of defining the boundaries of state interference in the sphere of labor relations between the employer and employees, the distribution of their roles and responsibilities, as well as the introduction of the principle of self-regulation in labor relations, with the strengthening of the potential of collective bargaining and agreements, in areas such as recruitment, relocation and dismissal of workers, working hours, conditions and remuneration for their work. Liberalization was intended to find a new balance between the flexibility desired by business and the required social protection of workers and to bring the law in line with modern changes in the field of labor. Kazakhstan's 2016 Labor Code was meant to modernize labor relations from a much broader perspective – to revive the spirit of cooperation at both the individual and collective levels, to strengthen judicial protection of workers in order to ensure wider recognition of the importance of investment in human capital and respect for the individual employee, his family obligations. Despite the liberalization carried out, improving the quality of legal support for labor human rights, regulation in this area is not devoid of a number of shortcomings: the percentage of labor disputes is still high, and real mechanisms for preventing labor conflicts that give rise to dangerous social confrontations have not been created.

Issues of the practice of resolving labor disputes were not the object of comprehensive study of the Kazakhstani legal science. If the judicial procedure for resolving labor conflicts in the domestic science of labor law, social security law has been studied in limited publications (Issayeva, 2020; Galiakbarova,

2016; Khamzina, 2020), then in foreign science the possibilities of alternative methods of resolving labor disputes (Brown, 2012; Fox, 2005; Johnson, 2010), assessing the effectiveness of the judicial form of protection of labor rights (Sugeno, 2006; Radoja, 2019; Chipea, 2013), dispute resolution systems on social security (Yanyuan, 2005; Langford, 2008; Ramcharan, 2005; Arango, 2016) have been studied extensively, but mainly concerning national legal conditions and institutions.

In Kazakhstani legal science, there are no special studies, the subject of which would be materials of judicial practice on labor disputes. From this position, the co-authors of this article obtained from official open information databases extensive data on labor conflicts considered by the courts, which were critically analyzed and systematized to form a reliable baseline for research. In Kazakhstan, information on litigation (for the most part) is freely available.

Method

Methodologically, the study built from the position of identifying significant shortcomings of the judicial form of protecting the labor rights of an individual, including from the point of view of assessing the accessibility of judicial procedures, ensuring effective mechanisms for protecting the rights of workers. The adversarial form of the civil procedure subjected to critical analysis, which does not take into account the employee's limited ability to provide evidence in a dispute with the employer, as well as fundamentally different opportunities for employers in access to qualified legal assistance, and therefore in access to justice.

Methodologically, the research was carried out using traditional methods inherent in legal science:

formal legal (dogmatic), sociological and legal, legal modeling method, as well as the critical legal method of legal knowledge.

A formal legal method that allow, exclusively within the framework of sources of law, without distraction to other social objects, to analyze the current state of legal regulation of the judicial form of protection of labor rights, determine the quality of legal norms, and formulate conclusions.

The use of the sociological and legal method allows collecting and processing court decisions on labor disputes, identifying common claims, typical mistakes in law enforcement, generalizing judicial practice in courts of all instances.

The critical legal method of legal knowledge applied when justifying the required changes in the material and procedural legislation, as when analyzing RR as the most important source of regulation of labor relations. Naturally, RR does not directly regulate individual or collective labor relations, however, the provisions of RR are a kind of benchmark, a standard for the development of labor and relations directly related to them, the lawful behavior of their subjects. And the most important function of the RR is to provide clarifications on the issues of judicial practice to resolve labor disputes in conciliation commissions and courts. RR acquires particular significance in the context of instability of labor legislation, the presence of many gaps and contradictions in it, as well as in the circumstances of a decrease in the role of normative regulation of hired labor, when the liberalization of legal regulation of employment that took place five years ago was not supported by an increase in the level of legal culture, strengthening of the principle of sustainability and the legality of contractual regulation of labor relations.

The critical legal method ensures the identification of the shortcomings of the current edition of the RR: the lack of a proper structure, which would in fact reflect the clarification of issues of judicial practice in various categories of labor disputes. The content of the RR's clarifications is not sufficient for the correct resolution of typical labor disputes; some conclusions of the RR are in conflict with the provisions of the Labor Code.

Methodology for collecting primary (initial) information:

- desk research: law enforcement practice, reports related to the functioning in Kazakhstan of the judicial form of protection of labor rights of the individual, analysis of documents and statistical data of courts, generalization of examples from judicial practice using the monitoring method, as well as ex-

amples of best foreign practice in the work of specialized courts, international universal standards of access to justice in labor disputes;

- content analysis of publications in special groups created on the social network Facebook by judges, lawyers, judicial representatives on improving the organization of the judicial system, expanding access to justice, discussing practical and theoretical problems of considering and resolving labor disputes; as well as comments and publications on the Taldau forum specially created by the Supreme Court (<https://office.sud.kz/forumTaldau/index.xhtml>).

We have identified, but not limited to, the following sources of collection of primary information:

- special electronic services of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Judicial Office <https://office.sud.kz/>, Bank of Judicial Acts <https://sud.gov.kz/rus/court-acts>), which provide an opportunity to remotely search for court documents and cases; information on the results of sociological surveys and assessments of the activities of the courts of the Republic of Kazakhstan;

- statistical data on the consideration of civil cases by the Supreme Court (<http://sud.gov.kz/rus/content/statisticheskije-dannye-o-rassmotrenii-grazhdanskij-del>); reports on the work of the courts of the first instance for the consideration of civil cases, presented on the information service of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of Kazakhstan (qamqor.gov.kz);

- materials and recommendations of conferences and other dispute platforms organized by the Supreme Court, as well as materials from special editions of the Supreme Court;

- the results of previous studies on related issues related to the subject of this article, including those published in peer-reviewed scientific journals, a generalization of the foreign practice of the functioning of special courts considering labor disputes; ILO instruments, OECD special reviews.

Review of judicial practice in labor disputes

The generalization of judicial practice made it possible to distinguish the following types of labor disputes in legal relations, from which they arise:

- labor disputes arising from the violation of labor relations;
- arising from the violation of employment relations with this employer;
- arising from the violation of social-partnering relations;

- arising from the violation of relations on the participation of employees (their representative bodies) in the management of the organization;

- arising from the violation of relations on vocational training, retraining and advanced training with this employer;

- arising from a violation of relations on material responsibility of the parties to the employment contract;

- arising from the violation of relations for supervision and control over the observance of labor legislation;

- arising from the violation of relations for the resolution of labor disputes;

- arising from the violation of relations on compulsory social insurance, social security.

In accordance with the Labor Code, the main ways to protect labor rights are:

- self-protection by employees of labor rights;

- protection of the labor rights of workers by their representatives (trade unions);

- state supervision and control over the observance of labor legislation (local labor inspection body, prosecutor's office);

- appeal to special bodies considering labor disputes;

- judicial protection. Since the judicial form has a priority in relation to other forms of restoration of violated rights, which is due to the constitutional right of everyone to judicial protection of their rights and freedoms, then in determining various forms of protection of rights, the judicial form plays a leading role as a universal, historically established, thoroughly regulated by the norms of civil procedural law. It provides reliable guarantees for the correct application of the law. Despite the introduction in Kazakhstan since 2016 of the practice of mandatory pre-trial settlement of individual disputes by conciliation commissions created at workplaces, the number of appeals to the court has not fundamentally decreased. In the period from 2016 to 2019 an average of 8400-8200 claims on labor disputes was received by the courts annually, civil proceedings were initiated on average in 7200 claims, and about 4000-4400 claims were considered and adjudicated annually (Khamzina et al., 2020; Kazakhstan, 2020a).

The global COVID – 19 pandemic did not affect the number of appeals to the courts for the consideration of labor disputes. In 2020, Kazakhstani courts received about 7,200 claims for violations of labor rights, of which about 30% are claims for the pay-

ment of wages, 10% are claims for reinstatement at work (Kazakhstan, 2020a).

An analysis of judicial practice shows that, in general, disputes of this category are resolved correctly. The decisions made mainly meet the requirements of civil procedural legislation, the courts correctly apply the substantive law, take into account the explanations of the Supreme Court of Kazakhstan, the Labor Code, the legal position on specific disputes expressed by the Supreme Court in reviews of judicial practice.

At the same time, there are also mistakes; in 2019, the appellate courts canceled and changed about 30% of the total number of appealed decisions. It should be noted that some mistakes are made from year to year, which indicates that judges do not carefully follow the established judicial practice. The subject of proof is not always correctly determined, the circumstances that are important for the case are not fully established. Errors are also allowed in the application and interpretation of substantive law. The analysis showed that cases have appeared in judicial practice, when considering which it is necessary to be guided by special legislation, since, by virtue of a direct indication contained in the law, the norms of labor law are not subject to application when considering arisen disputes. In resolving these disputes, judges are guided by the Labor Code of Kazakhstan.

Speaking about the quality of court decisions rendered by judges of first instance, it should be said that often court acts are “cluttered” with a listing of case materials, and explanations of the parties and witnesses, the text of the statement of claim are fully provided. At the same time, as a rule, in such decisions there is practically no reasoning, the conclusions of the court on the stated requirements. And this is not only a problem of decisions made in labor disputes. Errors are allowed when determining the jurisdiction of labor disputes: when exercising the plaintiff's right to choose a jurisdiction at his own discretion, as well as when applying the statute of limitations for going to court.

Courts rarely use the provisions of ratified international acts guaranteeing the labor rights of the individual when motivating their decisions. So, in 2019, courts issued 179 decisions using the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 22 – using the International Convention on Rights of Persons with Disabilities (Kazakhstan, 2020a). At same time, the courts are the final link in the implementation of international standards for the protection of human rights (Sarsembayev, 2016).

The shortcomings of the judicial system that hinder the effective protection of labor rights

The question of the effectiveness of mechanisms for the protection of labor rights is closely related to ensuring access to justice. Access to justice is at the heart of inclusive growth and plays a central role in ensuring the well-being and sustainable development. Effective access to justice helps resolve disputes that are at the heart of people's lives, promotes government accountability, and gives people and businesses confidence to enter into and enforce contracts. Access to justice refers to the ability of people to seek a fair solution to judicial problems (an issue that raises legal questions) and to protect their rights in accordance with the human rights standards; if necessary, through impartial formal or informal institutions and with appropriate legal support (OECD/Open Society Foundations, 2019).

A reliable system of justice also supports the rule of law, good governance, and efforts to address issues of inequality and problems of development. There is growing evidence of a complex relationship between unequal access to justice and broader socio-economic gaps. Failure to access justice can be both a result and a cause of disadvantage and poverty. Unmet needs for justice can lead to social, physical and mental problems, reduced productivity, and reduced access to economic opportunities, education, and employment. Unresolved legal problems do not allow people, businesses and society as a whole to reach their full potential (OECD, 2019).

The general shortcomings of the judicial system that hinder the effective protection of labor rights of citizens: high workload of courts, restrictions on access to justice. However, this general argument, which applies to all areas of the administration of justice, is "superimposed" on the following facts.

Labor law are little developed from the standpoint of the legal science of Kazakhstan. A review of dissertations defended for academic degrees in Kazakhstan for the period from 1992 to 2020 (Kazakhstan, 2020b) allows us to draw the following conclusions. In total, in all branches of science, 26915 dissertations were defended at the beginning of April 2020, of which on the legal problems of the sphere of wage labor, employment, about 40 dissertations were defended during this period. In turn, about 30 of them are candidate dissertations on labor law, 5 are doctoral studies; as well as 5 PhD dissertations – on the problems of employment, hired labor. That is, the scientific and legal support for the problems of hired labor in Kazakhstan is at a minimum level.

The fact that representatives of legal science do not show interest in subject of legislative regulation of employment directly affects the quality of educational process, is confirmed by absence, with some exceptions, of special literature and reviews. At same time, the branch of labor law have a very complex specifics, this area is one of most "sensitive" for a person, it is common here that most vulnerable groups of population that have neither material nor physical resources fall into the orbit of legal proceedings. The above aspects require the state to pay more attention to this area of justice, create special mechanisms for restoring violated rights, and protect vital interests. The following factor follows from the above circumstances.

The mechanism for ensuring a reconciliation of interests is an effective judicial system, which must be "tuned" to the special subject composition of labor legal relations, should differentiate the principles of civil and labor contracts, provide a special approach to the settlement of labor disputes, taking into account the vital necessity for citizens to participate in hired labor, receive remuneration, take into account the risk for citizens of loss of life and health in labor relations if the employer does not comply with labor protection measures, take into account the impossibility of restoring the original position of the parties when terminating the employment contract.

Wage labor is characterized by the fact that a person "sells, transfers" to the employer the most expensive thing that he/she has: knowledge, skills, and time. We are dealing with an animate subject of wage labor – labor force, which determines the specifics of the branch of labor law, its meaning and content, since wage labor requires a special approach to legal regulation, considering that the health and life of the employee must be fully protected in labor relations. Wage labor is a non-recoverable category that cannot be returned in kind when terminating the employment contract, if the employment contract is declared invalid or illegal, it is impossible to bring the parties to the employment contract to their original position. The sphere of wage labor and the legal norms regulating it are not limited only to labor relations, it also includes such areas of public life as employment, professional training and professional development, social partnership, and control activities in the sphere of employment carried out by specialized competent officials and bodies.

The Supreme Court does not have specialists in labor and social security law who can prepare and provide high-quality explanations of legislation and

law enforcement in this area of public relations. This conclusion is based on the analysis of the results of generalization of legislation's application practice by courts, presented by the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (SC) in the regulatory Resolution No. 9 "On Particular Issues of Legislation's Application by Courts in resolving Labor Disputes" dated October 6, 2017 (hereinafter – RR). The RR is the most important source of regulation of labor relations in terms of the content of Paragraph 1, Article 2 of the LC, which stipulates that the labor legislation of the Republic of Kazakhstan is based on the Constitution and consists of the LC, laws and other regulatory legal acts, which means that the national labor legislation includes the considered RR. Naturally, the RR does not directly regulate individual or collective labor relations, but the provisions of the RR are a kind of reference point, a standard for the development of labor and directly related relations, and the lawful behavior of their subjects. And the most important function of the RR is to provide explanations on the issues of judicial practice for the settlement of labor disputes in conciliation committees and the courts. The RR is particularly important in conditions of instability of labor legislation, the presence of many gaps and contradictions in it, as well as in circumstances where the role of normative regulation of wage labor has been reduced, when the past liberalization of legal regulation of employment has not been supported by an increase in the level of legal culture, strengthening the principle of stability and legality of contractual regulation of labor relations.

The analysis of the RR content allows you to verify its insufficient elaboration, many contradictions and outdated provisions, a large volume of citations of the LC rules, and the limitations and futility of the wording of certain paragraphs. Also, the inventory item has the following disadvantages:

- limited explanation of the procedural procedure for applying to the court and considering cases arising from employment and directly concerned relations;

- in fact, there is no explanation of the most important aspects of labor disputes;

The inventory item does not have a coherent structure that reflects the dynamics of labor relations. The current version of the RR does not meet the requirements for the quality level of the normative legal act and does not have a proper structure that would actually reflect explanations of judicial practice in various categories of labor disputes. The content of the RR explanations is not sufficient for the correct resolution of typical labor disputes, and

some of the RR conclusions contradict the provisions of the LC (Khamzina, 2019).

Besides, the research highlights the following disadvantages of labor disputes in Kazakhstan courts: lack of a clear hierarchy of the labor law-sources: the law, social partnership agreement, collective contract, labor contract, non-recognition of CPC agreements as normative sources of law; and contradictions of court decisions to labor legislation (Khasenov, 2020).

In aggregate, we believe that the above theses should be considered in the establishment of specialized labor courts in Kazakhstan that ensure the protection and restoration of the most important rights of individuals to work and social protection, providing for living conditions that ensure human dignity, equality, and a minimum level of social guarantees. The creation of labor courts in the system of general jurisdiction would bring the consideration of disputes arising from labor, directly related to them, as well as social and security relations to a qualitatively new level, increase its effectiveness, and contribute to achieving uniformity of law enforcement in these areas throughout the country.

Recommendations for improving the efficiency of the non-judicial form of protection of labor rights

The creation of courts for labor disputes, in our opinion, is not the only approach to solving the problems of effective resolution and prevention of relevant conflicts. At the same time, this direction requires in-depth scientific and practical analysis and assessment from the standpoint of alternative ways of protecting the labor rights of the individual.

In recent decades, the state has promoted the idea of forming structures for pre-trial consideration of individual labor disputes. Research considers alternative dispute resolution processes as a way to avoid costly and lengthy litigation and in some circumstances may improve access to justice for individuals (MacDermott and Riley, 2011). The main forms of alternative dispute resolution (hereinafter – ADR) in Kazakhstan are currently conciliation commissions for individual labor disputes, while for collective labor disputes ADR forms are conciliation commission, labor arbitration, and mediation. It is also possible to resolve a collective labor dispute by conducting direct negotiations. However, due to the LC classification of labor disputes into individual and collective, there is a situation when out-of-court settlement of individual labor disputes is possible only in conciliation commissions and through me-

diation, while for collective labor disputes a closed list of ways to resolve them is established. According to the co-authors of this study, a single and at the same time open list of ways to resolve labor disputes should be provided for all.

Another way to resolve labor disputes with the participation of an intermediary is the mediation procedure, the regulation of which currently requires changes.

The combined analysis allows us to identify conditions in Kazakhstan that currently do not allow expanding the application of mediation to labor disputes.

First, since the parties to the labor dispute have the right to determine whether a mediator imposed any decision on the dispute, and the degree of compulsory execution of such decisions, the employer can always ignore the result, which is inappropriate for him/her, and the employee will have to apply to court.

Second, the costs associated with conducting mediation procedures are currently several times higher than the costs associated with applying to the court for protection of the violated right. Third, the legislator has established insufficient requirements for the qualification of mediators in the field of labor law. Fourthly, there are general problems with the work of mediators without industry affiliation such as: low awareness of the population about mediation procedures, low confidence in them; as well as the lack of state control over the quality of training of professional mediators by relevant organizations; standards of appropriate training; state coordination and regulation of many different organizations of mediators that do not have a common center and conditions for interaction. It may be necessary to consider the use of judicial mediation to ensure that this procedure is free of charge for the parties to the labor dispute by financing it from the state budget. We recommend that the Ministry of Labor and Social Protection include in its functions maintaining a list of recommended mediators, resolving labor disputes directly on the law as well as the guidelines for the resolution of labor disputes through extrajudicial procedures.

Mediation is designed to qualitatively improve the implementation of the right of the parties to an employment contract to resolve the conflict through appropriate and informal procedural choices. However, the rhetoric is ahead of the reality: our current legal process and practice are largely weighted in favor of a single adversarial structure-litigation, although judicial procedures are not always the most effective way to solve legal problems (Álvarez,

2015). The mediation method of settlement of labor disputes has some advantages compared to state proceedings, such as: no problems with jurisdiction and missing the deadline for applying for a dispute resolution; speed in resolving the conflict (unlike the court, the mediator does not need to obtain evidence in the case, appoint expertise, call witnesses to testify, etc.); reducing the risks of non-compliance with the decision agreed by the parties, since it is made voluntarily and does not contain elements of coercion; confidentiality of information that appears in the negotiation process; maintaining positive relations between the disputants, restoring a favorable microclimate in the labor group; reaching a compromise without forceful pressure on the subjects of labor relations; reducing the costs of the parties to the dispute and the state (Golovina, 2013).

In general, alternative resolution of labor disputes in Kazakhstan needs to improve coherence and adapt various mechanisms used to the needs of participants in the relevant dispute relations. There is a need to develop a comprehensive strategy for additional forms of dispute resolution through mediation, pre-trial reconciliation, ombudsmen, arbitration, and other mechanisms. It is necessary to expand mediation in all areas of the labor sphere, to strengthen the potential and status of subjects of the alternative dispute resolution system, and to increase the awareness of citizens and legal entities about their potential. The issue of improving the efficiency of courts in labor disputes due to greater clarity of jurisdiction and meritocracy of decision-making is relevant.

Summarizing the experience of conducting pre-trial settlement of individual labor disputes in individual member states of the OECD (Lithuania, Estonia, Latvian, Ireland, Czech Republic, Italy), we can state that we have not identified in the legislation of any country the shortcomings that the activities of the conciliation commission in Kazakhstan have. These defects are as follows: the lack of professionalism in the composition and work of the Kazakhstan conciliation commission; in OECD states, the relevant entities act exclusively on a professional basis, including with the requirements for the qualifications of members of various commissions, tribunals and their presidents. Second, in all the OECD states where pre-trial conciliation bodies operate, there are no possibilities for them to depend on the employer in any way, the Kazakhstan conciliation commission is organizationally, morally and materially subordinate to the will of the employer. Third, in Kazakhstan, the conciliation commission is not a permanent body, which does not correspond

to the conditions of the reviewed OECD states; if the conciliation entities are not permanent, then in the OECD states the right to directly file a claim to the court is provided, bypassing the pre-trial procedure. Fourth is non-involvement of Kazakhstani state bodies in the procedures of functioning of the conciliation commissions, which operate on their own; The State Labor Inspectorate and the Ministry of Labor and Social Protection of the RK population do not interfere in the work of commissions, do not control their work, the decisions made, the composition and professionalism of the members.

Conclusion

The study promotes legal dialogue between representatives of theoretical legal science and representatives of the justice system, practicing lawyers interested in improving domestic judicial practice. The recommendations and conclusions drawn from the study stimulate discussion on ways to improve

a justice system that operates in line with universal human rights standards at work.

The theoretical results of the study make it possible to generalize and supplement the existing knowledge with forms and means of protecting labor rights. The practical application of the research results consists in the development of proposals for amendments and additions to the Labor Code, the Civil Procedure Code and other regulatory legal acts, as well as in the preparation of proposals for clarification by the Supreme Court of the Russian Federation. Kazakhstan on the introduction of restorative justice in judicial practice in the field of individual labor rights.

Acknowledgments

This research was is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP09259109).

References

- Álvarez, R. G. (2015). The role of mediation in the resolution of employment disputes. [El papel de la mediación en la resolución del conflicto individual de trabajo] *Trabajo y Derecho*, (2).
- Arango, R. (2016). Realizing Constitutional Social Rights Through Judicial Protection.
- Chipea, L. (2013). The Courts Competent to Deal with Individual Labor Disputes; Proposals to Reform the System. *AGORA Int'l J. Jurid. Sci.*, 145.
- Galiakbarova, G. G., Zharkenova, S. B., Kulmakhanova, L. S. (2016). Revisiting jurisdiction of individual labour disputes in the Republic of Kazakhstan: Comparative legal analysis of the labour law application in countries near and far abroad. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 7(1), 64-74. doi:10.14505/jarle.v7.1(15).08.
- Golovina, S. Yu. (2013). Problems of using mediation in resolving labor disputes. *Russian Law Journal*, (6), 119-126.
- Issayeva, A. Z., Aitimov, B. Z., Issayeva, Z. A., Zhussupbekova, M. K., Tinistanova, S. S., Madaliyeva, A. A. (2020). Features of legal regulation of the procedure for the consideration of labor disputes in Kazakhstan. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 11(1), 1-73. doi:10.14505/jarle.v11.1(47).09.
- Kazakhstan (2020a). Reports on the consideration of civil cases by the courts of first instance. Statistical data on the consideration of civil cases of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://sud.gov.kz/rus/content/statisticheskie-dannye-o-rassmotrenii-grazhdanskih-del>; Reports on the work of the courts of first instance in civil cases, information service of the Committee for Legal Statistics and Special Accounting of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://qamqor.gov.kz>.
- Kazakhstan (2020b). National Center for State Scientific and Technical Expertise. National resources. Dissertation. URL: http://nauka.kz/page.php?page_id=107&lang=1.
- Khamzina, Z., Buribayev, Y., Almaganbetov, P., Tazhmagambet, A., Samaldykova, Z., Apakhayev, N. (2020). Labor disputes in Kazakhstan: Results of legal regulation and future prospects. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, 23(1), 1-14.
- Khamzina, Zh. A. (2019). Questions to the quality of the regulatory resolution "On some issues of the application of legislation by the courts in resolving labor disputes". URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37456619#pos=5;-106.
- Khassenov, M. Kh. (2020). What is wrong with judicial practice in labor disputes?. URL: <https://www.zakon.kz/5010181-chtone-tak-s-sudebnoy-praktikoy-po.html>.
- Langford, M. (2008). The justiciability of social rights: From practice to theory. *Social rights jurisprudence: emerging trends in international and comparative law*, 3, 43-45.
- MacDermott, T., & Riley, J. (2011). Alternative dispute resolution and individual workplace rights: The evolving role of Fair Work Australia. *Journal of Industrial Relations*, 53(5), 718-732.
- OECD (2019), Equal Access to Justice for Inclusive Growth: Putting People at the Centre, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/597f5b7f-en>.

OECD/Open Society Foundations (2019), *Legal Needs Surveys and Access to Justice*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/g2g9a36c-en>.

Radoja, K. K. (2019). The Right of Access to the Court in Individual Labor Disputes. *Balkan Social Science Review*, 13(13), 7-25.

Ramcharan, B. G. (Ed.). (2005). *Judicial protection of economic, social and cultural rights: cases and materials*. M. Nijhoff Publishers.

Sarsembayev, M. A. (2016). International standards for the protection of human rights and their implementation in court decisions. Astana. 142 p. URL: <https://www.gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/190256rus.pdf>

Sugeno, K., Kezuka, K., Doko, T., Sugino, I., Murayama, M. (2006). Labor Dispute Resolution System. *Japan Labor Review*, 3(1).

Yanyuan, C., Darimont, B. (2005). Comparative Research on Social Security Dispute Disposal System between Germany and China [J]. *Journal of Beijing Administrative College*, 2.

4-бөлім
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ПРОЦЕСС

Section 4
CRIMINAL LAW AND PROCESS

Раздел 4
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

МРНТИ 10.71.61

<https://doi.org/10.26577/JAPJ.2021.v99.i3.04>**В.Х. Толеубекова***^{id}, **Т.Б. Хведелидзе**^{id}, **Н.Б. Калкаева**^{id}Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы,
*e-mail: madina_khv@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРЕХЗВЕННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (по материалам Республики Казахстан)

В своем Послании народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» от 1 сентября 2020 года Президент Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаев всем ветвям государственной власти дал поручение: внедрить трехзвенную модель уголовного процесса с четким разделением полномочий, на основе сохранения баланса в контексте системы сдержек и противовесов, создания на каждом этапе эффективных фильтров. Выполнение данного поручения требует от уполномоченных органов решения комплекса задач, которые в своей совокупности должны способствовать созданию надлежащих условий для эффективного функционирования системы: «полицейский – прокурор – суд». В основе такой модели усматривается опыт стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Основное преимущество такой модели, как утверждает Президент РК К.-Ж.К. Токаев, состоит в ослаблении обвинения и предотвращении незаконного вмешательства в уголовное судопроизводство.

Целью исследования является установление методологических основ внедрения в уголовный процесс Казахстана европейской модели производства по уголовному делу. Идея исследования: национальная модель уголовного судопроизводства должна быть приближена к европейской модели, но не быть ее копией.

Научная значимость работы: формулирование научных предпосылок для правомерной адаптации казахстанской модели уголовного процесса к европейской. Практическая значимость: формулирование предложений для внесения изменений и дополнений в действующий УПК РК.

Методология исследования: совокупность методов логико-правового анализа норм права, компаративистики, диалектического подхода к процессам трансформации правовых феноменов в правовые явления.

Ценность проведенного исследования: восполнение отдельных пробелов в методологии исследования проблем в сфере уголовно-процессуального права.

Результаты исследования имеют практическую направленность и могут быть использованы в правоприменительной деятельности, связанной с усовершенствованием норм действующего УПК РК.

Ключевые слова: трехзвенная модель уголовного процесса, методология, конституционное право, защита прав человека в уголовном процессе.

V.Kh. Toleubekova*, T.B. Khvedelidze, N.B. Kalkayeva
Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: madina_khv@mail.ru

Methodological bases of the three-link model criminal proceedings (based on materials of the Republic of Kazakhstan)

In his address to the people of Kazakhstan “Kazakhstan in the New Reality: Time for Action” dated 1 September 2020, the President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh. Tokayev charged all branches of the state power to introduce a three-link model of the criminal process with a clear division of powers, based on maintaining a balance in the system of checks and balances, and creating effective filters at each stage. The implementation of this instruction requires the authorized bodies to solve a set of tasks, which, taken together, should create the right conditions for the effective functioning of the system: “police officer – prosecutor – court”. The experience of the countries of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) is seen as the basis for such a model. The main advantage of such model, as the President of RK K.-J.K. Tokayev states, is to weaken the prosecution and to prevent illegal interference in criminal proceedings.

The purpose of the study is to establish methodological foundations for the introduction of the European model of criminal proceedings in the criminal process of Kazakhstan. The idea of the research: the national model of criminal proceedings should be close to the European model, but not be a copy of it.

Scientific Significance of the work: formulation of scientific prerequisites for legitimate adaptation of the Kazakhstani model of criminal proceedings to the European model. Practical significance: formulation of proposals for amendments and additions to the current Criminal Procedure Code of the RK.

Methodology of research: a set of methods of logical-legal analysis of law norms, comparativism, dialectical approach to processes of transformation of legal phenomena into legal phenomena.

Value of the conducted research: filling of certain gaps in the methodology of research of problems in the sphere of criminal procedural law.

The results of the study has a practical orientation and can be used in the law-making activities related to the improvement of norms of the current Criminal Procedure Code of RK.

Key words: three-link model of criminal procedure, methodology, constitutional law, human rights protection in criminal proceedings.

В.Х. Толеубекова*, Т.Б. Хведелидзе, Н.Б. Калкаева

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: madina_khv@mail.ru

Қылмыстық іс жүргізудің үш буынды модельдің әдіснамалық негіздері (Қазақстан Республикасының материалдары бойынша)

Қазақстан Республикасының Президенті Қ.-Ж.К. Тоқаев 2020 жылғы 1 қыркүйектегі «Жаңа жағдайдағы Қазақстан: іс-қимыл кезеңі» атты Қазақстан халқына Жолдауында мемлекеттік биліктің барлық тармақтарына: тежемелік әрі тепе-теңдік жүйесі мәнмәтінінде теңгерімді сақтау, әрбір кезеңде тиімді сүзгілер құру негізінде өкілеттіктерін нақты бөле отырып, қылмыстық процестің үш буынды моделін енгізу туралы тапсырма берді. Осы тапсырманы орындау уәкілетті органдардан міндеттер кешенін шешуді талап етеді, олар өз жиынтығында «полиция – прокурор – сот» жүйесінің тиімді жұмыс істеуі үшін тиісті жағдайлар жасауға ықпал етуі тиіс. Мұндай модельдің негізінде экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы (ЭЫДҰ) елдерінің тәжірибесі байқалып отыр. ҚР Президенті Қ.-Ж.К. Тоқаев айтқандай, мұндай модельдің басты артықшылығы айыптауды әлсірету және қылмыстық сот өндірісіне заңсыз араласудың алдын алу болып табылады.

Зерттеудің мақсаты қылмыстық іс бойынша өндірістің еуропалық моделін Қазақстанның қылмыстық процесіне енгізудің әдіснамалық негіздерін белгілеу болып табылады. Зерттеу идеясы: қылмыстық іс жүргізудің ұлттық моделі еуропалық модельге жақын болуы керек, бірақ оның көшірмесі болмауы керек.

Жұмыстың ғылыми маңыздылығы: қылмыстық процестің қазақстандық моделін еуропалық модельге заңды бейімдеу үшін ғылыми алғышарттарды қалыптастыру. Практикалық маңыздылығы: ҚР қолданыстағы ҚПК-не өзгерістер мен толықтырулар енгізу үшін ұсыныстар тұжырымдау.

Зерттеу әдістемесі: құқықтық нормаларды логикалық-құқықтық талдау, компаративистика, құқықтық феноменді құқықтық құбылыстарға айналдыру процестеріне диалектикалық көзқарас әдістерінің жиынтығы.

Жүргізілген зерттеудің құндылығы: қылмыстық процестің құқығы саласындағы проблемаларды зерттеу әдіснамасындағы жекелеген олқылықтардың орнын толтыру.

Зерттеу нәтижелері практикалық бағытқа ие және қолданыстағы ҚПК нормаларын жетілдірумен байланысты құқық шығармашылық қызметте пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: қылмыстық процестің үш буынды моделі, әдіснамасы, конституциялық құқығы, қылмыстық процестегі адам құқықтарын қорғау.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена поручением Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева, озвученным 1 сентября 2020 года в его Послании народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» (Послание Главы государства народу Казахстана 2020). В частности, Глава государства обратил внимание на недостаточную эффективность отечественного законодательства в сфере уголовного правосудия, в связи с чем

дал органам государственной власти поручение: внедрить трехзвенную модель уголовного процесса с четким разделением полномочий на основе сохранения баланса в контексте системы сдержек и противовесов, создания на каждом этапе эффективных фильтров.

В рамках выполнения данного поручения проделана определенная комплексная работа, включая внесение в действующее уголовно-процессуальное и смежное законодательство ряда изменений и дополнений. Так, 19 декабря был принят ЗРК «О внесении изменений и дополне-

ний в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции» (ЗРК: О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции 2020). Наряду с этим имеются основания для формулирования также иных предложений для законодательного восприятия, целью которых является усовершенствование процедур отправления уголовного судопроизводства в условиях внедрения трехзвенной модели уголовного процесса.

Проблема состоит в том, что для отечественного уголовного процесса схема «полицейский – прокурор – суд» не является признаком абсолютно новой модели уголовного судопроизводства. В основе трехзвенной модели усматриваются положения Конституции РК, что имеет большое значение для установления методологии построения процессуальных правоотношений, обеспечивающих максимальные гарантии защиты прав человека, вовлеченного в сферу уголовного процесса. В преобладающем большинстве зарубежных стран применяются аналогичные модели, которые различаются в некоторых терминологических обозначениях, а по существу, имеют трехзвенную структуру.

Тема исследования отличается новизной, обусловленной тем обстоятельством, что в отечественной уголовно-процессуальной науке вопрос о трехзвенной модели отправления правосудия по уголовным делам еще не подвергался изучению с точки зрения методологических основ, определяющих правомерность придания отечественному уголовному правосудию черт и признаков, характерных для соответствующей отрасли права, имеющей место в странах ОЭСР.

Объект исследования – законодательство РК в сфере уголовно-процессуального права.

Предмет исследования – методологические основы правоотношений, складывающихся в уголовном процессе в условиях внедрения трехзвенной модели уголовного судопроизводства.

Цель исследования – установление методологических основ внедрения в уголовный процесс Казахстана европейской модели производства по уголовному делу.

Значение работы состоит в восполнении отдельных пробелов в теории уголовно-процессуального права, в возможности применения в законотворческой деятельности по вопросам усовершенствования УПК РК.

Материалы и методы

При разработке темы исследования применялись общенаучный, историко-правовой, логико-семантический, компаративистский, статистический, а также диалектический подход к исследованию и оценке процессов трансформации правового феномена в правовое явление. Помимо специальных методов исследования в работе применены отдельные частные методики, позволяющие построить объективную картину природы отдельных процессуальных институтов, определяющих содержание схемы исследуемой модели «полицейский – прокурор – суд». В целях научного обоснования и рациональной интерпретации зарубежной модели отправления уголовного правосудия использованы нормы правовых источников как системы национального права, так и зарубежного или международного права.

Результаты и обсуждение

Защита прав человека в уголовном процессе – один из самых важных и сложных аспектов в теоретико-правовом смысле, а также в правоприменительной деятельности уполномоченных органов. В условиях расследования обстоятельств совершения уголовного правонарушения крайне сложно добиться баланса в выборе уголовно-процессуальных мер и средств, которые должны быть направлены, с одной стороны, на установление виновного лица, с другой стороны – защиту человека от необоснованного обвинения и осуждения. Но установление такого баланса – процессуально-правовая необходимость, закрепленная в ст. 8 УПК РК. При этом уголовно-процессуальное право относится к категории репрессивных отраслей, наравне с уголовным и уголовно-исполнительным отраслями в системе национального права. Данное обстоятельство отражает императивный характер предписаний действующего УПК РК, превалирование мер принуждения над мерами убеждения.

Изложенное в определенной мере объясняет причины допущения нарушений прав человека в уголовном процессе. Однако такой подход не свидетельствует о допустимости таких нарушений. Права человека и верховенство права между собой находятся в имманентной связи, которая в условиях глобализации выходит за пределы национального права и приобретает международный характер (Auroga 2011: 54). Верховенство права – постулат, не требующий доказательств.

Правовой опыт таких стран, как Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды, Германия, Новая Зеландия, Австрия, Канада и Эстония, включенных в Индекс Верховенства права, свидетельствует о том, что максимальное обеспечение прав человека в уголовном процессе не есть только благое намерение, но и реально достижимый результат на основе баланса в системе сдержек и противовесов, применяемых в репрессивных правоотношениях. Верховенство закона означает главенство конституции, законов в деятельности исполнительной государственной власти над ею же издаваемыми подзаконными нормативными актами (Большой юридический словарь, 2002:82).

Обращение к статистическим данным по вопросам нарушения прав человека в уголовном процессе по состоянию на конец 2020 года в Казахстане позволяет судить о характере причиненного вреда каждой отдельно взятой личности в результате неправомерного вторжения в область его конституционно охраняемых прав и свобод со стороны органа, должностного лица, уполномоченных осуществлять досудебное производство по уголовному делу: принудительное получение образцов без санкции суда – 10 случаев; помещение в специализированное медицинское учреждение без санкции суда – 10; принудительное освидетельствование без санкции суда – 8; прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям – 64; вынесение судом оправдательных приговоров – 117 ([https:// www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/documents/details/54973?lang=ru](https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/documents/details/54973?lang=ru))

Частота правонарушений в области прав человека в уголовном процессе является веским основанием для признания качества осуществления производства по уголовным делам в Казахстане, не отвечающим определенным критериям правового государства в исследуемом направлении. Своевременность и социальная востребованность волевого решения Главы государства о внедрении европейской трехзвенной модели уголовного процесса объективно вызывает одобрение и поддержку. Схема «полицейский – прокурор – суд» – это внешнее отражение места и роли каждого звена в решении общей задачи по отправлению уголовного судопроизводства. Независимо от того, что принципиальная схема в целом совпадает в судопроизводствах практически всех стран мира, она вызывает высокий интерес с точки зрения содержательного или функционального наполнения каждого звена, от

которого в целом зависит уровень эффективности уголовного процесса. В пределах указанных звеньев формируются следующие задачи:

– звено первое «полицейский», в его задачи входит:

- а) выявление уголовного правонарушения;
 - б) установление подозреваемого;
 - в) соби́рание и закрепление доказательств;
- звено второе «прокурор», его задачи:

- а) оценка доказательств;
- б) пресечение нарушения прав граждан;
- в) поддержание обвинения в суде;
- г) согласование прокурором основных процессуальных решений по уголовному делу;

– звено третье «суд», его задачи:

а) судебное рассмотрение и вынесение решения по делу;

б) рассмотрение жалоб, подаваемых по поводу неправомерных решений и действий уполномоченных органов и лиц в отношении участников уголовного процесса.

Подобная схема имеет место в уголовном производстве по законодательству РК. Схема обладает отдельными признаками такой категории, как система уголовного процесса, выраженная в ее стадиях. Наряду с этим необходимо сделать одну существенную оговорку: границы и пределы стадий уголовного судопроизводства характеризуются гораздо более значительной сложностью, чем приведенная выше схема трехзвенной модели. Относительный парадокс в этой части состоит в том, что законодательного определения стадий не существует, это понятие выводится доктринальным путем, но вместе с тем, в отдельных нормах действующего УПК РК термин «стадия» все же применяется (к сожалению, это далеко не единственная «оплошность» законодателя в контексте указанного Кодекса).

Во взаимосвязи с изложенным возникает необходимость рассмотрения методологических основ трехзвенной модели уголовного процесса. Основной методологический посыл нами усматривается в нормах Конституции Республики Казахстан (Конституция Республики Казахстан, 1995), общепризнанных принципах и нормах международного права, а также международных договоров, участником которых является Казахстан. О значении международных актов в деле соблюдения основных прав человека и их влиянии на национальные системы права проведено значительное количество исследований как в отечественной науке, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Основная идея, заключающаяся в международных актах, направленных на

решение проблем уголовного процесса, состоит в признании факта неоспоримости естественных прав человека на жизнь, свободу, личную неприкосновенность. И в этом контексте международные принципы приобретают общемировой характер и становятся обязательными элементами национальных систем права (Smith 2000). Безусловно, международный аспект проблем методологии исследования трехзвенной модели уголовного процесса обладает актуальностью и позитивными перспективами. Учитывая, что данное направление не терпит конспективного освещения, авторы настоящей работы ограничиваются изложением пока только конституционных основ внедряемой модели процесса и оставляют за собой право продолжения начатого труда в русле международного права.

Основные конституционные установления, имеющие отношение к уголовному процессу, состоят в следующем:

1) определение политико-правовых приоритетов государства в общей шкале социально значимых ценностей;

2) дифференциация полномочий субъектов правоотношений и их взаимодействие между собой с использованием системы сдержек и противовесов;

3) предусмотрение специальных ограничений (фильтров) для производства процессуальных действий, затрагивающих конституционно охраняемые права и свободы человека;

4) провозглашение конституционных принципов отправления правосудия.

В контексте первого установления: «Определение политико-правовых приоритетов государства в общей шкале социально значимых ценностей» – имеет значение конституционное положение о том, что высшими ценностями в Казахстане признаются человек, его жизнь, права и свободы (п.1 ст.1 КРК). Первичность указанных ценностей по отношению к государственным интересам требует от законодателя создания для человека таких правовых условий при производстве по уголовному делу, когда его вера в справедливость закона не оставляет места сомнениям относительно правомерности и законности всех процедур, которые надлежит выполнять уполномоченным органам и должностным лицам при осуществлении ими уголовного преследования и отправления правосудия.

В ряде норм Конституции содержатся положения, развивающие и гарантирующие ненарушимость первичности прав и свобод человека. В частности, в оговариваемом аспекте

представляют интерес следующие положения Основного закона РК:

- гарантирование прав и свобод человека в соответствии с Конституцией; признание прав и свобод человека принадлежащими ему от рождения, абсолютными и неотчуждаемыми; наделение гражданина Казахстана в силу своего гражданства правами и возложение на него обязанностей (п. 1-3 ст. 12);

- наделение человека правом на признание его правосубъектности и правом защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами, включая необходимую оборону; право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе в предусмотренных законом случаях – бесплатно (ст. 13);

- утверждение принципа равенства всех перед законом и судом; запрет подвергать лицо какой-либо дискриминации (ст. 14);

- провозглашение права каждого на жизнь; запрет на произвольное лишение человека жизни; признание смертной казни в качестве исключительной меры наказания с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании (ст. 15);

- наделение человека правом на личную свободу; ограничение условий и оснований для задержания человека по подозрению или обвинению в совершении преступления (п.1-2 ст. 16);

- запрет на применение пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказанию (ст. 17);

- возможность применения принудительного труда только по приговору суда либо в условиях чрезвычайного или военного положения (п.1 ст. 24).

Значение данных конституционных положений нами усматривается в их взаимосвязи со всеми тремя звеньями исследуемой модели.

Во-первых, с необходимостью установления соответствующих фильтров, имеющих большое практическое значение в правоприменительной деятельности, о чем прямо указывается в поручении Президента РК. В качестве таких фильтров могут выступать не только процессуальные гарантии законности, судебный контроль в рамках полномочий следственного судьи, но также специальные меры (решения и действия), реализуемые процессуальным прокурором, олицетворяющим второе звено. В рассматриваемом русле достаточно актуальными являются такие перспективы,

которые открываются на основе расширения полномочий прокурора в сфере уголовного преследования, включая передачу прокуратуре полномочий по согласованию с прокурором всех ключевых процессуальных решений. К ключевым решениям относятся: признание лица подозреваемым, квалификация деяния, внесение изменений и дополнений в квалификацию деяния подозреваемого, составление обвинительного акта, решение о прерывании сроков досудебного расследования, утверждение постановления следователя о прекращении уголовного дела в части или в полном объеме, предание лица суду и некоторые другие.

Во-вторых, применительно к такому звену, как «полицейский», рассматриваемое конституционное положение означает, что собранные лицом, осуществляющим досудебное расследование, доказательства оцениваются прокурором и судом по следующим критериям: относимость, допустимость, достоверность, достаточность (ч.1 ст. 125 УПК РК). Любое доказательство, полученное из источника, не установленного законом, не может быть использовано в процессе доказывания; любые сомнения должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

В-третьих, применительно к такому звену, как суд, исследуемое положение необходимо понимать в следующих смыслах: суд обладает процессуально-правовой независимостью и не связан при принятии решения с мнением прокурора, поддерживающего государственное обвинение, а также с мнениями других участников процесса; вправе при наличии к тому оснований вынести оправдательный приговор, а также прекратить производство по делу в части или полном объеме; при вынесении решения суд руководствуется законом и внутренним убеждением; судья соблюдает запреты на применение уголовного закона по аналогии, на обратную силу закона, на осуждение лица лишь на основе его собственного признания (ст. 77 Конституции РК). Очевидно, что изложенные выше аспекты понимания сущности и назначения суда в рамках интересующей нас схемы, обладая конституционно-правовой природой, в основе своей предполагают учет законных интересов личности, включенной в уголовно-процессуальные отношения.

В пределах второго установления: «Дифференциация полномочий субъектов правоотношений и их взаимодействие между собой с использованием системы сдержек и противовесов»

– имеет значение положение Конституции РК о том, что единая государственная власть осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов (п. 4 ст. 3 КРК).

Применение данного положения в теории и практике судопроизводства требует проведения его процессуально-правовой интерпретации. Методологическое значение отраслевой интерпретации норм Конституции не нарушает принципа его прямого действия на всей территории Казахстана. Гибкая интерпретация – это способ нового прочтения норм Основного закона в соответствии с современными запросами социума. В настоящее время ярко проявляет себя тенденция приспособления Конституции к реальным потребностям перманентного общественного развития. Толкование не только оказывает позитивное воздействие на общественные отношения, но актуализирует ряд важных проблем, касающихся как правоотношений, так и правовой системы в целом (Караев, Остапович 2019:127). Предлагаемая нами интерпретация состоит в том, что исполнительная власть предполагает включение в перечень субъектов правоохранительных органов, в структурах которых функционируют подразделения или отделы дознания и предварительного следствия. Сотрудники этих подразделений или отделов могут быть представлены под обобщенным названием «полицейские», то есть субъектов первого звена в общей трехзвенной модели. Лексически термин «полиция» означает: 1) систему государственных органов по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Полиция проводит расследование некоторых видов правонарушений; 2) полиция военная – служба в вооруженных силах многих государств, контролирующая поведение военнослужащих вне пределов части, движение военных транспортных средств, осуществляющая задержание дезертиров, расследование воинских преступлений; 3) полиция налоговая – в некоторых государствах служба для расследования случаев злостного укрывательства доходов от налогообложения; 4) тайная полиция – спецслужба автократических государств, осуществляющая слежку за гражданами с целью выявления и наказания неблагонадежных. Его производное слово «полицейский» означает – относящийся к полиции, служащий в ней, являющийся ее сотрудником (Новейший словарь

иностранных слов и выражений 2007). Согласно ст. 3 ЗРК «О правоохранительной службе» к правоохранительным органам относятся органы прокуратуры, внутренних дел, антикоррупционная служба и служба экономических расследований (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380>). В соответствии со ст. 61 УПК РК, органами дознания являются: органы внутренних дел, органы национальной безопасности, антикоррупционная служба, служба экономических расследований, органы военной полиции, органы военной полиции КНБ, органы пограничной службы, командиры воинских частей и иные органы. Следователи, согласно ч.1 ст. 60 УПК РК, представлены сотрудниками соответствующих подразделений органов внутренних дел, органов национальной безопасности, антикоррупционной службы, службы экономических расследований, а также прокурорами, осуществляющими уголовное преследование.

Судебная власть, в соответствии с п. 2 ст. 75 КРК, по делам об уголовных правонарушениях осуществляется посредством уголовной формы судопроизводства, то есть Уголовно-процессуального кодекса РК. Данное положение имеет непосредственное отношение к первому и третьему звеньям схемы – «полицейскому» и «суду». Речь не идет о непосредственной причастности суда к звену «полицейский». Наш подход основан на функции судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве, осуществляемой следственным судьей (ч.3 ст. 54 УПК РК). Данная функция реализуется в досудебном производстве, что вытекает из содержания п. 47) ст. 7 УПК РК.

Относительно сдержек и противовесов необходимо отметить, что при таком подходе обеспечивается рациональный баланс в процессе применения уголовно-процессуальных методов и средств разными субъектами судопроизводства, которые наделены специфическими полномочиями, направленными на решение задач, установленных в ст. 8 УПК РК. Эти задачи условно могут быть дифференцированы по субъектам или звеньям рассматриваемой модели. Так, органы дознания и расследования (их представители – полицейские) решают задачи: пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений. Органы прокуратуры (их представители – прокуроры) решают задачу: привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших уголовные правонарушения. Суд решает за-

дачу: справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона. Наряду с этим уголовно-процессуальный закон предусматривает, что порядок производства по уголовным делам должен выступать в качестве универсальных гарантий, без которых решение приведенных выше задач не представляется возможным. Эти гарантии в равной мере относятся ко всем звеньям рассматриваемой модели судопроизводства. Помимо задач, адресованных непосредственно к отдельно взятым звеньям, в УПК РК предусмотрены иные задачи, решение которых адресуется всем звеньям модели уголовного процесса. В качестве таких общих задач выступают: защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений; защита от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина; а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительная и полная его реабилитация; способствование укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

В контексте изложенного представляет интерес точка зрения академика Г.С. Сапаргалиева, изложенная в научно-правовом комментарии Конституции РК, на сущность конституционного понятия «система сдержек и противовесов», которая означает достижение баланса в рамках взаимодействия субъектов правоотношений, исключение возможности присвоения какой-либо ветвью полномочий других ветвей, и в конечном итоге, узурпирования власти. Сдержки и противовесы носят системный характер и регламентируются нормами права. Определение понятия «система сдержек и противовесов» сводится к следующему – это совокупность установленных в Конституции организационных и правовых мер, обеспечивающих деятельность ветвей государственной власти в рамках их полномочий, предусматривающих ответственность за их превышение.

Сдержки – это конституционные способы удерживания деятельности ветвей власти в рамках закона. Противовесы – это конституционные способы противодействия одной ветви власти другой для отстаивания своих конституционных полномочий и недопущения нарушения Конституции (Конституция Республики Казахстан. Научно-правовой комментарий. 2004: 29-30).

Таким образом, субъекты схемы «полицейский – прокурор – суд» в пределах уголовного процесса находятся в состоянии взаимодействия

между собой, не теряя при этом своей самостоятельности. Уголовно-процессуальная интерпретация конституционного положения о взаимодействии ветвей власти на основе баланса системы сдержек и противовесов состоит в следующем.

Во-первых, суд взаимодействует с другими органами государства: прокуратурой, иными правоохранительными органами, осуществляющими досудебное расследование уголовных дел (органами дознания и предварительного расследования и их представителями – «полицейскими»). Это взаимодействие строго регламентировано нормами права. Средства сдержек сконцентрированы в функции судебного контроля за досудебным производством – это получение следователем санкции следственного суда на принятие и производство отдельных процессуальных решений и действий (следственных действий, негласных следственных действий, мер процессуального принуждения). Кроме того, к средствам сдержек относится право суда на обращение с представлением в Конституционный Совет Республики Казахстан о признании нормативного акта, подлежащего применению, неконституционным (ст. 78 КРК, ст. 10 УПК РК). Последнее средство выступает как противовес во взаимодействии двух ветвей власти – законодательной и судебной, но это имеет опосредованное отношение к уголовному процессу. Средства противовесов – право прокурора опротестовать решение суда в установленных законом случаях, отказаться от поддержания государственного обвинения в суде, наличие оснований для пересмотра приговора суда в апелляционном и кассационном порядках.

Во-вторых, прокуратура является правоохранительным органом, хотя не относится ни к одной из ветвей единой государственной власти. При этом свои функции она выполняет от имени государства. Прокуратура тесно взаимодействует как с органами досудебного расследования, так и с судом. В систему сдержек входят такие предписания закона, как: согласование следователя с прокурором ряда процессуальных решений и действий по уголовному делу; заключение процессуального соглашения с подозреваемым, обвиняемым, осужденным; надзор за соблюдением законности при досудебном производстве по уголовному делу и др. Средства противовесов – это наделение прокурора полномочиями по отмене решений следователя, принятию собственных решений по делу, прекращению уголовного дела в части или в целом, даче обязательных для

исполнения указаний, передаче уголовного дела от одного следователя другому, а также отстранению следователя от ведения уголовного дела и его принятию к своему производству и др. (Мухамеджанов, 2006: 305-306).

В-третьих, органы дознания и предварительного расследования находятся во взаимодействии с судом и прокурором. Возможность применения сдержек проявляется в праве следователя принимать все необходимые процессуальные решения по уголовному делу самостоятельно, за исключением случаев их согласования с прокурором, принять в любой момент своим постановлением уголовное дело к своему производству, в обязанности уведомлять прокурора о наличии оснований для заключения процессуального соглашения, применить при наличии к тому оснований приказное производство. Сравнительно новой формой сдержек во взаимодействии следователя с судом является институт судебного контроля за законностью досудебного производства, который уполномочены осуществлять специализированные следственные суды в лице следственных судей (о преимуществах данной формы сдержек см.: Toleubekova, Kalkayeva 2013: p.219). В его полномочия входит санкционирование ряда ключевых решений следователя по уголовному делу. Средства противовеса состоят в праве следователя давать органам дознания обязательные для исполнения указания и поручения, обжаловать решения и действия процессуального прокурора вышестоящему прокурору и др.

В-четвертых, для всех звеньев исследуемой модели является правомерным применение такого средства сдержек, как право заявления отводов участникам уголовного процесса, представляющим государственные органы.

Относительно дифференциации полномочий субъектов уголовного процесса традиционно принято говорить о действии принципа непересечения функций, что имеет также иное наименование – запрет или исключение дублирования полномочий соответствующих субъектов правоотношений. Дифференциация полномочий усматривается в отдельных положениях Конституции. Так, полномочия суда по отправлению правосудия не могут принадлежать никакому иному органу, как только суду. Такой смысл содержится в п.1 ст. 75 Основного Закона страны, а именно: правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом. Данное положение текстуально воспроизведено в п. 1 ст. 1 Конституционного

закона РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан – ЗРК, 2017). Кроме того, в уголовно-процессуальных принципах всестороннем, полнои объективном исследовании обстоятельств дел, осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон устанавливается: суд не вправе по собственной инициативе собирать дополнительные доказательства в целях устранения неполноты досудебного расследования (ч.1 ст. 24 УПК РК); уголовное преследование, защиты и разрешение дела судом отделены друг от друга и осуществляются различными органами и должностными лицами (ч.2 ст. 23 УПК РК); обязанность доказывания виновности лица в совершении уголовного правонарушения и опровержение его доводов в свою защиту возлагаются на органы уголовного преследования, а при производстве в суде – на государственного и частного обвинителей» (ч.3 ст. 23 УПК РК). Полномочия прокурора по осуществлению высшего надзора за соблюдением законности в уголовном процессе не могут быть делегированы никакому иному государственному органу, что вытекает из смысла п. 2 ст. 83 Конституции РК: прокуратура осуществляет свои полномочия независимо от других государственных органов, должностных лиц и подотчетна только Президенту Республики. Данное положение практически текстуально воспроизведено в п. 2 ст. 3 ЗРК «О прокуратуре» (О прокуратуре – ЗРК, 2017).

В пределах третьего установления: «Предусмотрение специальных ограничений (фильтров) для производства процессуальных действий, затрагивающих конституционно охраняемые права и свободы человека» – определяющими являются конституционные положения о том, что в Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией (п. 1 ст. 12), а также о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения (п. 1 ст. 39). В качестве таких ограничений выступают следующие положения Конституции:

- запрет на ограничение прав и свобод граждан в какой бы то ни было форме по политическим мотивам (п. 3 ст. 39);

- установление принципа неприкосновен-

ности жилища; возможность лишения человека жилища не иначе, как по решению суда; запрет на проникновение в жилище, производство его осмотра и обыска только в случаях и в порядке, установленных законом (п. 1 ст. 25);

- предоставление человеку права на обладание в частной собственности любого законно приобретенного имущества; возможность лишения человека имущества, принадлежащего ему на праве собственности, не иначе, как по решению суда (п. 1, 3 ст. 26).

В пределах четвертого установления: «Провозглашение конституционных принципов отправления правосудия» – имеет непреложное и глубокое методологическое значение положение Конституции о том, что при применении закона судья должен руководствоваться принципами, закрепленными в Конституции (п. 3 ст. 77). Конституционные принципы отправления правосудия состоят в следующем:

- лицо считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет признана вступившим в законную силу приговором суда (пп.1) п. 3 ст. 77). Данный принцип закреплен и развит в нормах действующего УПК РК: ст. 19 регламентирует содержание принципа «презумпция невиновности» в точном соответствии с указанным выше конституционным принципом. Далее, в ст. 64 Кодекса устанавливается, что лицо в досудебном производстве обладает статусом подозреваемого, в судебном производстве – подсудимого, после вынесения приговора и в процессе отбывания наказания – осужденного (это явление называется процессуально-правовой трансформацией статуса лица в зависимости от стадии процесса, на которой лицо в данный момент производства по делу находится);

- никто не может быть подвергнут повторно уголовной ответственности за одно и то же правонарушение (пп.2) п.3 ст. 77). Данный принцип отражен в ст. 20 УПК РК (Недопустимость повторного осуждения и уголовного преследования);

- никому не может быть без его согласия изменена подсудность, предусмотренная для него законом (пп.3) п.3 ст. 77). Рассматриваемый принцип, текстуально воспроизведенный в ч.2 ст. 12 УПК РК, интерпретируется как гарантия соблюдения иного принципа: судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Далее, в ст. 11 УПК РК, регламентирующей положение об осуществлении правосудия только судом, содержится следующее положение: при-

говор и другие решения суда, осуществлявшего уголовное судопроизводство по неподсудному ему делу, превысившего свои полномочия или иным образом нарушившего предусмотренные уголовно-процессуальным законом принципы уголовного процесса, незаконны и подлежат отмене. Наряду с этим, в соответствии с ч.1 ст. 317 УПК РК в отдельных случаях, в целях наиболее быстрого, всестороннего и объективного рассмотрения дел, в том числе рассматриваемого с участием присяжных заседателей, с согласия подсудимого или по ходатайству участников процесса оно может быть передано для рассмотрения из одного суда в другой того же уровня;

- в суде каждый имеет право быть выслушанным (пп.4) п.3 ст. 77). Данный принцип направлен на создание благоприятных условий для реализации лицом защиты своих прав и свобод. В содержание принципа включается следующее: каждый – это участник судебного заседания (эксперт, специалист, свидетель, потерпевший, гражданские истцы и ответчики, представители и законные представители участников процесса, и обязательно – подсудимый); недопустимость слушания дела в отсутствие подсудимого (за исключением тех случаев, когда об этом ходатайствует сам подсудимый либо подсудимый скрывается от суда); предоставление подсудимому права давать показания на любом этапе судопроизводства, на произнесение последнего слова. Наряду с этим, самостоятельного уголовно-процессуального принципа, в полном объеме соответствующего рассматриваемому конституционному принципу, в УПК РК не содержится. Уголовно-процессуальная интерпретация искомого принципа представляет собой следующее: положения о том, что стороны, участвующие в уголовном процессе, равноправны и наделены равными возможностями отстаивать свою позицию, а также о том, что подсудимый может свободно отрицать свою виновность или признавать себя виновным, примириться с потерпевшим размещены в ч.7 и ч.9 ст. 23 УПК РК соответственно, в качестве гарантий иного принципа – принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Интересующий нас конституционный принцип своеобразно отражается в ст. 29 УПК РК, регламентирующей принцип гласности, который косвенно предполагает обеспечение свободного судебного разбирательства для всех участников судебного производства;

- законы, устанавливающие или усиливающие ответственность, возлагающие новые обя-

занности на граждан или ухудшающие их положение, обратной силы не имеют. Если после совершения правонарушения ответственность за него законом отменена или смягчена, применяется новый закон (пп.5) п.3 ст. 77). Данный принцип имеет непосредственное отношение к материальному праву и регламентируется нормами УК РК. Косвенное отражение принципа в уголовном процессе нами усматривается в следующих положениях УПК РК: предусмотрение обстоятельства, исключающего производство по делу – если введен в действие закон, отменяющий уголовную ответственность за совершенное деяние (п.6) ч.1 ст. 35). Данное положение не относится к уголовно-процессуальным принципам, а является одной из норм, входящих в регламентацию общих условий осуществления уголовного преследования;

- обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (пп.6) п.3 ст. 77). Бремя доказывания возлагается на орган уголовного преследования. В данном случае осуществлено текстуальное воспроизводство конституционного принципа в ч.2 ст. 19 УПК РК о презумпции невиновности в качестве одной из гарантий соблюдения данной презумпции;

- никто не обязан давать показания против самого себя, супруга (супруги) и близких родственников, круг которых определяется законом. Священнослужители не обязаны свидетельствовать против доверившихся им на исповеди (пп.7) п.3 ст. 77). В уголовном процессе данный принцип исчерпывающе регламентирован в ст. 28 УПК РК об освобождении от обязанности давать свидетельские показания и не требует какой-либо иной интерпретации;

- любые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (пп.8) п.3 ст. 77). Данный конституционный принцип включен в содержание уголовно-процессуального принципа «презумпция невиновности» в качестве гарантии последнего в следующей редакции: «Неустранимые сомнения в виновности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого толкуются в их пользу. В пользу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого должны разрешаться и сомнения, возникающие при применении уголовного и уголовно-процессуального законов» (ч.3 ст. 19 УПК РК). С методологической точки зрения интерпретация конституционной нормы не должна выходить за пределы конституционно установленного правового института (см.: Hodgson, Geoffrey 2009: 144-145). В приведенной ситуации усматривается трансформация

института принципов в институт отраслевых гарантий, что, на наш взгляд, свидетельствует об определенном нарушении существующей иерархии или соотношения родо-видовых понятий: институт права – понятие родовое, институт гарантий в праве – понятие видовое;

- не имеют юридической силы доказательства, полученные незаконным способом. Никто не может быть осужден лишь на основе его собственного признания (пп.9) п.3 ст. 77). Конституционный принцип затрагивает содержание нескольких уголовно-процессуальных положений. В частности, в ч.2 ст. 9 УПК РК, посвященной регламентации общего понятия принципов уголовного процесса и их значения, указывается, что нарушение принципов уголовного процесса влечет признание собранных по делу материалов не имеющими силы доказательств. Далее, рассматриваемое конституционное установление отражено в уголовно-процессуальных принципах: презумпция невиновности – обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и должен быть подтвержден достаточной совокупностью допустимых и достоверных доказательств (ч.4 ст. 19 УПК РК); освобождение от обязанности давать свидетельские показания – никто не обязан давать показания против себя самого (ч.1 ст. 28 УПК РК); законность – нарушение закона судом, органами уголовного преследования при производстве по уголовным делам недопустимо и влечет признание недействительными незаконных актов и их отмену (ч.3 ст. 10 УПК РК); оценка доказательств по внутреннему убеждению – никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ч.2 ст. 25 УПК РК). Кроме того, рассматриваемый конституционный принцип отражен в нормах главы 15 УПК РК, регламентирующих доказательства: признание подозреваемым своей вины в совершении уголовного правонарушения может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств (ч.3 ст. 115); фактические данные, полученные с нарушением уголовно-процессу-

ального закона, признаются недопустимыми в качестве доказательств и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы при доказывании любого обстоятельства, входящего в предмет доказывания по уголовному делу (ч.4 ст. 112);

- применение уголовного закона по аналогии не допускается (пп.10 п.3 ст. 77). Запрет на такое применение уголовного закона связан с тем, что материальное право носит более динамичный характер, чем процессуальное. Общественные отношения, частью которых являются правовые отношения, в процессе цивилизационного развития меняются, отдельные общественно опасные явления утрачивают признаки общественной опасности и уголовной наказуемости (например, декриминализация привела к переводу отдельных уголовных правонарушений к административным проступкам или к формированию института уголовного проступка). Это означает, что уголовно-правовая оценка деяния, осуществленная судом много лет назад, неприемлема в современных условиях. Данный принцип носит универсальный характер и равно применим как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном отраслях права. Самостоятельного принципа в данном контексте в ПК РК не содержится.

Таким образом, все то, что связано с конституционными принципами уголовного судопроизводства, должно неукоснительно соблюдаться в условиях модернизации или усовершенствования уголовного процесса, включая внедрение трехзвенной модели. Методологическая безупречность положений Конституции в исследуемом нами русле требует взвешенного подхода ко всем изменениям и дополнениям в УПК РК и смежное законодательство в контексте поручения Главы государства.

Имеет важное методологическое значение конституционное признание приоритета перед законами РК международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан, уважение международных принципов в области защиты прав человека и гражданина, вовлеченного в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений.

Литература

Aurora Ciuca. Human Rights in the Era of Globalization // Bulletin Stiintific – Scientific Bulletin, Published by Cugetarea and indexed by Lumen Department of Economics on Behalf on Mihail Kogalniceanu University, 2011, vol. 20, Pp/ 53-60.

Большой юридический словарь / Под редакцией А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 704 с.

Караев А.А., Остапович И.Ю. К дискуссии о гибкой интерпретации Конституции: некоторые вопросы отечественной и зарубежной теории // Евразийский юридический журнал, № 4 (131), 2019. – С. 127-129.

Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) // http://online.zakon.kz/Document?doc_id=1005029#pos=1221;-246

Конституция Республики Казахстан. Научно-правовой комментарий / Под редакцией Г.С. Сапаргалиева. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Алматы: Жеті жарғы, 2004. – 584 с.

Мухамеджанов Э.Б. Прокуратура в общей системе государственных органов // Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов: Коллективная монография / Под редакцией Г.С. Сапаргалиева. – Алматы, 2006. – С. 266-313.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 976 с.

О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции – Закон Республики Казахстан от 19 декабря 2020 г. № 384-VI // base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=129141

О правоохранительной службе – ЗРК от 06.01.2011 г. № 380-IV // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380>

О прокуратуре – ЗРК от 30.06.2017 г. № 81-VI // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081>

О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан – ЗРК от 25.12.2000 г. № 132-II. (В редакции по состоянию на 13.03.2017 г.) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_

Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 1 сентября 2020 г.: «Казахстан в новой реальности: время действий» // *Каз. правда*, 2 сентября 2020 года.

Smith C. Interaction between the European Convention and the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms within the Norwegian Legal System // *Protecting Human Rights: The European Perspective, Studies in Honour of R. Ryssdal* / ed. By P/ Mahoney. – Cologne: Carl Heymanns Verlag, 2000. – P. 1307.

Toleubekova B., Kalkaeva N. The Concept of Judicial Control According to the Legislation of the Republic of Kazakhstan (remarks to the draft of new Code of criminal procedure) // *Modern Science: Problems and Perspectives. International Conference/ Volum 4. Las Vegas, NV, USA. April 15, 2013.* – Pp. 218-222.

Hodgson G.M., Geoffrey M. On the Institutional Foundations of Law: The Insufficiency of Custom and Private Ordering // *Journal of Economic Issues.* – 2009, vol. 43 (1). – Pp. 143-166.

<https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/documents/details/54973?lang=ru>

References

Aurora C. Human Rights in the Era of Globalization // *Bulletin Stiintific – Scientific Bulletin, Published by Cugetarea and indexed by Lumen Department of Economics on Behalf on Mihail Kogalniceanu University, 2011, vol. 20, Pp/ 53-60.*

Bol'shoj yuridicheskij slovar' / Pod redakciej A.YA. Suhareva, V.E. Krutskih. Izdanie vtoroe, pererabotannoe i dopolnennoe. – М.: INFRA-M, 2002. – 704 s.

Karaev A.A., Ostapovich I.YU. K diskussii o gibkoj interpretacii Konstitucii: nekotorye voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj teorii // *EvrAzijskij yuridicheskij zhurnal*, № 4 (131), 2019. – S.127-129.

Konstituciya Respubliki Kazahstan (prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda) // http://online.zakon.kz/Document?doc_id=1005029#pos=1221;-246

Konstituciya Respubliki Kazahstan. Nauchno-pravovoj kommentarij / Pod redakciej G.S. Sapargaliev. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. – Алматы: ZHeti zharгы, 2004. – 584 s.

Muhamedzhanov E.B. Prokuratura v obshchej sisteme gosudarstvennyh organov // *Problemy soglasovannogo funkcionirovaniya organov gosudarstvennoj vlasti Respubliki Kazahstan i sistemy sderzhkek i protivovesov: Kollektivnaya monografiya / Pod redakciej G.S. Sapargaliev. – Алматы, 2006 – S.266-313.*

Novejšij slovar' inostrannyh slov i vyrazhenij. – Мн.: Sovremennij literator, 2007. – 976 s.

О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции – Закон Республики Казахстан от 19 декабря 2020 г. № 384-VI // base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=129141

О правоохранительной службе – ЗРК от 06.01.2011 г. № 380-IV // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380>

О прокуратуре – ЗРК от 30.06.2017 г. № 81-VI // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081>

О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан – ЗРК от 25.12.2000 г. № 132-II. (В редакции по состоянию на 13.03.2017 г.) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_

Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-ZHomarta Tokaeva narodu Kazahstana 1 sentyabrya 2020 g.: «Kazahstan v novoj real'nosti: vremya dejstvij» // *Kaz. pravda*, 2 sentyabrya 2020 goda

Smith C. Interaction between the European Convention and the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms within the Norwegian Legal System // *Protecting Human Rights: The European Perspective, Studies in Honour of R. Ryssdal* / ed. By P/ Mahoney. – Cologne: Carl Heymanns Verlag, 2000. – P. 1307.

Toleubekova B., Kalkaeva N. The Concept of Judicial Control According to the Legislation of the Republic of Kazakhstan (remarks to the draft of new Code of criminal procedure) // *Modern Science: Problems and Perspectives. International Conference/ Volum 4. Las Vegas, NV, USA. April 15, 2013.* – Pp. 218-222.

Hodgson G.M., Geoffrey M. On the Institutional Foundations of Law: The Insufficiency of Custom and Private Ordering // *Journal of Economic Issues.* – 2009, vol. 43 (1) / – Pp. 143-166.

<https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat/documents/details/54973?lang=ru>

5-бөлім
**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ**

Section 5
**INTERNATIONAL RELATIONSHIPS
AND INTERNATIONAL LAW**

Раздел 5
**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**

Д.М. Сарсембаев

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан,
*e-mail: daneker@mail.ru

ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВНЕДРЕНИЮ ДЕНЕЖНО-ФИНАНСОВОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена правовым аспектам деятельности международных организаций по вопросам внедрения цифровизации в сферу денежно-финансовой системы на внутригосударственном и мировом уровнях. Целью данной работы является исследование новой финансовой системы, которая основана на цифровизации денежной массы мировой и региональных валют и на их взаимодействии с национальными валютами. Новизна темы данной статьи состоит в том, что цифровизация денежно-финансовой системы является сегодня новой темой даже для финансистов и экономистов (и ученых, и практиков). Тема о международно-правовом регулировании процессов цифровизации денежно-финансовой системы практически не исследована в науке международного права как стран СНГ, так и западных государств. Актуальность данной темы предопределена ходом развития научно-технической революции, которая выводит цифровизацию в экономике, производстве, торговле, финансах, валюте на первый план.

Суть статьи состоит в том, что автор вносит предложения по внедрению цифровизации в денежно-финансовую систему каждого государства, по внедрению цифровизации в денежно-финансовую систему каждого международного регионального банка. Автор статьи также предлагает, чтобы мировой цифровизированной валютой стал СДР (SDR) Международного валютного фонда. Под SDR понимаются Special Drawing Rights (Специальные права заимствования), которые как резервное и платёжное средство эмитируются (выпускаются) Международным валютным фондом.

Исходя из современных тенденций развития денежно-финансовой цифровизации в данной работе сочетаются разные научные методы исследования: метод эмпирического анализа, метод сравнительно-правового анализа, метод логического анализа, а также метод научного прогнозирования. Научная значимость данной работы заключается в том, что она вносит определенный теоретический вклад в решение проблем внедрения денежно-финансовой цифровизации в валютную систему на национальном и международном уровнях. Практическая значимость цифровизации заключается в многократном ускорении оборота финансовых средств внутри государств и в мире, во внедрении транспарентности всех финансовых операций, в резком снижении уровня денежно-финансовых махинаций и коррупционных действий.

Ключевые слова: финансовая цифровизация, криптовалюта, право фиатной валюты, валютное право, кибербезопасность, право валютной трансформации.

D.M. Sarsembayev*

L.N. Gumilev Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan,
*e-mail: daneker@mail.ru

Legal potential of international financial organizations on the introduction of monetary and financial digitalization

The article is devoted to the legal aspects of the activities of international organizations on the implementation of digitalization in the sphere of the monetary and financial system at the domestic and global levels. The purpose of this work is to study a new financial system that is based on the digitalization of the money supply of the world and regional currencies and on their interaction with national currencies. The novelty of the topic of this article is that the digitalization of the monetary and financial system is a new topic today, even for financiers and economists (both scientists and practitioners). The topic of international legal regulation of the processes of digitalization of the monetary and financial system is practically not studied in the science of international law of both the CIS countries and the Western states. The relevance of this topic is predetermined by the course of development of the scientific and technological revolution, which brings digitalization in the economy, production, trade, finance, and currency to the fore.

The essence of the article is that the author makes proposals for introduction of digitalization in the monetary and financial system of each state, for introduction of digitalization in the monetary and financial system of each international regional bank. The author of the article also suggests that the SDR of the International Monetary Fund should become the world's digitalized currency. SDR refers to Special Drawing Rights (Special Drawing Rights), which is issued by the International Monetary Fund as a reserve and means of payment.

Based on the current trends in the development of monetary and financial digitalization, this work combines various scientific research methods: the method of empirical analysis, the method of comparative legal analysis, the method of logical analysis, as well as the method of scientific forecasting. The scientific significance of this work lies in the fact that it makes a certain theoretical contribution to solving the problems of introducing monetary and financial digitalization into the currency system at the national and international levels. The practical significance of digitalization lies in the multiple acceleration of the turnover of financial resources within states and in the world, in the introduction of transparency of all financial transactions, in a sharp decrease in the level of monetary and financial fraud and corruption actions.

Key words: financial digitalization, cryptocurrency, the right of fiat currency, currency law, cybersecurity, the right of currency transformation.

Д.М. Сарсембаев*

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

*e-mail: daneker@mail.ru

Халықаралық қаржы ұйымдарының ақшалай-қаржылық цифрландыруды енгізу жөніндегі құқықтық әлеуеті

Мақала мемлекетшілік және әлемдік деңгейлерде ақша-қаржы жүйесі саласына цифрландыруды енгізу мәселелері бойынша халықаралық ұйымдар қызметінің құқықтық аспектілеріне арналған. Бұл мақаланың мақсаты әлемдік және аймақтық валюталардың ақша массасын цифрландыруға және олардың ұлттық валюталармен өзара әрекеттесуіне негізделген жаңа қаржы жүйесін зерттеу болып табылады. Мақаланың тақырыбының жаңалығы ақша-қаржы жүйесін цифрландыру бүгінде қаржыгерлер мен экономистер (ғалымдар мен практиктер) үшін де жаңа тақырып болып табылады. Ақша-қаржы жүйесін цифрландыру процестерін халықаралық-құқықтық реттеу туралы тақырып ТМД елдерінің де, батыс мемлекеттерінің де халықаралық құқық ғылымында іс жүзінде зерттелмеген. Бұл тақырыптың өзектілігі экономиканы, өндірісті, сауданы, қаржыны, валютаны цифрландыруды бірінші орынға қоятын ғылыми-техникалық революцияның даму барысымен алдын ала анықталған.

Мақаланың мәні автор әр мемлекеттің ақша-қаржы жүйесіне цифрландыруды енгізу, әр халықаралық аймақтық банктің ақша-қаржы жүйесіне цифрландыруды енгізу бойынша ұсыныстар енгізеді. Мақала авторы сонымен қатар Халықаралық валюта қорының СДР (SDR) әлемдік цифрландырылған валютаға айналуын ұсынады. SDR деп резервтік және төлем құралы ретінде Халықаралық валюта қоры шығаратын Special Drawing Rights (Арнайы қарыз алу құқықтары) түсініледі.

Ақша-қаржылық цифрландырудың қазіргі заманғы даму үрдістеріне сүйене отырып, бұл жұмыста зерттеудің әртүрлі ғылыми әдістері біріктіріледі: эмпирикалық талдау әдісі, салыстырмалы-құқықтық талдау әдісі, логикалық талдау әдісі, сондай-ақ ғылыми болжау әдісі. Бұл жұмыстың ғылыми маңыздылығы оның ұлттық және халықаралық деңгейлерде ақша-қаржылық цифрландыруды валюталық жүйеге енгізу мәселелерін шешуге белгілі бір теориялық үлес қосатындығында. Цифрландырудың практикалық маңыздылығы – мемлекет ішінде және әлемде қаржы айналымын бірнеше рет жылдамдату, барлық қаржылық операциялардың транспаренттілігін енгізу, ақша-қаржылық алаяқтық пен сыбайлас жемқорлық іс-әрекеттерінің деңгейін күрт төмендету.

Түйін сөздер: қаржылық цифрландыру, криптовалюта, фиат валютасының құқығы, валюталық құқық, киберқауіпсіздік, валюталық трансформация құқығы.

Введение

Для начала определим понятие «цифровой валюты», под которой понимаются «цифровые деньги, электронные деньги, электронная валюта», «любая валюта, деньги или денежные

активы, которые управляются, хранятся или обмениваются в цифровых компьютерных системах, преимущественно через Интернет» (https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_currency). Цифровизация валюты – это процесс по замене наличных денег цифровыми,

виртуальными в целях упрощения платежей. Казахстан, к примеру, практически уже готов к цифровой трансформации тенге. Цифровизация финансовой системы страны идет полным ходом. Это проявляется в наличии у 19-миллионного казахстанского населения 46,8 миллиона пластиковых платежных карточек, посредством которых граждане страны по данным на конец 2020 года совершили более 342 миллионов транзакций на сумму 5,4 триллиона тенге (<https://kursiv.kz/news/finansy/2020>). Полная цифровизация национальной валюты приведет к замене наличных денег, к круглосуточному пользованию в режиме нон-стоп финансовых услуг всеми физическими и юридическими лицами, к невзысканию комиссии за предоставленные финансовые услуги, к снижению операционных издержек и рисков (Rajan 2020), к полной транспарентности финансовой системы страны, что приведет к возрастанию доверия участников финансового рынка друг к другу (D'Urbing 2021).

Процесс перехода государств на цифровую валюту, начиная с признания США биткоина (несмотря на его высокую волатильность – изменчивость цен) и введения цифровой валюты центрального банка (CBDC – *Central bank digital currency*, в переводе с английского языка – цифровая валюта центрального банка) до создания Китаем своей национальной криптовалюты (DCEP – *digital currency for electronic payments* или на русском языке: цифровая валюта для электронных платежей), постепенно набирает обороты (Gozbasi 2021). Становление новой финансовой системы, основанной на цифровизации денежной массы, является лишь вопросом времени. Поэтому неслучайно 1 сентября 2021 года Президент Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаев в своем Послании народу Казахстана под названием «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» поставил важную задачу: «Для Казахстана крайне важны трансферт современных цифровых технологий, внедрение элементов Индустрии 4.0» (Токаев 2021), составной частью которых является оцифровка денежно-финансовой системы. Остается только дождаться того, кто первым предложит миру простую для понимания и достаточно справедливую виртуальную международную систему денежного обращения.

На сегодняшний день активную борьбу за пальму первенства ведут как государства, так и частные финансовые организации

(Ethereum, Litecoin, XRP и т.д.). При этом видится неизбежным повторение событий, имевших место в эпоху хронического дефицита ликвидного металла, когда в конечном итоге частникам запретили выпускать монеты: перед ними закрыли монетные дворы и государственный аппарат ввел свою монополию на процесс чеканки монет. Нельзя забывать, что денежная масса является главным, а порой даже единственным инструментом регулирования «процесса распределения ресурсов», который мы привычно называем экономикой. И было бы неблагоразумно любому государству передавать такой рычаг в руки частных компаний, тем самым ставя под удар ядро национальной безопасности и, возможно, даже существование самого государства в той форме, в которой оно нам представляется в настоящий момент.

Поскольку тема является новой, в силу этого актуальной, юристов, пытающихся разобраться в этой теме, немного. Поэтому приведем произведения тех авторов, которые написали об общих вопросах цифровой экономики, ее цифровизации, а также тех ученых юристов, которые исследуют юридические аспекты финансового права, электронных денег, но практически не затрагивают международно-правовые цифровизированные валютные грани этих понятий. Такими учеными являются: Ф.С. Карагузов, Б.К. Баишева (2021); Д. Калыбекова (2018: 8); С.А. Андрушин (2021: 22); Е.Ю. Грачева, Н.М. Артемов, Л.Л. Арзуманова (2020: 256); И. Башир (2019: 538); В.А. Кудряшов (2020: 286); Д. Тарасов, А. Попов (2018: 98); А. Антонопулос (2018: 192); М.К. Бруннермайер, Х. Джеймс, Д.П. Ландау (2021: 35); Д. Гарсиа-Масиа, Р. Гойял (2021: 3).

В ходе исследования данной темы автор использовал метод эмпирического анализа журнальных статей, Интернет-материалов, метод логического анализа отечественных, российских и зарубежных монографий на русском и английском языках, метод сравнительно-правового анализа валют ведущих государств. Им также использован метод научного прогнозирования, на основе которого он делает выводы по поводу внутригосударственной валюты и возможной мировой валюты в перспективе.

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что проблема безопасности, связанная с цифровой денежной системой, основана не просто на гипотетическом рассуждении, а на уже имеющихся фактах, побывавших

на первых полосах средств массовой информации. В частности, майнинговые фермы уже создают реальную угрозу энергетическим блокам отдельных стран. Так, под ударом оказался Иран (Дульнева 2021), которому пришлось из-за трудностей, связанных с нагрузками на электрические сети, временно запретить майнинг на территории государства, который в большей части осуществлялся стихийно. Нельзя и забывать о другой нависшей над мировым финансовым сектором угрозе, которая будет, наверное, почище даже гиперинфляции немецкой рейхсмарки, имевшей место в прошлом веке. Конечно же, это сильная волатильность частных криптовалют и порождаемый ею финансовый пузырь. Кроме того, общество уже сейчас столкнулось с проблемой нарастающего кибермошенничества вокруг децентрализованных и неконтролируемых государством криптовалют, выраженного, в частности, в случаях с биткоином, когда создавались цифровые платформы для похищения данной криптовалюты (Полякова 2021).

Однако, учитывая суть человеческой натуры, нельзя исключать вариант, что мировому обществу все же придется заново пройти болезненный путь в формировании новой денежной системы, обремененный угрозами, которые таят в себе частные институты.

Впрочем, данная статья посвящена не столько субъектам, которые активно продвигают цифровую валюту, а сколько тем организациям, которые, имея все шансы проявить себя в формировании нового финансового мироздания, на удивление остаются в тени, наблюдая за происходящим в стороне, что представляется достаточно недалеким поведением с их стороны.

Общеизвестно, что кроме государств на международной арене присутствуют финансовые субъекты, которые признаются в качестве полноценных субъектов международного права и могут быть наделены правом создания достаточно безопасной и эффективной цифровой валютной системы, обособленной от национальных цифровых денег. Таковыми являются межправительственные банки, начиная от Международного валютного фонда и Всемирного банка реконструкции и развития и заканчивая различными региональными банками такими, как ЕБРР, АБР, ИБР и т.д.

Следует отметить, что потенциал универсальных международных финансовых организаций стать эмиссионным центром мировой валюты сохраняется и становится актуальным как никогда раньше.

Вместе с тем, их реальная активность, конечно, будет зависеть от того, к какому консенсусу придут государства в процессе формирования нового мирового финансового порядка.

Возможно, на начальном этапе мировое общество будет больше склонно к тому, чтобы сохранить хотя бы привычные очертания старого устройства, передав полномочия по эмиссии цифровых денег государству – экономическому гиганту, который будет выполнять две функции одновременно – национальной расчетной единицы и мировой валюты, как это сейчас свойственно бумажному доллару США. Но цифровизация валюты таит в себе пока много неизведанных политических, экономических и правовых проблем, с которыми предстоит столкнуться мировым финансовым специалистам. Если новая мировая финансовая система будет все же основана на национальной цифровой валюте, то такое государство должно будет принять на себя ряд обязательств, которые должны были взять в свое время США, завладев функцией эмитента мировой фиатной валюты (в данном случае, деньги мирового значения, стоимость которых номинально устанавливается определенным государством и которые не зависят от стоимости изготовленных из них материала). В частности, к таким обязательствам можно отнести согласованность эмиссии: если государство будет принимать решение по эмиссии цифровой денежной массы, такая эмиссия должна учитывать интересы всех стран, а не только страны эмитента. Соответственно любая эмиссия должна будет проходить консультационные процедуры в международной финансовой организации универсального характера такой, как МВФ.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в последние годы страны стали все больше проявлять интерес к новой финансовой парадигме. Так, Россия не раз выходила с инициативой введения мировой наднациональной валюты. Выступая в 2009 году на саммите ШОС в Екатеринбурге, Д. Медведев заявил, что «укреплять международную валютную систему необходимо не только за счет доллара, но и создания резервных валют, а в перспективе – наднациональных средств и форм» (Медведев 2021). На Всемирном экономическом форуме в Давосе он также предложил включить валюты стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в корзину специальных прав заимствования (SDR) МВФ (<https://www.vesti.ru/doc.html> 2009). Данную идею поддержал Китай. Идея укрепления роли SDR в какой-то степени пересеклась даже с интересами политического

руководства МВФ, которое 3 апреля 2011 года на ежегодном заседании МВФ и Всемирного банка выступило с критикой в отношении выбранного МВФ направления деятельности и существующей мировой валютно-финансовой системы, основанной на «Вашингтонском консенсусе» от 1989 года.

В одном из интервью он отметил, что применение СДР позволит снизить зависимость стран мира от доллара США, сделать мировую валютно-финансовую систему более стабильной. Он заявил, что «включение валют развивающихся стран, таких как жэнминьби, в состав СДР могло бы помочь процессу интернационализации этих валют, что принесет выгоды всей системе» (<http://world.investfunds.ru/news/view/> 2021).

Кроме того, нельзя забывать, что на сегодняшний день уже не существует того абсолютно-го финансового гегемона, который правил балом на руинах евразийского континента, пережившего тотальное разрушения гражданской экономики Второй мировой войной. С тех пор доллар США сдал много позиций, появились новые мировые резервные валюты. К тому же экономика США, если и является экономикой номер один, то в большей степени уже только на бумаге. За последние 20 лет Китай не только смог встать на ноги в реальном секторе экономики, но и, как показывают последние события, становится все более и более финансово грамотным не только на микроуровне, но и в макромасштабах. И то, что Америка заявляет, что она является главным экспортером финансовых продуктов на мировые рынки, верится с трудом: со временем станет ясно, так это или нет.

Тем не менее, было бы неразумно списывать со счетов возможности США. Даже если предположить, что они будут и дальше постепенно уступать сферы влияния, они еще долго будут играть существенную роль на мировой арене. Представляется, что в процессе геополитической борьбы Китай и США в конечном итоге придут к соглашению о создании цифровой системы расчетов, основанной на аналогии СДР. И так как СДР является продуктом договорных процессов, мы сможем наблюдать новый расцвет не только международного валютного права, но и международной правовой системы как таковой.

Цифровая валюта, принятая в рамках международной финансовой организации, будет наиболее справедливой для всех ее участников. Решения будут приниматься не односторонне, как это происходит по сей день. Нельзя забывать, что в истории мы не раз сталкивались с ситуа-

цией, когда США в тяжелые периоды для мировой экономики исходила из своих национальных интересов, нежели из интересов других стран, даже таких стратегических партнеров, как европейские государства.

Какие вопросы необходимо будет включить в повестку дня и облечь в правовые формы в рамках цифровой наднациональной мировой валютной системы?

В одном из первых положений, которое должно лечь в правовую основу новой денежной системы, должно отразиться официальное признание за каждым государством суверенного права самостоятельно определять национальную денежно-финансовую политику, создавать свой национальный эмиссионный центр и по своему усмотрению вступать или выходить из наднациональной валютно-финансовой системы или системы иностранных государств.

Государства также должны признать за каждым из них такое право, как право беспрепятственно вступать в мировую цифровую денежную систему и при этом отказаться от ее одностороннего использования в качестве инструмента политического и экономического давления на какое-либо государство, как это имело место быть в прошлом в рамках традиционной системы движения денежной массы (Лисицына 2021). Так, в намерении к принятию Резолюции Европейского Парламента от 28 апреля 2021 «подчеркивается, что если такое наращивание военной мощи в будущем будут преобразованы во вторжение в Украину со стороны Российской Федерации, Евросоюз должен ясно дать понять, что цена за подобное нарушение международного права и норм будет тяжелой; он настаивает, следовательно, что в таких условиях будет немедленная остановка импорта нефти и газа из России в ЕС, в то время как Россия будет исключена из платежной системы SWIFT, и все активы олигархов, приближенных к российской власти, и их семей в ЕС должны быть заморожены, а их визы аннулированы...» (<https://www.europarl.europa.eu/doceo/document> 2021).

Исключение какой-либо страны из мировой цифровой валютной системы должно проводиться только при наличии согласия абсолютного большинства стран и только в случаях, прямо предусмотренных в международно-правовых документах и представляющих реальную угрозу существованию мирового сообщества. Мы обязаны не допустить использования новой цифровой мировой валютной системы в качестве орудия выяснения политических отношений.

С переходом в цифровую эпоху государства-участники также должны будут не только ратовать за транспарентность мировой цифровой валюты и операций с ней, но и взять на себя обязательство обеспечить такую транспарентность в отношении своих национальных цифровых денег. Конечно, говорить об абсолютной транспарентности пока, скорее всего, рано, учитывая такие вещи, как коммерческая и государственная тайны, тайна личных вкладов. Однако не должна подлежать оспариванию необходимость идентификации всех участников системы (вплоть до конечных аффилированных физических лиц компаний, обладающих счетами в цифровой денежной системе) и транспарентности операций таких категорий лиц, как, к примеру, государственные служащие, а равно лица, осужденные за преступления против собственности и в иных финансовых сферах или участвовавшие в торговле людьми и запрещенных средств. Кроме того, прозрачность операций с цифровой мировой валютой, переданной в качестве займа на реализацию каких-либо национальных, региональных или иных международных программ, также должна быть обеспечена на первых этапах транзакций такой валюты.

Третьим вопросом повестки должен стать запрет частной инициативы в создании криптовалют и иных цифровых денежных систем, вплоть до уголовного преследования лиц, в них участвующих. Необходимо также определить любые действия, направленные на подрыв как мировой, так и национальных цифровых денежных систем, как преступления особо тяжкого характера, без возможности применения сроков давности, так как один хакер может представлять значительно большую угрозу, нежели преступное сообщество традиционных фальшивомонетчиков. Так, в частности, по данным *Slowmist Hacked, Atlas VPN в 2020 году блокчейн-хакеры похитили почти 3,78 млрд. долл. США* (<https://www.itweek.ru/blockchain/article/detail> 2020). В июле 2021 года была проведена масштабная DDoS-атака на информационный сайт Bitcoin.org и со стороны хакеров было выдвинуто требование о выкупе в один биткоин (Корнеев 2021). 10 августа этого же года была произведена хакерская атака на криптоплатформу Poly Network, которая позволила вывести активов на общую сумму 600 млн. долларов США (Джабборов 2021).

Не менее важной темой для дискуссии является определение участия государств в корзине международной цифровой валюты (все ли валюты государств участников будут включены в эту

корзину или только избранных, как на примере специальных прав заимствований МВФ) и соответственно их долей.

Четвертым пунктом повестки может выступить порядок эмиссии цифровой денежной массы. Здесь необходимо будет определиться не только с самим процессом, но и с организационно-правовыми инструментами. Какой орган будет принимать решения, и если он будет коллегиальным, то по какому принципу будет идти голосование. Существенным же вопросом тут должна стать форма этой системы. Обществу известны две – инфляционная и дефляционная. Если мировое сообщество выберет дефляционную систему, то процессы будут проходить, скорее всего, не в правовом поле, а в рыночном формате, т.е. денежная масса будет условно прирастать за счет дробления цифровой валюты на ее производные разменные денежные единицы. И если при золоте и бумажных деньгах это представлялось неэффективным и даже затратным, то цифровые деньги и даже ее производные единицы можно дробить до бесконечности, при этом не неся каких-либо расходов, связанных с таким дроблением и администрированием. При этом, как уже было отмечено выше, процесс дробления будет протекать за счет спроса и предложения этой валюты.

Поскольку речь идет о цифровой валюте, конечно, предметами для обсуждения станут платформа, обслуживающая такую валюту, и ее кибербезопасность. Скорее всего, за основу будет взята технология блокчейн, с определенными особенностями. Возможно, данному аспекту будет предана такая правовая форма, как технический регламент, который как документ известен в международном праве благодаря деятельности Всемирной торговой организации. Здесь хотелось бы отметить, что, хотя на сегодняшний день в теории права место и сущность технического регламента неоднозначны, все же на фоне постоянно углубляющихся в экономику процессов автоматизации, цифровизации, возникновения таких явлений как «умные» вещи, искусственный разум, роль этого акта, как регулятора, будет только возрастать. Необходимо будет решить также такую организационно-правовую задачу, как порядок принятия решения по внесению изменений в технический регламент. Этот вопрос очень важен, так как обновление программных обеспечений производится достаточно чаще, чем обновление образцов денежных купюр. И данные процессы пусть на первый взгляд и носят техни-

ческий характер, они таят в себе значительные риски, которые должны находиться под пристальным вниманием специалистов всех государств-участниц мировой денежной системы.

Перевод мировой финансовой системы в цифровой формат потребует от всего мирового сообщества скоординированной работы по дальнейшей компьютеризации, смартфонизации и интернетизации населения. Особо актуальной данная дилемма будет для стран третьего мира. Успех цифровой валюты будет зависеть от того, насколько быстро каждое государство сможет обеспечить бесперебойность и доступность единой системы мировой валюты для своего населения. Для этого видится необходимым разработать отдельные программы развития. Возможно, здесь как никогда окажутся своевременными и полезными работы Илона Маска, направленные на создание спутникового интернета. И если страны подключатся к данному процессу, мы сможем за короткое время получить «интернет без границ», который необходим не только для цифровизации международной валютно-финансовой системы, но и в целом для всей мировой экономики.

Учитывая сложившуюся не совсем благоприятную практику распределения мировых заемных средств между государствами в период кризисов, особое внимание необходимо будет уделить правовым основам, регламентирующим механизм такого распределения, который должен быть построен на принципах справедливости и первостепенной помощи крайне нуждающимся государствам. При этом государства-участники должны будут взять на себя обязательство по обеспечению безопасности, надлежащей и транспарентной работы платформы на их территориях вплоть до всех участников платежей. Более того, страны должны будут взять на себя универсальное обязательство по преследованию лиц, участвующих в нецелевом использовании кредитных средств, а также должностных лиц, бездействующих при выявлении подобных фактов. С помощью цифровой денежной системы это будет достаточно эффективное и реализуемое состояние международно-правового документа. Страны-реципиенты должны будут давать разъяснения мировому сообществу о допущенных нарушениях и принятых мерах в данной сфере. У органов международной финансовой организации должны быть полномочия по проведению соответствующего расследования. У международной организации при этом должен быть целый набор инструментов по при-

влечению к ответственности и наказанию стран, бездействующих в данном вопросе на территории, подпадающей под ее юрисдикцию. К таким инструментам можно отнести, как повышение процентной ставки по действующему или последующим займам, так и отказ в предоставлении новых займов.

Принимая во внимание то, что новой мировой цифровой валюте придется работать с национальными валютами, необходимо будет продумать вопросы обеспечения эффективного взаимодействия как с фиатными, так и с цифровыми национальными валютами. При этом, было бы разумным предусмотреть обязательство государств к постепенному полному отказу от фиатных денег в пользу цифровых, что позволит повысить эффективность всей мировой валютно-финансовой системы.

Цифровизация валютной системы позволит более детально изучить и урегулировать процессы бегства капитала, которые негативно сказываются на экономике стран в период кризисов. Страны смогут прибегнуть к новым компенсационным механизмам по оперативному устранению последствий панического оттока капитала. Таким механизмом может стать формируемый государствами компенсационный пул временного фондирования, средства которого будут временно направляться в те сектора и отрасли страны реципиента, из которых произошел обвальный уход капитала, и возвращаться обратно в пул по мере прекращения паники и восстановления ситуации. Кроме того, станет ясно, какие традиционные методы по сдерживанию такого бегства являются обоснованными, а какие безосновательно сдерживают процессы свободного движения капитала.

Переход к новой форме мировой валюты повлияет и на ее профессиональный круг участников. Как уже не раз мною было отмечено в других работах, банки в том виде, в котором они существуют, уже не будут необходимы. Так, на примере яндекс такси или платформы юбер, если ранее в каждом городе был свой оператор (администратор) такси, то сейчас благодаря вышеупомянутым платформам управление процессами перевозки происходит во всем мире практически с одной точки планеты. То же самое ждет и финансовый сектор. Кругу его участников суждено будет существенно ужаться. И для того, чтобы развитие новой финансовой парадигмы не сопровождалось колоссальными коллапсами, необходимо будет разработать как на универсальном и региональном, так и на наци-

ональном уровнях продуманные программы по трансформации финансового сектора.

На фоне формирования цифровой валютной системы мировое сообщество должно будет также одновременно определить векторы цифровизации производных от денег бумаг (расписки, акции, облигации, векселя и т.д.). Так как именно данные бумаги, обладая физической формой, могут стать существенными тормозами на пути нового мирового экономического порядка. Работу над этой проблемой должны проводить именно международные финансовые организации, которые способны упростить, а равно ускорить этот процесс и обеспечить соответственно его унифицированную форму.

В целом можно предположить, что с уходом старых финансовых институтов и инструментов не исключено возникновение новых форм и средств организации движения цифровой денежной массы. В то же время возможно, что какие-то существующие сегодня институты и инструменты обретут новую жизнь.

Если говорить о региональных финансовых организациях, то ситуация тут складывается в условиях полной пассивности к главным цифровым переменам. На данный момент международные региональные банки не только не участвуют в обороте существующих криптовалют, но и не генерируют свои, отдавая предпочтение традиционным фиатным деньгам, ценным бумагам и драгоценным металлам. При этом, следует напомнить, что некоторые из них уже обладают своими условными валютами, признанными государствами-членами этих банков, что создаст более широкие возможности для внедрения системы цифровых денег, нежели имеют государства, по отдельности запускающие цифровые деньги в рамках своих юрисдикций. Так, в статье 4 Учредительного договора Исламского банка развития предусмотрено, что валютой счета Банка является исламский динар. Статья 4 Соглашения об учреждении Европейского банка реконструкции и развития регламентирует разрешенный к выпуску акционерный капитал, который устанавливается в размере десяти миллиардов ЭКЮ.

Сила международных региональных банков заключается в том, что они являются государственными, при этом они не осуществляют какие-либо иные банковские операции, которые бы предопределяли их прибыль, кроме выдачи займов. В то время как эксперты предрекают закат многих традиционных банков, инвестиционные институты в лице международных ре-

гиональных банков останутся. С уходом банков-посредников неизбежно усилится роль инвестиционных банков.

Что дает региональному банку и его партнерам цифровизация своей валюты? Во-первых, возможность запустить в реальный оборот региональную денежную единицу на территориях государств-участников, которые, в свою очередь, смогут эффективно контролировать и управлять таким оборотом, тем самым исключая возможности причинения ущерба обороту своих национальных валют. Во-вторых, установить более жесткий контроль за целевым и своевременным освоением заемных средств с низкими издержками такого контроля, что, в свою очередь, позволит банку выходить напрямую на заемщика, при этом снижать издержки обслуживания займа и, в первую очередь, процентную ставку. Иными словами, может вырасти доступность международных капиталов для физических и юридических лиц без ущерба национальной финансовой безопасности их государств.

Хотя банки являются региональными и не могут вовлечь всех мировых участников товарно-денежных отношений в свою цифровую денежную систему, вместе с тем, они смогут занять достойное место по обслуживанию значительного ряда товаров, работ и услуг.

Внедрение цифровых денежных систем региональными финансовыми организациями потребует формально-юридического согласия их государств-участниц. Кроме того, государства-участники также, как и на примере финансовой организации универсального характера, должны будут решить, какие полномочия, связанные с эмиссией и администрированием денежной массы, будут оставаться за членами, а какие будут делегированы иным постоянно действующим органам банков. Данные вопросы должны быть закреплены в уставных документах банка.

Также видится целесообразным установление более детальной регламентации процедуры выдачи кредитов региональными финансовыми организациями, вплоть до принудительного их изъятия у недобросовестных заемщиков.

Принимая во внимание тот факт, что многие валюты государств подвержены девальвации, цифровая валюта международных региональных финансовых организаций может стать не только резервной валютой государств-участников, но и также валютой частной капитализации граждан и юридических лиц, где государство может выступить в качестве обязательного агента по операциям с такой валютой. Учитыв-

вая, что данная валюта цифровая, операции между физическими и юридическими лицами в обход государственного контроля будут невозможны. При данном раскладе выиграют все стороны – с одной стороны, региональная цифровая валюта международной финансовой организации не будет претендовать на эмиссионный суверенитет государств членов, с другой стороны, население сможет получить новый инструмент финансовой защиты своих сбережений и возможно, средство обеспечения частных банковских займов.

Заключение

Подводя черту под настоящей статьей, нельзя не отметить, что более активное участие международных финансовых организаций в новой мировой цифровой денежной системе неизбежно

скажется на их правосубъектности, их значимость и роль существенно возрастет на мировой арене. Не исключено, что мы сможем стать свидетелями, если не повсеместного характера, то, в отдельных случаях, их трансформации из вторичного (производного) субъекта международного права во что-то большее в виде, например, Европейского Союза.

В целом можно с уверенностью предположить, что если вся геополитика и право войны сводятся, в конечном итоге, к «презренному металлу», то возможности, которые нам даст цифровизация валюты и отказ от бумажных носителей, более детального понимания законов и процессов движения денежной массы и использования более безболезненных методов стимулирования такого движения, позволят миру перейти из тысячелетий сдержек и противовесов в эпоху коллективного сотрудничества.

Литература

- Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. Т. 15. № 1. – С. 54-76.
- Антонопулос А. Интернет денег / А. Антонопулос; перевод: А. Руднев; ред. А. Власов. – М.: Олимп-Бизнес, 2018. – 192 с.
- Башир И. Блокчейн: архитектура, криптовалюта, инструменты разработки, смарт-контракты. – М.: ДМК Пресс, 2019. – 538 с.
- Грачева Е. Ю., Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики. – М.: Проспект, 2020. – 256 с.
- Джаббаров Д. Хакеры украли «крипты» на \$600 млн. Владельцы сервиса умоляют их вернуть деньги // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2021/08/11/13855244/poly.shtml> (05.09.2021).
- Дульнева М. Иран запретил майнинг криптовалюты из-за проблем с электричеством // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/430507-iran-zapretil-mayning-kriptovalyuty-iz-za-problem-s> (01.07.2021).
- Калыбекова Д. Цифровизация Казахстана как ключевой фактор экономического развития в условиях модернизации // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. – 2018. № 2. – С. 152-159.
- Карагусов Ф. С., Баишева Б.К. О концепции национальных электронных денег в Республике Казахстан // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://legalpro.kz/o-konceptcii-nacjonalnyh-elektronnyh-deneg-v-respublike-kazahstan/> (дата обращения: 05.09.2021).
- Корнеев А. Хакеры атаковали сайт Bitcoin.org и потребовали выкуп в криптовалюте // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60e416739a7947048716d8bc> (03.09.2021).
- Кудряшов В. В. Право международных финансовых организаций. – М.: КноРус, 2020. – 286 с.
- Лисицына М. Европарламент принял резолюцию с призывом отключить Россию от SWIFT // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/04/2021/608ac83f9a79476b9382c97e> <https://www.rbc.ru/politics/29/04/2021/608ac83f9a79476b9382c97e> (15.08.2021).
- Медведев Д. Идея перехода на наднациональные валюты оправдана // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.newsru.com/finance/14apr2011/bricks.html> (07.07.2021).
- Полякова В. СМИ сообщили об исчезновении братьев из ЮАР с биткоинами на \$3,6 млрд. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/finances/24/06/2021/60d385cf9a7947606455bf3f> (04.07.2021).
- Тарасов Д. От золота до биткоина / Д. Тарасов, А. Попов. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 98 с.
- Токаев К.К. Послание народу Казахстана «Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания страны» // Казахстанская правда. – 2021. – 1 сентября.
- Brunnermeier M.K., James H., Landau J.P. The Digitalization of Money // BIS (Bank of International Settlements) Working Papers. – 2021. No. 941. – 35 p.
- D'Urbing L. The digital currencies that matter // The Economist. – 2021. – 8 May.

Garcia-Macia D., Goyal R. Decoupling in the Digital Era // Finance & Development (International Monetary Fund journal). – Spring 2021. Issue 58. No. 1. – Pp. 20-22.

Gozbasi O., Altinoz B., Sahin E. Is Bitcoin a Safe Haven? A Study on the Factors that Affect Bitcoin Prices // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2021. Vol. 11. No. 4. – Pp. 35-40.

Rajan R., Rogoff K. and others. Digital Currencies and Stablecoins. Risks, Opportunities, and Challenges Ahead. – Washington D.C.: Group of Thirty, 2020. – P. 3. (48 p.).

European Parliament // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2021-0236_EN.pdf (28.08.2021).

Криптовалюта-2020: в 122 атаках украдено 3,8 млрд. долл. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.itweek.ru/blockchain/article/detail.php?ID=216431> (02.09.2021).

Сколько банковских карт приходится на одного казахстанца. Нацбанк опубликовал доклад о ситуации на финансовом рынке. 29 декабря 2020 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kursiv.kz/news/finansy/2020-12/skolko-bankovskikh-kart-prikhoditsya-na-odnogo-kazakhstanca> (02.09.2021).

Фонд планирует активнее использовать SDR и включить в них юань // РБК daily. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://world.investfunds.ru/news/view/97779/> (12.08.2021).

Эксперты: валюты стран БРИК потеснят доллар в резервах МВФ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=423687&cid=6> (05.08.2021).

Digital currency // [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_currency (01.09.2021).

References

Andryushin S. A. Digital currency of the central bank as the third form of state money // Actual problems of economics and law. – 2021. Vol. 15. No. 1. – Pp. 54-76.

Antonopoulos A. Internet of money / A. Antonopoulos; translated by A. Rudnev; edited by A. Vlasov. – M.: Olymp-Business, 2018. – 192 p.

Bashir I. (2019) Blockchain: architecture, cryptocurrencies, development tools, smart contracts. – Moscow: DMK Press. – 538 p.

Gracheva E. Yu., Artemov N. M., Arzumanova L. L. Actual problems of financial law in the conditions of digitalization of the economy. – Moscow: Prospect, 2020. — 256 p.

Jabborov D. Hackers stole \$600 million worth of «crypts». The owners of the service beg them to return the money // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2021/08/11/13855244/poly.shtml> (05.09.2021).

Dulneva M. Iran banned cryptocurrency mining due to problems with electricity // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/430507-iran-zapretil-mayning-kriptovalyuty-iz-za-problem-s> (01.07.2021).

Kalybekova D. Digitalization of Kazakhstan as a key factor of economic development in the conditions of modernization // Vestnik KazNU. Series International Relations and International law. – 2018. No. 2. – Pp. 152-159.

Karagusov F. C., Baisheva B. K. About the concept of national electronic money in the Republic of Kazakhstan // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://legalpro.kz/o-konczepczii-naczionalnyh-elektronnyh-deneg-v-respublike-kazahstan/> (accessed: 05.09.2021).

Korneev A. Hackers attacked the site Bitcoin.org and they demanded a ransom in cryptocurrency // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60e416739a7947048716d8bc> (03.09.2021).

Kudryashov V. V. The law of international financial organizations. – Moscow: KnoRus, 2020. – 286 p.

Lisitsyna M. The European Parliament adopted a resolution calling for Russia to be disconnected from SWIFT // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/04/2021/608ac83f9a79476b9382c97e> (15.08.2021).

Medvedev D. The idea of switching to supranational currencies is justified // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.newsru.com/finance/14apr2011/bricks.html> (07.07.2021).

Polyakova V. The media reported about the disappearance of brothers from South Africa with bitcoins worth \$3.6 billion // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/finances/24/06/2021/60d385cf9a7947606455bf3f> (04.07.2021).

Tarasov D. From gold to bitcoin / D. Tarasov, A. Popov. – Moscow: Alpina Publisher, 2018. – 98 p.

Tokayev K. K. Message to the people of Kazakhstan «The unity of the people and systemic reforms – a solid foundation for the prosperity of the country» // Kazakhstanskaya Pravda. – 2021. – September 1.

Brunnermeier M.K., James H., Landau J.P. The Digitalization of Money // BIS (Bank of International Settlements) Working Papers. – 2021. No. 941. – 35 p.

D'Urbing L. The digital currencies that matter // The Economist. – 2021. – 8 May.

Garcia-Macia D., Goyal R. Decoupling in the Digital Era // Finance & Development (International Monetary Fund journal). – Spring 2021. Issue 58. No. 1. – Pp. 20-22.

Gozbasi O., Altinoz B., Sahin E. Is Bitcoin a Safe Haven? A Study on the Factors that Affect Bitcoin Prices // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2021. Vol. 11. No. 4. – Pp. 35-40.

Rajan R., Rogoff K. and others. Digital Currencies and Stablecoins. Risks, Opportunities, and Challenges Ahead. – Washington D.C.: Group of Thirty, 2020. – P. 3. (48 p.).

European Parliament // [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2021-0236_EN.pdf (28.08.2021).

Cryptocurrency-2020: \$ 3.8 billion was stolen in 122 attacks // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.itweek.ru/blockchain/article/detail.php?ID=216431> (02.09.2021).

How many bank cards are there for one citizen of Kazakhstan. The National Bank has published a report on the situation on the financial market. December 29, 2020 // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://kursiv.kz/news/finansy/2020-12/skolko-bankovskikh-kart-prihoditsya-na-odnogo-kazakhstanca> (02.09.2021).

The Fund plans to use SDR more actively and include the yuan in them // RBC daily. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://world.investfunds.ru/news/view/97779> / (12.08.2021).

Experts: the currencies of the BRIC countries will displace the dollar in the IMF reserves // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=423687&cid=6> (05.08.2021).

Digital currency // [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_currency (01.09.2021).

A.A. Akhmetova*^{id}, Z.M. Baimagambetova^{id}

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
*e-mail: asema1903@gmail.com

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISM FOR REGULATING GRAIN TRADE IN THE CONTEXT OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION

This article considers the necessity and importance of the process of regulating grain trade at the international level, taking into account the effectiveness of the application of international treaties, the purpose of which is to resolve differences between countries and maintain a common grain policy. The article analyzes the chronology of legal problems of adaptation of the world grain industry and considers the issue of compliance of the current International Grains Agreement with the conditions of modern trade within the World Trade Organization. It should be noted that the provisions of the International Grains Agreement, taking into account the problems of hunger and food security, should comply with the principles of free trade, without hindering the development of the agricultural sector of the economy of developing countries. The article considers the legal aspects of the grain industry of the Republic of Kazakhstan in the conditions of its membership in the World Trade Organization. The analysis of compliance of the norms of the Kazakhstan legislation regulating the issues of regulation of the grain industry of the economy, the WTO regulatory and legal documentation is carried out. The study used the norms of the International Grains Agreement, the World Trade Organization, as well as official and scientific views in the field of legal problems of the formation, development and regulation of the grain sector. The purpose of the study is to identify the degree of effectiveness of international cooperation in the field of world grain trade, taking into account the issues of ensuring food security. At the same time, the authors propose to regulate the creation of a single global grain reserve through decisions taken by the International Grains Council.

Key words: grain trade, international trade law, World Trade Organization, grain trade disputes, international legal regulation.

А.А. Ахметова*, З.М. Баймагамбетова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: asema1903@gmail.com

Дүниежүзілік сауда ұйымы жағдайында астық саудасының халықаралық-құқықтық механизмін реттеу

Осы мақаланың мақсаты елдер арасындағы келіспеушіліктерді шешу және Бірыңғай астық саясатын жүргізу болып табылатын халықаралық шарттарды қолданудың тиімділігін ескере отырып, астық саудасын халықаралық деңгейде реттеу процесінің қажеттілігі мен маңыздылығы мәселесі қаралды. Әлемдік астық саласының бейімделуінің құқықтық проблемаларының хронологиясын талдай отырып, мақалада қолданыстағы астық жөніндегі халықаралық келісімнің Дүниежүзілік сауда ұйымының шеңберіндегі қазіргі заманғы сауда шарттарына сәйкестігі қарастырылады. Бұл ретте астық жөніндегі халықаралық келісімнің ережелері ашаршылық пен азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету проблемаларын ескере отырып, дамушы мемлекеттер экономикасының аграрлық секторының дамуын тежемей, еркін сауда қағидаттарына сәйкес келуге тиіс екенін атап өткен жөн. Мақалада Қазақстан Республикасының Дүниежүзілік сауда ұйымына мүшелігі жағдайындағы астық саласының құқықтық аспектілері қарастырылған. Экономиканың астық саласын реттеу мәселелерін регламенттейтін қазақстандық заңнама нормаларының, ДСҰ нормативтік-құқықтық құжаттамасының сәйкестігіне талдау жүргізілді. Зерттеу барысында астық жөніндегі халықаралық келісімнің, Дүниежүзілік сауда ұйымының нормалары, сондай-ақ астық секторын қалыптастырудың, дамытудың және реттеудің құқықтық мәселелерінің ресми және ғылыми көзқарастар пайдаланылды. Зерттеудің мақсаты азық-түлік қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелерін назарға ала отырып, астықтың әлемдік саудасы саласындағы халықаралық ынтымақтастықтың тиімділік дәрежесін анықтау болып табылады. Сонымен қатар, авторлар Халықаралық астық кеңесі қабылдаған шешімдер арқылы бірыңғай Әлемдік астық пулын құруды реттеуді ұсынады.

Түйін сөздер: астық саудасы, халықаралық сауда құқығы, Дүниежүзілік сауда ұйымы, астық саудасы жөніндегі даулар, халықаралық-құқықтық реттеу.

А.А. Ахметова*, З.М. Баймагамбетова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: asema1903@gmail.com

Международно-правовой механизм регулирования торговли зерном в условиях Всемирной торговой организации

В настоящей статье рассмотрен вопрос необходимости и значимости процесса регулирования торговли зерном на международном уровне, учитывая эффективность применения международных договоров, целью которых является разрешение разногласий между странами и ведение единой зерновой политики. Проанализировав хронологию правовых проблем адаптации мировой зерновой отрасли, в статье рассматривается вопрос соответствия действующего Международного соглашения по зерну условиям современной торговли в рамках Всемирной торговой организации. Целесообразно при этом отметить, что положения Международного соглашения по зерну, учитывая проблемы голода и обеспечения продовольственной безопасности, должны соответствовать принципам свободной торговли, не сдерживая развития аграрного сектора экономики развивающихся государств. В статье рассмотрены правовые аспекты зерновой отрасли Республики Казахстан в условиях ее членства во Всемирной Торговой Организации. Проведен анализ соответствия норм казахстанского законодательства, регламентирующих вопросы регулирования зерновой отрасли экономики, нормативно-правовой документации ВТО. В ходе исследования были использованы нормы Международного соглашения по зерну, Всемирной торговой организации, а также официальные и научные взгляды в области правовых проблем формирования, развития и регулирования зернового сектора. Цель исследования заключается в выявлении степени эффективности международного сотрудничества в области мировой торговли зерном, принимая во внимание вопросы обеспечения продовольственной безопасности. Вместе с тем, авторы предлагают урегулировать создание единого мирового зернового пула посредством решений, принимаемых Международным Советом по зерну.

Ключевые слова: торговля зерном, международное торговое право, Всемирная торговая организация, споры по торговле зерном, международно-правовое регулирование.

Introduction

The global grain trade involves a wide range of complex issues. The discrepancy between the mechanism of legal regulation in States and the goals pursued by the international community leads to acute contradictions. The inconsistency is evident in the particular grain market, which consists in the fact that grain as a food product is of an important strategic nature. First, grain is the basis for the sustainable development of the national economy of the grain-exporting states, establishing and determining the food security of the states. Secondly, grain is the basis not only of the international mechanism for ensuring food security, but also of food aid.

FAO experts note that the availability of grain reserves determines the degree of food security of the state. In the context of the COVID-19 pandemic, there have been disruptions in the supply of products, including grain, in the world, which threatens food security. The consequences caused by the pandemic, such as an increase in unemployment, an increase in food prices, a reduction in the income of the population, negatively affect the food security of any state.

In the modern conditions of globalization, Kazakhstan occupies an important role in the

world grain market. Kazakhstan's participation in the process of international economic integration through grain trade requires the effective functioning of the mechanism of legal regulation of the grain market, in accordance with the rules of the World Trade Organization.

Grain exports, both to the markets of the near and far abroad, form the basis of foreign trade within the framework of the Kazakh agro-industrial complex. According to the State Program for the Development of the Agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan for 2017-2021, «in terms of grain and flour, Kazakhstan quickly became one of the largest exporting countries in the world. Kazakhstan's membership in the Eurasian Economic Union and the World Trade Organization creates opportunities and at the same time places high demands on competitiveness in both domestic and foreign markets» (Государственная программа развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2017-2021 годы, 2017). The legal institute for regulating the activities of the grain market of Kazakhstan is focused on increasing the competitiveness of domestic agricultural products in the world trade market.

As Professor S. Aidarbayev notes, the legislation of Kazakhstan, gradually adapting to international

standards, acquires features of greater openness (Айдарбаев, 2010: 392). Thus, the entry of the Republic of Kazakhstan into the membership of the World Trade Organization required the adoption and introduction of amendments to the current national legislation.

According to Z. Baimagambetova «in order to determine the international legal consequences of Kazakhstan's accession to the WTO, priority attention should be paid to analyzing the state of the current legislative framework for its compliance with WTO agreements» (Баймагамбетова, 2015: 125). Thus, during the period of accession to the WTO, the Republic of Kazakhstan assumed a number of obligations related to the regulation of agricultural issues: a reduction in the volume of state support, a ban on the use of export subsidies. In the conditions of membership in the organization, the legal regulation of the grain industry must meet the requirements of an international organization, while taking into account the specifics of the mechanism for applying state support measures in the state.

The issues of grain trade have been studied by scientists in the economic aspect, but in the science of international trade law, the mechanism for regulating the world trade in grain has not been considered. Today, the fundamental source of regulation of the world grain trade is the International Grains Agreement. However, in the context of the existence of the World Trade Organization, world grain trade is determined by agreements and treaties adopted within the framework of this organization, in particular, and the Agreement on Agriculture. At the same time, a special place in the settlement of trade relations is occupied by the WTO Dispute Settlement Body. This raises many questions: how is the world grain trade carried out? How are emerging conflicts on issues related to the grain trade effectively resolved? How to take into account the interests of all WTO member States, regardless of their economic position and role in the world grain trade?

Undoubtedly, participation in the World Trade Organization is an integral part of the economic integration of States into the world community. Fundamental to the settlement of trade disputes between WTO member States is the dispute settlement mechanism that operates within the WTO. At the same time, the process of making legal changes and additions to the provisions of the International Grains Agreement leads to the need to determine the place and role of the WTO in regulating world agricultural production, by

considering the components of WTO law directly related to grain trade.

It is obvious that the development of international cooperation in the field of grain trade consists in the settlement of differences between the policies of individual States and the world community as a whole, pursuing conflicting goals. It should be assumed that the key to effective international cooperation in the field of grain trade is the creation of a global grain reserve, which would be regulated by the International Grains Council.

Materials and methods

The methodological basis of the study was a systematic approach, in particular, the following methods were used in the research: synthesis, system-structural analysis of normative legal acts, comparative legal method. In addition, the use of the historical and legal method in the course of writing the article allowed us to determine the degree of effectiveness of the current international legal mechanism for regulating grain trade.

Discussion

Before proceeding to the analysis of international agreements regulating grain trade, it is necessary to consider the stages and reasons for the transformation of these agreements. The legal experience of improving international legislation and cooperation will help determine the effectiveness of achieving the goals of such treaties.

The implementation of the policy of protectionism, the lack of stability of wheat prices in the period of the 30s of the XX century prompted the world community to raise this issue at the international level. Having discussed the problems of regulating the world wheat market at three conferences held in 1927, 1930 and 1931, the first International wheat agreement was signed in London in 1933, with the United States, Canada, Australia, Argentina and a number of European states as participants. A special feature of this legal document was the obligation of the participants to limit the production and export of wheat, which subsequently became one of the factors in the revision of the provisions of the Agreement and the adoption of a new international treaty (International wheat agreement, 1933). However, the conclusion of the Agreement was a prerequisite for the establishment of an international organization- the Wheat Advisory Committee, which, in our opinion, was a prerequisite for the creation of the current International Grains Council in London.

The post-war period, which was characterized by a shortage and, consequently, the high cost of wheat, required the creation of new mechanisms for regulating the process of international grain trade. In 1949, a new multilateral agreement was adopted, aimed at organizing a system for ensuring the supply and purchase of grain and stabilizing the price of wheat. However, this Agreement and a number of subsequent ones contained legal gaps that did not allow it to be sufficiently effective (Golay, 2020: 443). The destabilization of the international grain trade was caused by the application of the common agricultural policy of the European Economic Community; the ability of individual States to use different systems of support and subsidies for agriculture and measures aimed at stimulating exports; the difference between the growth rates of the economies of developed and developing countries. It should also be noted that the drought and the retention of grain surpluses by major exporting countries have created the threat of global famine.

In 1967, as a result of the Kennedy Round negotiations, the General Agreement on Tariffs and Trade, in accordance with the Wheat Trade Convention and the Food Aid Convention, established the obligation of States to provide food assistance to developing countries by providing 4.5 million tons of grain (International wheat agreement, 1967). However, the high yield of wheat and, consequently, the fall in grain prices below the values allowed by the agreement, led to the adoption of the new International Wheat Agreement of 1971, the text of which no longer contained economic provisions (International wheat agreement, 1971).

Declining stocks and rising grain prices led to the world grain crisis of 1972-1974. Within the framework of the international conference on wheat trade, the issue of creating grain stocks was considered, which was never documented due to the lack of consistency between the participants regarding the price of wheat. The failure of a number of agreements adopted in the period before the creation of the World Trade Organization is due to the fact that exporting countries pursued only their own personal economic interests. At the same time, grain was also used as a political tool. For example, during the Cold War, the United States imposed an embargo on the supply of grain to the USSR. Thus, in our opinion, the adopted legal mechanism for regulating the grain trade turned out to be ineffective due to the selfishness of the participants in the international grain agreement.

In order to regulate international trade relations and liberalize world trade, the World Trade

Organization was established on January 1, 1995, which defined new terms of trade between States. As a result of the creation of the WTO, a new, up-to-date International Grains Agreement of 1995 was signed, regulating grain trade and food assistance issues. Thus, at the legislative level, these issues were enshrined in two interrelated conventions, united in one international multilateral agreement. At the same time, it should be noted here that participation in a particular convention is an independent decision of each State. For example, the Republic of Kazakhstan is a party to the Grains Trade Convention, but has not joined the Food Assistance Convention.

According to the newly adopted Grains Trade Convention, the scope of regulatory objects was no longer limited to wheat, but was expanded to all types of grain and products of its processing. Article 2 of the Convention defines grain as “barley, maize, millet, oats, rye, sorghum, triticale and wheat, and their products, and such other grains and products as the International Grains Council may decide” (Grains Trade Convention, 1995). Thus, the decisions of the International Grains Council that controls the functioning of the Grains Trade Convention determine the nature and direction of the activities of the organization’s participants in the field of grain trade.

During the 49th Session of the International Grains Council, which was held on June 10, 2019, the validity of the International Grains Trade Convention was extended until June 30, 2021. According to this convention, international cooperation and stability in the field of grain trade is carried out through the forums of the International Grains Council, during which information is exchanged that has an impact on the grain sector of the world economy. It should be noted that as a result of the 27th and 35th sessions of the Council, the International Grains Council is reviewed the market not only for grain, but also for rice, oilseeds and their processed products. Thus, the expanded information system of the international organization reflects the need for continuous monitoring of the Council’s decisions.

The current Food Assistance Convention entered into force in January 2013 and replaced the Food Aid Convention that preceded it and was adopted in the framework of the International Grains Agreement of 1995, which was a continuation of the 1967 Convention discussed above. The peculiarity of the new adopted Convention is that the list of products provided as assistance included not only grain and a traditional set of food products available to socially vulnerable segments of the population, but was expanded to food and household kits and

cash. It should be noted that the activities carried out under this Convention are implemented in accordance with the established rules of the World Trade Organization. At the same time, Article 3 of the Convention emphasizes the pre-emptive legal force of agreements concluded within the framework of the WTO (Food Assistance Convention, 2012).

Within the framework of the World Trade Organization, trade is regulated through the application of international legal norms established during the Uruguay Round in the 1994 Marrakesh Agreement establishing the WTO, which replaced the General Agreement on Tariffs and Trade of 1947 (Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, 1994). Today, the legal system of the World Trade Organization is represented by three main groups of sources: international treaties regulating world trade; decisions of the Dispute Settlement Body; and WTO practice.

The WTO sources directly related to the regulation of grain trade are:

- General Agreement on Tariffs and Trade of 1947;
- General Agreement on Tariffs and Trade 1994;
- Agreement on Agriculture;
- Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measure;
- Technical Barriers to Trade Agreement;
- Agreement on Implementation of Article VI of GATT 1994 (Anti-dumping Agreement);
- Agreement on Safeguards;
- Agreement on Subsidies and Countervailing Measures (“SCM Agreement”);
- Agreement on Trade-Related Investment Measures (TRIMS).

The specifics of the legal regulation of agricultural trade are mainly determined by the Agreement on Agriculture adopted during the negotiations of the Uruguay Round. This Agreement establishes the following main directions of liberalization of the grain sector of the economy:

- determination of import duties on grain and its processed products;
- reduction of the level of state support for the production of the grain sector;
- phased reduction and elimination of export subsidies for grain-related activities (Agreement on Agriculture, 1994).

Taking into account the extent and possibility of applying state subsidies, the types of state support for agricultural producers under the WTO are grouped into “boxes”: Green, Amber and Blue.

The “Green Box” establishes the use of subsidies allowed by the state, such as: the development

of trade and logistics infrastructure, scientific and personnel support of the grain sector, the formation of a system of insurance of grain crops, information support. These support measures are not limited to WTO rules, but the State party must inform the organization of the existence and implementation of such measures.

The “Amber box” policies distort the terms of trade and boost production and market development. The “Amber box” includes measures related to government pricing, lending, debt cancellation and other actions that affect the distortion of the grain market. The list of obligations of this subsidy for each WTO member is determined separately and is limited by applying the indicator of the aggregated level of support. Such measures are determined by a quantitative indicator in the form of an annual state sum of money aimed at providing support to agriculture.

The “Blue box” includes direct payments to the state in order to reduce yields. These measures are not subject to strict reduction, provided that they are extended to certain areas and crops. The “Blue box” includes subsidies that restrict grain production in order to increase the price of grain that is beneficial to producers.

It should be noted that the WTO has a De minimis rule, which sets an acceptable minimum level of support not higher than 5% of the value of certain agricultural products.

It should be noted that one of the main conditions for the entry of the Republic of Kazakhstan into the World Trade Organization is the compliance of normative legal acts of internal action with WTO standards. During the accession to the WTO, the process of economic integration of Kazakhstan was aimed at organizing an effective mechanism for export and import, taking into account the interaction of regulation of state support for agriculture and food security of the country.

One of the main problems of Kazakhstan’s accession to this international organization was the inconsistency of the national agricultural law with the norms of WTO law. The regulatory legal acts of an internal nature did not fully reflect the system of state support for the “Green box” of the WTO Agreement on Agriculture, the issues of the application of protective measures and international technical standards.

In the Report of the Working Group on Kazakhstan’s Accession to the WTO, the provisions of agricultural policy were fixed in section “C” of Chapter IV “Policy in the field of trade in goods”. The condition for the entry of the Republic of Kazakhstan

into WTO membership was to change a number of existing Kazakh laws by making amendments or adopting new legal acts. Thus, in January 1996, the Government of the Republic of Kazakhstan adopted the order according to which 25 new laws are required to be adopted, 7 laws need to be amended and 13 laws need to be revised (Ceyssens, 2006). At the same time, Aidarbayev, Baimagambetova and Umirzakova note the peculiarity of the norms regulating the agricultural sector of Kazakhstan, emphasizing that “the volume of subsidies to the agricultural sector and the right to provide transport subsidies for grain exports are one of the “sensitive” issues for the Kazakh economy, which was the most controversial in this area during the negotiations” (Aidarbayev, 2015).

The negotiation process on Kazakhstan’s accession to the WTO covered the provisions of the Kazakh legislation regulating the issues of Kazakhstan’s exports, the conditions for the import of imported goods and services to the territory of the state, the policy of state support for the agricultural sector. In order to implement the objectives of the policy aimed at joining the WTO, the state is implementing the process of harmonization of domestic legislation.

Before joining the WTO, the development and implementation of trade activities in the field of agriculture in Kazakhstan was formed on the basis of the Law of the Republic of Kazakhstan No. 544-II of April 12, 2004 “On the regulation of trade activities” and the Law of the Republic of Kazakhstan No. 66-III of July 8, 2005 “On State regulation of the development of the agro-industrial complex and rural territories”. These normative legal acts comply with the basic principles of the international organization’s activities, which allowed maintaining the applicability of these laws. Since the beginning of the negotiation process, in order to comply with the requirements of the World Trade Organization, a number of laws have been adopted and amended in Kazakhstan: the Customs Code of the Republic of Kazakhstan No. 401-2 of April 5, 2003, the Law of the Republic of Kazakhstan No. 373-II “On Investments” of January 8, 2003, the Law of the Republic of Kazakhstan No. 603-II “On Technical Regulation” of November 9, 2004, and others.

An important stage in the legal regulation of relations arising in the process of grain trade is the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan No. 143-II of January 19, 2001 “On Grain”. According to R. Oshakbayev, in the period before joining the WTO, Kazakhstan actively used measures of state intervention in the wheat market, such as

the purchase of grain by the state for commercial purposes, subsidizing the production and export of wheat, a ban on exports (Ошакбаев, 2012).

At the same time, despite the ineffectiveness of the existing international agreements on wheat adopted before the WTO, the dispute resolution mechanism functioning within the framework of the GATT in some cases contributed to the settlement of grain conflicts between States. For example, in 1958, a dispute between Australia and France related to the financing of wheat exports by the French government was considered by an arbitration panel, as a result of which Australian suppliers were forced out of the South-East Asian market by products from France. The panel concluded that France had violated article XVI of the GATT 1947, as it took a larger share of wheat exports than the “fair share”, and on the basis of this fact, it was decided to review the size and nature of subsidies for wheat exports by France (General Agreement on Tariffs and Trade, 1947). However, it should be noted that the decisions taken by the arbitration panel were a recommendation and were not binding. As Thomas notes, the dispute resolution system that operated under the GATT 1947 was an instrument of trade diplomacy, and the decisions of the arbitration group could not be applied by the GATT Council (Thomas, 1996: 56-57).

As a result of the Uruguay Round, Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes (DSB) was adopted, which defines the dispute resolution system within the World Trade Organization (Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes, 1994). Peter Van den Bossche notes the high importance of the activity of this system, emphasizing the wide range of issues on which it is competent (Van den Bossche, 2013: 256). However, today, as a result of the suspension of the work of the WTO Appellate Body, most lawyers tend to believe that the current system of settlement of international trade disputes is experiencing a crisis. Brewster believes that the failure to maintain the primacy of WTO law over the domestic legislation of the participating states will lead to a weakening of the importance of the WTO as an instrument for the settlement of international trade disputes (Brewster, 2009: 63). Giorgio Sacerdoti systematizes the ways proposed by lawyers to resume the system of settlement of international trade disputes and suggests possible ways to resolve the current crisis (Sacerdoti, 2019: 787).

Within the WTO, a dispute is a process in which one or more WTO member States claim that the actions or provisions of the legislation of a particu-

lar WTO member do not comply with the norms of the WTO Agreements. In the event of a dispute, the claimant and respondent countries should try to resolve the dispute themselves through consultation and mediation. If the parties have not reached a reconciliation, the Dispute Settlement Body appoints a WTO panel, which holds hearings on the dispute and makes a final report on the case. Until December 2019, the parties could appeal against the decisions of the WTO, but to date, the WTO Appellate Body has suspended its work. Excluding this stage, the WTO Dispute Settlement Body makes a decision on the dispute according to which the State's actions are lawful, or a decision according to which the state must fulfill its obligations within a reasonable period.

Results

Thus, the world grain trade in the conditions of modern trade dictated by the WTO is regulated through the application of the provisions of the International Grains Agreement of 1995 and the decisions of the International Grains Council. The accession of a State party of the Grains Trade Convention to the Food Assistance Convention has a significant impact on the voting process within the International Grains Council. Summarizing the above, it can be noted that the regulation of the world grain market is impossible without properly organized international cooperation by providing access to information, holding forums, discussing emerging problems, but the question of creating a global grain reserve remains open. According to economist Graham Redman there is a possibility of creating a global grain bank, which will help to stabilize the indicators of supply and demand for grain on the world market in the current conditions of international trade (Redman, 2010: 65-67).

The process of legal adaptation of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Grain" implied the introduction of 39 amendments, which, among other things, included the exclusion of provisions aimed at providing direct measures of state support to grain producers prohibited under the WTO. The Law "On Grain" consists of 9 chapters and 42 articles. Twelve paragraphs of article 5 were excluded from the Law. These provisions of the article regulated the competence of the Government, whose powers included the development of the state grain policy, the establishment of rules and standards for accounting operations related to the sale of grain, the approval of storage rules, quantitative and qualitative accounting, and grain quality expertise. The provi-

sions concerning the competence of the Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan were eliminated from article 6, which included the organization of equipment leasing, maintenance of grain cultivation technologies, development of breeding and seed production, verification of the activities of grain receiving enterprises. Chapter 4 of the Law, which establishes and regulates the formation, sale and management of state grain resources, was excluded, which was the result of the abolition of state grain reserves. It should be noted that the provisions defining the state regulation of the activities of grain exporters provided for in Chapter 4-1 of the Law have also been eliminated. At the same time, in order to prevent actions that mislead consumers about the safety and quality of grain, chapter 2-1 was adopted in the Law "On Grain", which defines the safety requirements for grain.

The legal analysis showed that grain trade in Kazakhstan is regulated through the application of legislation that establishes measures of state regulation of the "Amber box" and "Blue box" of the Agreement on Agriculture. Thus, the state system of grain trade regulation has been compiled taking into account the requirements of the World Trade Organization.

To date, twenty-eight complaints have been filed with the WTO Dispute Settlement Body related to the trade in grain and its processed products, excluding disputes related to biofuels. Most of the disputes are related to the increase in import duties, the application of anti-dumping measures, the provision of state support measures that are not allowed under the Agreement on Agriculture. The European Union has filed two complaints against Argentina and the United States regarding the quantitative restriction of wheat gluten imports, violating the provisions of the Agreement on Subsidies and Countervailing Measures ("SCM Agreement") and the Agreement on Safeguards. In 2008, the United States filed a complaint against Turkey regarding a rice import license that did not comply with the provisions of Article 2.1 and paragraph 1(a) of Annex 1 of the Agreement on Trade-Related Investment Measures (TRIMS). Thus, having considered complaints related to the trade in grain and its processed products, it should be noted that the vast majority of disputes are related to the implementation of protectionist policies by States.

Table 1 shows the disputes considered by the WTO dispute resolution body in the period from 2015 to 2020, the subject of which is grain and its processed products, according to the definition of "grain" adopted by the International Grains Agreement of 1995, excluding disputes on biofuels.

Table 1 – WTO complaints relating to grain and grain products from 2015 till 2020

Nº of the case	Year of consultations	Complainant	Respondent	Title of the case	Violations of the WTO agreements	Result or status of the case
DS457	2013	Guatemala	Peru	Peru – Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products	Article 4.2 and footnote 1 of the Agreement on Agriculture; Articles II:1(a), II:1(b), X:1, X:3(a), XI and XI:1 of the GATT 1994; and Articles 1, 2, 3, 5, 6 and 7 of the Customs Valuation Agreement	Reconciliation. Peru adopted the necessary measures.
DS511	2016	United States of America	China	China – Domestic Support for Agricultural Producers	Articles 3.2, 6.3 and 7.2(b) of the Agreement on Agriculture	China accepted the decision of the DSB. The United States demanded that the concessions must be suspended. China filed an appeal.
DS517	2016	United States of America	China	China – Tariff Rate Quotas for Certain Agricultural Products	Articles X:3(a), XI:1 and XI-II:3(b) of the GATT 1994	China accepted the decision of the DSB and must implement the recommendations by October 8, 2020.

It is evident that the brief legal analysis allows determining that the activities of the World Trade Organization in regulating trade in agricultural products are aimed at promoting the liberalization of global trade. Having analyzed the main provisions of the WTO law governing grain trade, the international organization does not establish a ban on subsidies, but determines the permissible measures for their provision. Thus, within the framework of the WTO, the State party is not allowed to apply subsidies focused on the policy of state export promotion and import substitution.

Conclusion

Summarizing the above, it can be argued that the considered international agreements regulating the wheat trade, faced with great difficulties, were not sufficiently effective in implementing the creation of a unified grain monitoring system. However, on the other hand, having analyzed the reasons for the failure of the concluded agreements, the accumulated experience encourages the world community to look for new tools for regulating the international grain trading system. It is believed that the International Grains Council during the session should consider the possibility of creating a single international grain reserve and reflect this issue in its decision, or indicate it as an addendum to the International Grains Agreement.

Thus, in order for the Republic of Kazakhstan to join the WTO, the state undertook to ensure

the distribution of tariff quotas in commercially profitable quantities for all participants of the organization, the volume of support for agricultural production was reduced in accordance with the WTO Agreement on Agriculture, all forms of export subsidies and import substitution were canceled. The Government of the Republic of Kazakhstan, taking into account its membership in the World Trade Organization, has regulated measures of state support for the agricultural sector in accordance with the Agreement on Agriculture, reorganizing the nature and direction of state subsidies. Thus, the state regulation of grain trade in Kazakhstan is carried out through the use of the following basic means established in the Law of the Republic of Kazakhstan «On Grain»: the formation of a price policy for grain, the supply of fertilizers to grain producers, crop insurance and a number of others that meet the requirements of the WTO.

At the same time, despite the crisis of the WTO appeals system, the current mechanism for resolving trade disputes allows the participating States, in the case of unacceptable measures applied by another State, or violations of the norms of the World Trade Organization, to demand compliance with the obligations assumed by the State party, or the cancellation of actions contrary to the principle of liberalism. In accordance with the decision of the Dispute Settlement Body, the State must fulfill its obligations and, accordingly, eliminate violations. The disputes on grain trade considered within

the WTO are aimed at eliminating or limiting protectionist measures that are unacceptable within the framework of the World Trade Organization.

International cooperation in the field of grain trade is determined by the factor of supply and demand. The specifics of the participation of grain exporting and importing countries in world trade are regulated through the application of the norms of the International Grains Agreement, the Agreement on Agriculture adopted within the framework of the WTO. The stability of global grain markets and the

state of food security are determined through the use of information and research by the International Grains Council. Emerging international disputes on issues related to the grain trade are resolved through the application of the WTO dispute settlement system. However, despite the existing international cooperation in the field of grain trade, the problem of world grain stocks remains open. This problem can be solved by creating a global grain reserve, which would be regulated by the International Grains Council.

Литература

Айдарбаев С.Ж. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве условиях глобализации мира: международно-правовые аспекты: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2010. – 416 с.

Баймағамбетова З.М. Международно-правовые вопросы унификации норм, регулирующих международную торговлю: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 237 с.

Государственная программа развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2017-2021 годы, 2017. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-agropromyshlennogo-kompleksa-rk-na-2017-2021-gody>

Ошакбаев Р. Экономика экспорта зерновых в Казахстане. Перспективы и анализ экспорта пшеницы. – Алматы, 2012. – С. 6-9.

Agreement on Agriculture from Apr. 15, 1994. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/14-ag_01_e.htm

Aidarbayev S.Zh., Baimagambetova Z.M., Umirzakova A. (2015). Standards of WTO in the Field of Subsidizing of Agriculture and their Influence on the Agrofood Sector of Kazakhstan. *European Reforms Bulletin*, 2015, 4, 3-5.

Annex 2 of the WTO Agreement. Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes from Apr. 15, 1994. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dsu_e.htm

Brewster R. (2019). WTO dispute settlement: can we go back again. *AJIL Unbound*, 113, 61-66.

Ceysens, J. (2006). The impact of Agriculture-Related WTO Agreements on the domestic legal framework of the Republic of Kazakhstan. *FAO Legal Papers Online*, 57, June.

Food Assistance Convention of 2012. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.foodaidconvention.org/Pdf/FoodAssistance/FoodAssistance.pdf>

General Agreement on Tariffs and Trade from Oct. 30, 1947. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47.pdf

Golay F. (2020). The International Wheat Agreement of 1949. *The Quarterly journal of economics*, 64 (3), 442-463.

Grains Trade Convention of 1995. [Электрон. ресурс]. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/818792/MS_31.2019_Grains_Trade_Convention.pdf

International Wheat Agreement (extencion) №94 of 1967. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C1967A00094>

International Wheat Agreement of 1971. [Электрон. ресурс]. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21971A0329\(02\):EN:HTML](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21971A0329(02):EN:HTML)

International Wheat Agreement. Expired July 31, 1935. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000003-0123.pdf>

Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization from Apr. 15, 1994. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm

Redman, G. (2010). A world grain bank: Is it appropriate? Is it even possible?. 37. 65-67. [Электрон. ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/292083220_A_world_grain_bank_Is_it_appropriate_Is_it_even_possible

Sacerdoti G. (2019). Solving the WTO dispute settlement system crisis. *Journal of world investment & trade*, 20, 785–791.

Thomas C. (1996). Litigation process under the GATT dispute settlement system. *Journal of world trade*, 30 (2), 53–81.

Van den Bossche P. (2013). *The law and policy of the WTO: text, cases and material* (3rd ed.) Cambridge: Peter Van den Bossche and Werner Zdouc.

References

Aidarbayev S.Zh. (2010). Integracionnyye processy na postsovetovskom prostranstve v uslovijah globalizacii mira: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Integration processes in the post-Soviet space in the context of the globalization of the world: international legal aspects], monografija, Almaty: Qazaq universiteti, 416 p.

Baimagambetova Z.M. (2015). *Mezhdunarodno-pravovye voprosy unifikacii norm, regulirujushhih mezhdunarodnuju torgovlju* [International legal issues of unification of norms regulating international trade], monografiya, Almaty: Qazaq universiteti, 237 p.

Gosudarstvennaja programma razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Respubliki Kazahstan na 2017-2021 gody [The State program of development of the agro-industrial complex of the Republic of Kazakhstan for 2017-2021], 2017. [Electronic resource]. Available at: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-agropromyshlennogo-kompleksa-rk-na-2017-2021-gody>

Oshakbayev R. (2012) *Jekonomika jeksporta zernovyh v Kazahstane. Perspektivy i analiz jeksporta pshenicy* [The economy of grain exports in Kazakhstan. Prospects and analysis of wheat exports], Almaty, p. 6-9.

Agreement on Agriculture from Apr. 15, 1994. [Electronic resource]. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/14-ag_01_e.htm

Aidarbayev S.Zh., Baimagambetova Z.M., Umirzakova A. (2015). Standards of WTO in the Field of Subsidizing of Agriculture and their Influence on the Agrofood Sector of Kazakhstan. *European Reforms Bulletin*, 2015, 4, 3-5.

Annex 2 of the WTO Agreement. Understanding on rules and procedures governing the settlement of disputes from Apr. 15, 1994. [Electronic resource]. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dsu_e.htm

Brewster R. (2019). WTO dispute settlement: can we go back again. *AJIL Unbound*, 113, 61-66.

Ceyssens, J. (2006). The impact of Agriculture-Related WTO Agreements on the domestic legal framework of the Republic of Kazakhstan. *FAO Legal Papers Online*, 57, June.

Food Assistance Convention of 2012. [Electronic resource]. Available at: <https://www.foodaidconvention.org/Pdf/FoodAssistance/FoodAssistance.pdf>

General Agreement on Tariffs and Trade from Oct. 30, 1947. [Electronic resource]. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47.pdf

Golay F. (2020). The International Wheat Agreement of 1949. *The Quarterly journal of economics*, 64 (3), 442-463.

Grains Trade Convention of 1995. [Electronic resource]. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/818792/MS_31.2019_Grains_Trade_Convention.pdf

International Wheat Agreement (extencion) №94 of 1967. [Electronic resource]. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C1967A00094>

International Wheat Agreement of 1971. [Electronic resource]. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21971A0329\(02\):EN:HTML](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21971A0329(02):EN:HTML)

International Wheat Agreement. Expired July 31, 1935. [Electronic resource]. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000003-0123.pdf>

Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization from Apr. 15, 1994. [Electronic resource]. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm

Redman, G. (2010). A world grain bank: Is it appropriate? Is it even possible?. 37. 65-67. [Electronic resource]. Available at https://www.researchgate.net/publication/292083220_A_world_grain_bank_Is_it_appropriate_Is_it_even_possible

Sacerdoti G. (2019). Solving the WTO dispute settlement system crisis. *Journal of world investment & trade*, 20, 785–791.

Thomas C. (1996). Litigation process under the GATT dispute settlement system. *Journal of world trade*, 30 (2), 53–81.

Van den Bossche P. (2013). *The law and policy of the WTO: text, cases and material* (3rd ed.) Cambridge: Peter Van den Bossche and Werner Zdouc.

О.А. Плоцкая

ГОУ ВО «Коми республиканской академии государственной
службы и управления», Россия, г. Сыктывкар
e-mail: olga.plockaya@mail.ru

КОНВЕРГЕНЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ПЕРМСКИХ И САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ

В настоящей работе исследованы специфические особенности конвергенционного процесса, происшедшего в обычном праве у самодийских и финно-угорских народов пермской подгруппы. Автор ставит целью исследование процесса конвергенции обычно-правовых институтов и норм, существовавших у рассматриваемых народов, между собой, с соседними народами, не исключая взаиморецепцию между нормами позитивного права Российского государства и обычно-правовыми нормами. В работе рассмотрены различные обычно-правовые институты, применявшиеся в прошлом у данных народов. Особое внимание уделено исследованию процесса сближения обычно-правовых институтов и норм, существовавших в обычно-правовых системах у пермских и самодийских народов. Автор акцентирует внимание на наличии разнообразных внешних контактов у рассматриваемых народов, влиянии со стороны соседствующих народов и возможной взаимной рецепции различных правовых институтов. Используя эмпирический материал, автор объясняет особенности формирования асимметрии между доминантной правовой культурой и периферийной. Автор приходит к выводу, что сближение правовых институтов, применявшихся в обычном праве пермских и самодийских народов, происходило постоянно как между собой, так и с обычно-правовыми элементами народов, проживавших в территориальной близости с ними. Кроме того, на приведенных примерах, раскрывающих процесс влияния обычно-правовых воззрений крестьянского населения на формирование позитивного права, автор выделяет особенности конвергенционного процесса, происшедшего между нормами позитивного права, доминировавшего в государстве, и обычно-правовыми нормами у пермских и самодийских народов.

Ключевые слова: обычное право, пермские народы, самодийские народы, позитивное право, обычай, конвергенция.

O.A. Plotskaya

State Educational Institution of the Komi Republican Academy of Public
Administration and Management, Russian, Syktyvkar
e-mail: olga.plockaya@mail.ru

The process of convergence in common law of the perm and the samoyed peoples

Significant peculiarities of the convergence process among the Samoyed and Finno-Ugric peoples of the Perm subgroup are investigated in the current paper. The author aims at the investigation of convergence process of the common legal institutions and regulations of the peoples under consideration among themselves, with neighboring peoples without excluding mutual reception between the positive law norms of the Russian State and common legal norms. Various common legal institutions used in the past among these peoples are considered in the given paper. Special attention is paid to a convergence process investigation of common legal institutions and norms among the Perm and the Samoyed peoples. The author emphasizes existence of varied external contacts among the peoples under consideration, influence on them by neighbouring peoples and possible mutual reception of various legal institutions. Making use of empiric material, the author explains specific features of asymmetry formation between dominant and peripheral legal culture. The author comes to a conclusion that approximation of legal institutions practiced in common law of the Perm and the Samoyed peoples constantly occurred both between them and with common legal elements of the peoples lived in the closest proximity with them. Apart from that, on the basis of the examples revealing process of influence of peasant populace legal views on positive law formation, the author distinguishes peculiarities of the convergence process between positive laws norms, dominated in the state and common legal norms among the Perm and the Samoyed peoples.

Key words: common law, the Perm peoples, the Samoyed peoples, positive law, custom, convergence.

О.А. Плоцкая

«Коми республикалық академиясы мемлекеттік қызметтері
мен басқармалары» ЖО МОБ, Ресей, Сыктывкар қ.
e-mail: olga.plockaya@mail.ru

**Пермь және самодий халықтарының
әдет-ғұрып құқығындағы конвергенция процесі**

Бұл жұмыста Пермь кіші тобының самодий және фин-угор халықтарының әдеттегі құқығында болған конвергенция процесінің ерекшеліктері зерттелді. Автор Ресей мемлекетінің оң заңдарының нормалары мен әдетте құқықтық нормалар арасындағы өзара байланысты қоспағанда, қарастырылып отырған халықтарда, бір-бірімен, көрші халықтармен болған құқықтық институттар мен нормалардың конвергенция процесін зерттеуді мақсат етеді. Жұмыста осы халықтарда бұрын қолданылған әртүрлі құқықтық институттар қарастырылған. Пермь және самодий халықтарында әдеттегі құқықтық жүйелерде болған құқықтық институттар мен нормалардың жақындасу процесін зерттеуге ерекше назар аударылады. Автор қарастырылып отырған халықтар арасында әр түрлі сыртқы байланыстардың болуына, көрші халықтардың әсеріне және әртүрлі құқықтық институттардың өзара қабылдануына назар аударады. Эмпирикалық материалды қолдана отырып, автор басым құқықтық мәдениет пен перифериялық арасындағы асимметрияның қалыптасу ерекшеліктерін түсіндіреді. Автор пермь және самодий халықтарының әдет-ғұрып заңында қолданылатын құқықтық институттардың жақындасуы үнемі бір-бірімен де, әдетте олармен аумақтық жақындықта өмір сүрген халықтардың құқықтық элементтерімен де болған деген қорытындыға келеді. Сонымен қатар, шаруа халқының әдеттегі құқықтық көзқарастарының оң Заңның қалыптасуына әсер ету процесін ашатын мысалдарда автор мемлекетте үстемдік еткен оң заңның нормалары мен пермь және самодий халықтарының құқықтық нормалары арасында болатын конвергенция процесінің ерекшеліктерін анықтайды.

Түйін сөздер: кәдімгі заң, пермь халықтары, самодий халықтары, позитивті заң, әдет-ғұрып, конвергенция.

Введение

В современных условиях функционирования правового российского государства актуальность исследования обычного права, как нормативного гаранта, складывавшегося и существовавшего на протяжении многих веков у различных народов, становится все более значимой. В последние годы появляется все больше исследований обычного права различных российских этносов, что, безусловно, доказывает, особую регулятивную функцию обычно-правовых установлений. Однако, исследование обычного права пермских, относящихся к финно-угорской группе и самодийских народов, сегодня находится в начале своего пути. В настоящее время, в условиях интенсивного освоения и развития северных приарктических и арктических территорий России, все более ярче выделяется теоретическая и, безусловно, научно-практическая значимость, а также важность изучения обычно-правового регулирования данных народов.

Значимым элементом мироустройства этих народов на протяжении многих веков было обычное право «как системное явление» (Шайхутдинов 2015: 1754-1761), познание которого сегодня будет способствовать возрождению на-

циональной обычно-правовой культуры, сохранению и развитию этнических языков и истории, обычаев, традиционного образа жизни коренных народов (Mehrem 1997; Glendon 1982; David 1958; Foster 1993; Kelsen 2007; Eddey 1987; Аблажей 2018: 526-533; Ерохина 2015: 1065-1076; Задорин 2012: 180-183; Кондрашев 2018: 1572-1592; Коробеев 2012: 96-103; Крюков 2014: 1436-1448; Кулачков 2017: 615-622; Кулемзин 2016: 70-72; Лузан 2011: 678-687; Молчанов 2015: 19-27; Музычук 2017: 444-450; Ойвинд 2013: 1575-1591; Пальчин 2014: 1521-1540; Плоцкая 2015: 174-182; Пыжев 2013: 1544-1552; Резникова 2018: 602-614; Смирнов 2012: 39-43; Сурков 2012: 100-102; Шиманская 2018: 641-653).

Методы и материалы

Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены не только длительностью формирования обычно-правовых элементов, но и протяженностью конвергенционного процесса, поэтому глубокий анализ обычно-правовых норм и институтов возможен при условии изучения архивных материалов, фактологических данных из историко-правовой, этнографической, социокультурной и лингвистической лите-

ратуры, которые, как правило, в основном датируются XVII – XIX веками.

Среди советских и современных ученых, внесших определенный вклад в исследование национально-правовой практики в историческом прошлом рассматриваемых народов, необходимо назвать следующих: С.В. Бахрушин, В.Н. Белицер, Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов, Д.В. Вишнякова, А.В. Головнев, М.В. Гришкина, Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Л.Н. Жеребцов, В.А. Зибарев, В.А. Слугина (Бахрушин 1927: 199; Белицер 1958; Вершинин 2004; Вишнякова 2014; Головнев 2004; Гришкина 1985а; Гришкина 2015b; Дамешек 2014; Жеребцов 1985; Слугина 2019) и др. Несмотря на серьезный вклад ученых, направленный на исследование некоторых этнографо-исторических компонентов, в данных работах обычно-правовые императивы, а тем более процессы конвергенции в обычном праве пермских и самодийских народов, практически не представлены. Поэтому целью настоящей работы будет являться исследование процесса сближения обычно-правовых институтов и норм, существовавших в обычно-правовых системах у финно-угорских народов пермской подгруппы (коми, удмурты) и самодийских народов (ненцы), как между собой, так и с обычно-правовыми элементами народов, проживавших по соседству с ними, не исключая конвергенционный процесс между нормами позитивного права Российского государства и обычно-правовыми нормами у изучаемых народов.

Определенные сложности возникают при исследовании обычного права «бесписьменных» культур, так как у народов, у которых существовала письменность, обычное право могло отражаться в текстах памятников права (Павлова 2009: 538-548).

Обсуждения и результаты

Народы, не имевшие письменности или утратившие ее, обычно-правовой опыт закрепляли и транслировали, как правило, в виде символов, знаков, устных источников, не исключая мифологическую прозу. Поэтому, для рассмотрения обозначенной проблемы необходимо привлекать иные источники эмпирической информации, такие как архивные документы, материалы, научные разработки, публикации в печати и т.д.

Территория расселения пермских и самодийских народов настолько велика даже сегодня, что включает в себя почти весь Северо-Запад и Северо-Восток Европы, Северо-Запад Сибири,

часть Поволжья, Приуралья и другие местности. Это свидетельствует о наличии разнообразных внешних контактов, влиянии со стороны соседствующих народов и возможной взаимной рецепции различных правовых институтов. К примеру, вхождение в состав Российского государства удмуртов имело исторические особенности, отразившиеся на обычном праве. «Примерно с X-XIII веков удмурты – и северные, и южные – входили в состав политических образований: Волжской Булгарии, Золотой Орды, Вятской земли, Казанского ханства» (Гришкина 2015b). Даже в к. XIV в. обычное право удмуртов, управляемых Арскими (Каринскими) князьями из татарских родов, не могло не подвергаться влиянию со стороны шариата. К примеру, у удмуртов судебный процесс не мог избежать подобного влияния, так как даже в более поздних документах XVI века великий князь передал право осуществления правосудия над удмуртами именно Арским князьям: «И яз царь и великий князь... что изстари к тому поместью, велел ведати и судити, и братень жеребей, Беляков, Вотяков и Чувашу, и пошлину на них имати...» (Луппов 1958: 90); или «...а ведают и судят тех своих людей и крестьян Матфейко Деветляров да Шомайко Казыев сами во всем или кому прикажут...» (Луппов 1958: 94).

Обычно-правовые институты южных удмуртов, находившихся в зависимости от Казанского ханства до второй половины XVI века, ощущали влияние мусульманского права, что приводило к формированию асимметрии между доминантной культурой и периферийной. Только в 1552 году, после завоевания Казанского ханства Великим княжеством Московским, северные и южные удмурты оказались в единых административных границах Российского государства. Однако, отголоски влияния мусульманского на обычное право южно-удмуртских крестьян еще долго сохранялись. Например, применявшийся в брачно-семейных отношениях институт многоженства (Миллер 1791: 77-78), санкционированный в шариате, достаточно продолжительный период времени существовал и у южных удмуртов, несмотря на то, что проводимая государственная политика по распространению христианства на удмуртов запрещала многоженство. Этот институт применялся и у ненцев: «...самоядские жонки ясырки, которые взяты на бою пуровской воровской самоеди Евасидина роду князца Шарумы,... Да те ж жонки князцовы в роспросе сказали» (Вершинин 2004: 34). Правда, как

отмечает А.В. Головнев, многоженство у ненцев было не общераспространенным правилом, а привилегией богатых мужчин (Головнев 2012: 44).

Конвергенции правовых институтов от соседей славян способствовало также и раннее вхождение в состав Российского государства финно-угорских народов пермской подгруппы. О влиянии славянского права на обычно-правовые нормы коми народа косвенно свидетельствует «Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Михаилом Александровичем» (Савельева 2007: 73), где перечисляются волости, фактически находившиеся под управлением Новгорода. К таким волостям, помимо прочих, относились территории, заселенные рассматриваемыми народами: Пермь, Печора, Югра. Правосудие здесь должны были осуществлять посадник и князь, как представители центральной власти. Данная ситуация не менялась и после вхождения этих земель в состав Российского государства со столицей в Москве, о чем свидетельствует Жалованная кормленная грамота, в соответствии с которой великий князь всея Руси Василий Васильевич отдал в кормление наместникам Лузскую волость, наделив их правом осуществления судебных функций (Савельева 2007: 77). В сложившихся условиях обычно-правовые нормы, регулировавшие этноправосудие у коми народа, не могли не трансформироваться под влиянием норм позитивного права.

Такой правовой институт как калымный брак, издавна известный мусульманскому праву, был распространен и у рассматриваемых народов, на протяжении долгого времени вплоть до первой четверти XX века: «Когда сват с товарищем наугостятся... начинается сговор о калыме за невесту и приданом с невесты; отец в то же время обещает что-нибудь из скота» (Верещагин 1996: 124). Причем, обычное право рассматриваемых народов регламентировало не только условия уплаты калыма (Сведения о Дебесском приходе 4-го благочиния Сарапульского уезда), но и его сумму, которая определялась не невестой, а ее родителями или представителями: «При женитьбе вотяка главную роль играет калым, или выговоренная от жениха плата за невесту» (Осокин 1857: 63). Он мог быть выплачен не сразу, а через определенное время: «Если же вотьяк несостоятелен, то назначается срок уплаты» (Блинов 1958: 80).

У такой свадьбы были особенности: «В Устьсысольском уезде... невесты приобретаются дарами... Жених платит собственно не за невесту,

а за издержки на свадебные пиры и за приданое» (Попов 2010: 91). К.А. Попов считал, что выплата определенных средств является платой «со стороны жениха в пользу семейства невесты за то имущество, которое она должна принести с собой в приданое, а не плата... в пользу рода, который воспитал невесту и который в лице ее лишался полезного члена (работницы)» (Попов 2010: 91). Однако, Ф.В. Плесовский, в отличие от К.А. Попова считал, что «калым – плата за девушку» (Плесовский 1968: 192). Однако К.А. Попов уточнял: «Жених платит собственно не за невесту, а за издержки на свадебные пиры и за приданое» (Попов 2010: 91). Калым представлял собой не только плату за невесту, но и компенсацию за приданое и свадебные расходы, которые несет ее семья (Александров 1998: 192), утверждал Ю.В. Александров. Полагаем, что Ю.В. Александров отразил истинное положение данного обычно-правового института.

Договор, заключающийся в устной форме, предусматривавший размер, вид калыма и время его внесения, имел юридическую силу («...уплатой калыма у некрещеных собственно завершается брачный союз» (Островский 1873: 28). Нарушение будущим супругом условий данного договора, к примеру, невыплата калыма, предвещала невесте остаться «у отца или родных, и живет там до тех пор, пока калым выplatится сполна; но это бывает очень редко» (Фукс 1844: 31).

Нужно отметить, что калым был очень распространен в северных районах Европейской части России, где проживали не только коми, но и ненцы, на Печоре. Постоянные контакты коми и ненцев приводили к взаиморецепции обычно-правовых институтов. Поэтому, не удивительно, что калымный брак был распространен у северных автохтонных народов, ведущих традиционный образ жизни.

В обычно-правовой практике у ненцев существовала даже продажа самоедских женщины: «Да тот же де Харва с товарищи приезжал на Обдор к служилым людям ис чюмов на другой день без нево, а он де в те поры был в своих юртах, а на Обдор не приезжал. И купили де те служилые люди у той воровской самоеди самоедскую девку на муку» (Вершинин 2004: 32). Самоеды (ненцы) продавали не только жен, но и детей: «...платят де они ясак покупая, продав котлишко и топоры, и в долг емлочи у русских людей и у прожиточных остяков дорогою ценою, и от того де обнищали и одолжили великими долги, и жены свои и дети на ясак продают...» (Верши-

нин 2004: 16); «...наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу» (Вершинин 2004: 26).

Нельзя не сказать о конвергенционном процессе между нормами позитивного права Российского государства и обычного права рассматриваемых народов. Ярким примером является институт наследования. Так, в российском законодательстве, начиная со второй половины XVII века и позже, был регламентирован статус таких земель, которые переходили по наследству, получивших название «родовые» (http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php; http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php; http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php). Кроме того, в начале XVIII века в позитивном праве достаточно детально были урегулированы особенности определения очередей призвания наследников к наследству, порядок наследования недвижимого имущества и т.д.

Заключение

Безусловно, практика, сложившаяся в наследственных обычно-правовых отношениях у рассматриваемых этносов, имея свои особенности, постепенно в процессе сближения приобрела схожие элементы. Так, пермские народы постепенно стали использовать в наследственных обычно-правовых отношениях не только такой способ наследования, как передача всей наследственной массы по «обычному закону», но и применявшийся в позитивном праве Российской империи такой способ наследования, как наследование по завещанию, путем оформления крепостных завещаний: «...я нижеподписавшийся... дал сие крепостное завещание родным своим детям рожденным от втораго брака сыновьям... и дочерям... жене второбрачной... я Латкин за собою благоприобретенное недвижимое имение, заключающееся в деревянном двухэтажном доме... по смерти моей означенным моим детям и жене своей... в полное их распоряжение» (Книга на записку духовных завещаний, представляемых разными лицами для засвидетельствования на 1856 год). Причем, в завещании наследодатель мог передать собственное имущество не только кровным родственникам. По мнению Ю.В. Александрова, «...крестьяне, не имевшие в семье наследников мужского пола... оставляли свое добро проживавшим с ними, минуя более близких себе по родству людей» (Александров 1998: 218). В подобном случае воля завещате-

ля согласовывалась с мнением представителей общины: «...окончательная санкция такого завещания всегда остается за обществом, которое может или признать волю завещателя, или окончательно – отвергнуть ее и поступить по силе своих обычаев» (Тихонов 1891: 188).

У коми народа даже женщина наделялась правом оформления «духовного завещания» (Дело Устьысольского Уездного суда «О явке крепостного духовного завещания крестьянской женки Вильгортской волости деревни Кочпонской Пелагеи Алексеевой Кубасовой» от 1 мая 1873 года). Не запрещалась также передача наследодателем своего имущества церковному учреждению: «...будучи вдов и бездетен... в целом своем уме и памяти... делаю сие духовное завещание... все собственное мое владение приобретенное своими трудами и промыслом движимое и недвижимое имение... предоставляю в казну Устьысольского троицкого Собора в вечное поминовение меня и родителей моих...» (Духовно завещаемое письмо 1835 г.).

Подобную тенденцию раскрыл С.М. Камышников: «основанное... вначале лишь на нормах обычного права, правосознание по этому вопросу затем в первой половине XIX в. основывалось уже как на нормах обычного – обоснование владения на праве наследства без предъявления письменных документов, – так и на нормах государственного права – обоснование права владения с предъявлением узаконенных ранее нормативных актов купли-продажи, заклада и обмена» (Камышников 1983: 81).

Еще одним примером конвергенционного процесса, сближающего обычно-правовые системы рассматриваемых этносов, являлись юридические знаки собственности или родовые знаки («пас», «тамга», «пус», «клеймо» и т.д.), которые были распространенным правовым явлением, характерным для рассматриваемых народов.

Родовые знаки собственности имели, прежде всего, обычно-правовое значение, представляя собой самобытный способ закрепления прав собственника в этнически однородном традиционном обществе. «Чтобы отличить чужих оленей от своих, животных клеймили. На боку оленя выстригали знаки собственности – тамги. Другой способ метки – фигурные вырезки на ушах. Тамги передавались по наследству от отца к младшему сыну. Другие сыновья, отделяясь от отцовского хозяйства, придумывали себе новые тамги. Олени замужней женщины, данные ей в

приданное, паслись в стаде мужа, но имели метки ее отца» (<http://www.centrurizm89.ru/about/information/etnos/nency>). У пасов были и другие функции: защита рода как оберег, элемент национального орнамента, а также магическая.

Необходимо отметить также и процесс влияния обычно-правовых воззрений крестьянского населения на формирование позитивного права, о чем сообщает нам практика разработки и создания так называемых «наказов» государственных крестьян, которым было предоставлено право подачи собственных наказов.

В наказах крестьяне излагали проблемы, с которыми они сталкиваются ежедневно, и не редко формировали предложения по улучшению сложившейся ситуации, которые адресовывались российскому законодателю...» (Наказ Крестьян Ужгинской волости: 45). Такими проблемами являлись: неплатежеспособность крестьян, нищета, нехватка пахотных земель и т.д. (Наказ крестьян Жешартской волости: 42–43; Наказ Яренского уезда от крестьян Ошлапецкой волости: 44). По мнению А.В. Камкина, «в каждом пятом наказе государственных крестьян Европейского Севера содержатся аргументированные предложения по изменению норм государственного законодательства» (Камкин 1982: 180).

Учитывая ряд крестьянских требований, законодатель вводил в действие законы, улучшавшие положение крестьян. К примеру, в 1789 году государственным крестьянам разрешено было приобретать земли у помещиков (http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php); в 1797 году законодатель принимает меры по борьбе с крестьянским «малоимением» (http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php); нормативно закрепляется разверстка земли (О учинении Казенным Палатам уравнильной разверстки земель между казенными поселянами вообще по Губернии и о представлении Сенату ведомостей о сей разверстке с положениями Палатскими, не отдавая земель во владение крестьянам от 19 августа 1798 г.) и так далее.

Подводя итог, необходимо отметить, что обычно-правовые системы, существовавшие у пермских и самодийских народов на протяжении многих веков, подвергались процессу конвергенции, что способствовало сближению их обычно-правовых институтов и норм как между собой, так и с обычно-правовыми элементами народов, проживавших в территориальной близости с ними. Кроме того, взаиморецепция существовала между нормами позитивного права Российского государства и обычно-правовыми нормами у рассматриваемых народов.

Литература

- Mehrem A., Gordley J. The Civil Law System. N. Y., 1997.
 Glendon M., Gordon M., Osakwe CH. Comparative Legal Traditions in a Nutshell / St. Paul. Minn., 1982.
 David R., Vries H. An Introduction to Civil law Systems: The French Legal System. N. Y. 1958.
 Foster N. German Law and Legal System. May field, 1993.
 Kelsen H. General Theory of Law and State. L. 2007.
 Eddey K. The English Legal System. L., 1987.
 Аблажей А.М., Кэмпбелл К. Феномен локальной идентичности в условиях интенсивного промышленного освоения территории (на примере населения Кежемского и Эвенкийского муниципальных районов Красноярского края) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 4 (2018 11). 526-533.
 Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1998. – 26 с.
 Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. – 199 с.
 Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. – М., 1958. – 393 с.
 Блинов Н. Вотяки Вятской губернии (Окончание) // Вятские губернские ведомости. – 1856. № 13. – С. 80.
 Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. Т. II. 1996. – 197 с.
 Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург: Издательство. Тезис, 2004. – 200 с.
 Вишнякова Д. В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность: сб. статей. – Сыктывкар. 2014. – С. 17–24.
 Дело Устьсысольского Уездного суда «О явке крепостного духовного зевещания крестьянской женки Вильгортской волости деревни Кочпонской Пелагеи Алексеевой Кубасовой» от 1 мая 1873 года // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1516. Л. 2.
 Духовно завещаемое письмо 1835 г. // НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 331. Л. 10–10 об.

- Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
- Головнев А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // *Этнографическое обозрение*. – 2012. № 2. – С. 3–12.
- Грамота из Москвы в Березов воеводе кн. П.А. Черкасскому о попытке восстания остяков Березовского уезда от 28 октября 1607г. // Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. – С. 16.
- Грамота того же Московского Великого князя Арским князьям в Вятке Шайсламу с братьями от 1548 г. 20 июля о пожаловании их жребьем умершего их брата Мусы – поместьем в Карине и земельными угодьями на реке Чепце, а также правом ведать и судить «беляков, удмуртов и чуваш и пошлину на них имать» // *Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков* / сост. П. Н. Луппов. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. – С. 90.
- Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX вв. // *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: сб. статей* / отв. ред. В. Е. Майер. – Устинов, 1985. – С. 3–17.
- Гришкина М. В. Вхождение Удмуртии в состав России. Как это было? Дата обращения 18 января, 2015. <http://archive.udmpravda.ru/default/article?article=1212471137>
- Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.
- Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Михаилом Александровичем // Савельева Э. А., Королев К. С. Письменные известия о народе коми. – Сыктывкар: Издательство «Эском», 2007. – С. 73.
- Ерохина Е.А. Этническое многообразие в социокультурной динамике: опыт России // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 6 (2015 8). 1065-1076.
- Жалованная грамота того же Московского Великого князя татарским князьям Матфею Девятляйрову и Шамаю Казыеву от 20 января 1556 года на деревни Шептиковскую и Желтиковскую и на прилегающие к ней угодья, с освобождением жителей этих деревень от суда и Хлыновских наместников и слободских волостелей, от поборов праветчиков и доводчиков // *Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков* / сост. П. Н. Луппов. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. – С. 94.
- Жалованная кормленая грамота В. Кн. Вас. Васильевича Ив. Григ. Раслу Протасьеву с сыном Кононом на Вол. Лузу (по р. Лузе, прав. прит. р. юга), данная за выезд в Москов. Княжество // Савельева Э. А., Королев К. С. Письменные известия о народе коми. – Сыктывкар: Издательство «Эском», 2007. – С. 77.
- Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. – 136 с.
- Задорин М.Ю. «Традиционные знания» коренных народов в области рыболовства и «устойчивое развитие»: международно-правовая практика // *Вестник Пермского университета*. – Выпуск 1 (15) 2012. – С. 180-183.
- Камкин А.В. Крестьянское правотворчество и государственное законодательство (по материалам второй половины XVIII в.) / А. В. Камкин // *Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей*. – Пермь, 1982. – С. 175–187.
- Камышников С. М. Вопросы землевладения и землепользования в правосознании государственных крестьян Коми края в конце XVIII – первой половине XIX века // *Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Труды ИЯЛИ КФАН СССР*. – Сыктывкар. 1983. Вып. 29. – С. 72–88.
- Книга на записку духовных завещаний, представляемых разными лицами для засвидетельствования на 1856 год // *НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 810. Л. 3 об-4*.
- Кондрашев А.А., Роньжина О.В., Зенкина А.Б. Территория традиционного природопользования как отдельная территориальная единица в системе территориального деления Севера, Сибири и Дальнего Востока России // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 10 (2018 11). 1572-1592.
- Коробеев А.И. Смертная казнь как вид уголовного наказания в России: быть или не быть? // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. – 2012. № 4. – С. 96-103.
- Крюков В.А. Токарев А.Н. Проблемы формирования отношений коренных народов и ресурсных корпораций: от отстаивания прав к соучастию в реализации проектов // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 9 (2014 7). 1436-1448.
- Кулачков В.В., Муzychук Т.Л. Криминологические аспекты правового сознания крестьянства Западного региона России на рубеже XIX–XX веков // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2017 Т. 11, № 3. – С. 615–622.
- Кулемзин В.М. К вопросу о традиционном мировоззрении охотничьих народов Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. – 2016. № 412. – С. 70–72.
- Лузан В.С. Особенности правового регулирования социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 5 (2011 4). – 678-687.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: монография. – СПб.: Императорская Академия наук, 1791. – 126 с.
- Молчанов Б.А., Мамедов С.Н., Задорин М.Ю. Об отдельных вопросах охраны «этнических» и «культурных» прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // *Вестник Пермского университета*. – 2015. Выпуск 4(30). – С. 19-27.
- Муzychук Т.Л., Кулачков В.В. Самосуд в России: историко-правовой опыт (по материалам западного региона) // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2017. Т. 11, № 2. – С. 444–450.

Наказ крестьян Жешартской волости // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. – С. 44.

Наказ Крестьян Ужгинской волости // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. – С. 45.

Наказ Яренского уезда от крестьян Вожажской волости экономического ведомства // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. – С. 44.

Наказ Яренского уезда от крестьян Ошлапецкой волости // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. – С. 42–43.

Ненцы. Общие сведения о народе. Дата обращения 16 января, 2019. <http://www.centrturizm89.ru/about/information/etnos/pency>

Ойвинд Равна Юридическая защита прав и культуры малочисленного народа саамов в Норвегии // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 11 (2013 6). 1575-1591.

О наблюдении Начальникам Губерний, Казенным и Гражданским Палатам, дабы казенные селения покупали земли у помещиков на основании Именных указов 1766 и 1788 годов от 26 октября 1789 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 23 (1789–1796), № 16.813. Дата обращения 04 января, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

О наполнении казенным крестьянам неимеющим указной пропорции земли, по 15 десятин на душу, и о предоставлении им во владение мельниц, построенных их иждивением от 27 ноября 1797 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 24 (6 ноября 1796 – 1797), № 18.256. Дата обращения 04 января, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

О правилах выкупа проданных и заложенных в чужие роды имений, в отмену указа 1737 года Августа 1 от 11 мая 1744 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 12 (1744 – 1748), № 8936. Дата обращения 04 января, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

О правилах выкупа проданных и по закладным просроченных имений от 13 ноября 1766 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 17 (1765 – 1766), № 12.782. Дата обращения 04 января, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

О разделе вотчин между родственниками от 14 марта 1676 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 2 (1676 – 1688), № 634. Дата обращения 04 января, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 27.06.2015).

Осокин С. Народный быт в Северо-восточной России. Глава II: Вотяки и Черемисы. (Продолжение) // Вятские губернские ведомости. – 1857. № 11. – С. 60–64.

Островский Д. Н. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. – 1873. Т. IV. № 1. – С. 1–48.

Отписка мангазейского воеводы кн. П.М. Ухтомского в Москву о нападениях самоедов на русских людей. июль – не позднее августа 31, 1645г. // Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. – С. 34.

Отписка тобольских воевод о грабеже самоедами хлебных запасов в Обдорске. не ранее 4 июня – не позднее октября 25, 1644г. // Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. – С. 32.

О учинении Казенным Палатам уравнительной разверстки земель между казенными поселянами вообще по Губернии и о представлении Сенату ведомостей о сей разверстке с положениями Палатскими, не отдавая земель во владение крестьянам от 19 августа 1798 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 25 (1798 – 1799), № 18.633. Дата обращения 04 января, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

Павлова И.П. История права и юридической практики в допетровской России в публикациях западноевропейских и американских историков (обзорная статья) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 4 (2009 2) 538-548.

Пальчин С.Я. Проблемы реализации экономических прав коренных малочисленных народов Красноярского края // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 9 (2014 7). 1521-1540.

Плоцкая О.А. Обычно-правовое этноправосудие у коми (зырян) и удмуртов в правовых и исторических источниках как элемент традиционного правового быта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. Т. 9. № 1. – С. 174–182.

Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Обряды и причитания. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. – 320 с.

Попов К. Два способа заключения брачных союзов у зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / общ. ред. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. С. 90–92.

Пыжев А.И., Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Возможно ли сосуществование коренных малочисленных народов и компаний-недропользователей в Арктике? // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 10 (2013 6). 1544-1552.

Резникова К.В. «Олень» как основополагающий концепт энецкого языка // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 4 (2018 11) 602-614.

Сведения о Дебесском приходе 4-го благочиния Сарапульского уезда // Вятские губернские ведомости. – 1883. № 61. – С. 3.

Слугина В.А. Процедуры шертования народов Сибири в XVII–XVIII вв. Дата обращения 10 января, 2019. <https://docviewer.yandex.ru/view>

Смирнов А.М. Самосуд в России как социально-правовой феномен: криминологический анализ и меры профилактики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. № 1. – С. 39-43.

Сурков Д.А. Амулеты и обереги в контексте магических представлений аборигенных народов Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. – 2012. № 362. – С. 100-102.

Тихонов В. П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Ч. I. Вып. 3. – М., 1891. – С. 75–136.

Фукс А. А. Поездка к вотякам Казанской губернии. Письма А. А. Фукс к супругу ее К. Ф. Фукусу. – Казань: Губ. тип., 1844. – 43 с.

Челобитные остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака не позднее 2 августа 1643г. // Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. – С. 26.

Шайхутдинов Е.М. Системность права: некоторые проблемы теории и практики // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 8 (2015 8). – С. 1754-1761.

Шиманская К.И., Копцева Н.П. Историографический обзор исследований коренных народов за 2014-2018 гг. // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки 4 (2018 11) 641-653.

References

Mehrem A., Gordley J. (1997) *The Civil Law System*. N.Y.

Glendon M., Gordon M., Osakwe SH. (1982) *Comparative Legal Traditions in a Nutshell* / St. Paul. Minn.,

David R., Vries H. (1958) *An Introduction to Civil law Systems: The French Legal System*. N. Y.

Foster N. (1993) *German Law and Legal System*. May field.

Kelsen H. (2007) *General Theory of Law and State*. L.

Eddey K. (1987) *The English Legal System*. L.

Ablazhej A.M., Kjempebell K. Fenomen lokal'noj identichnosti v uslovijah intensivnogo promyshlennogo osvoeniya territorii (na primere naselenija Kezhemskogo i Jevenkijского municipal'nogo rajonov Krasnojarskogo kraja) [The phenomenon of local identity in conditions of intensive industrial development of the territory (on the example of the population of the Kezhemsky and Evenki municipal districts of the Krasnoyarsk Territory)] // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 4 (2018 11). 526-533.

Aleksandrov Ju. V. (1998) *Obychnoe pravo udmurtov (XIX – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [Customary law of the Udmurts (XIX – early XX centuries): abstract. dis. ... candidate of Historical Sciences]. Izhevsk, 1998. 26 s.

Bahrushin S.V. (1927) *Ocherki po istorii kolonizacii Sibiri v XVI i XVII vv.* [Essays on the history of colonization of Siberia in the XVI and XVII centuries] M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1927. 199 p.

Belicer V. N. (1958) *Ocherki po jetnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v.* [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX century].– M. – 393 p.

Blinov N. *Votjaki Vjatskoj gubernii (Okonchanie)* [Votyaki Vyatka province (Ending)] // Vjatskie gubernskie vedomosti. 1856. № 13. S. 80.

Vereshhagin G. E. (1996) *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2: Votjaki Sarapul'skogo uezda Vjatskoj gubernii.* [Collected works: in 6 vols. Vol. 2: Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province.] Izhevsk: UIIAL UrO RAS. Vol. II. 1996. 197 p.

Vershinin E.V., Vizgalov G.P. (2004) *Obdorskij kraj i Mangazeja v XVII veke. Sbornik dokumentov.* [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents.] Yekaterinburg: Publishing House. Thesis. 200 p.

Vishnjakova D. V. *Brachno-semejnye otnosheniya komi krest'janstva i ih obychno-pravovoe regulirovanie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* // *Social'no-kul'turnye processy na territorii Komi kraja: istorija i sovremennost': sb. statej.* [Marriage and family relations of the Komi peasantry and their customary legal regulation in the second half of the XIX – early XX centuries. // Socio-cultural processes on the territory of the Komi Territory: history and modernity: collection of articles] Syktyvkar. 2014. p. 17–24.

Delo Ust'sysol'skago Uezdnoago suda «O javke krepостnago duhovnago zeveshhanija krest'janskoj zhenki Vil'gortskoj volosti derevni Kochponskoj Pelagei Alekseevoj Kubasovoj» ot 1 maja 1873 goda [The case of the Ustsysolsky District Court “On the appearance of the serf spiritual testament of the peasant wife of the Vilgortsky parish of the village of Kochponskaya Pelageya Alekseeva Kubasova” dated May 1, 1873] // ON RK. F. 99. Op. 1. D. 1516. L. 2. Spiritually bequeathed letter of 1835 // ON RK. F. 99. Op. 1. d. 331. L. 10-10 vol.]

Golovnev A. V. (2004) *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor.* Ekaterinburg: UrO RAN, [Nomads of the tundra: Nenets and their folklore. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. – 344 p.

Golovnjov A. V. *Jetnichnost': ustojchivost' i izmenchivost' (opyt Severa)* [Ethnicity: stability and variability (experience of the North)] // *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2012. № 2. S. 3–12.

Gramota iz Moskvy v Berezov voevode kn. P.A. Cherkasskomu o popytke vosstaniya ostjakov Berezovskogo uezda ot 28 oktjabrja 1607g. [Letter from Moscow to the Berezov voivode of Prince P.A. Cherkassky about the attempted uprising of the Ostyaks of the Berezovsky district of October 28, 1607g. // Vershinin E.V., Vizgalov G.P. Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents. Yekaterinburg: “Tezis Publishing House” // Vershinin E.V., Vizgalov G.P. Obdorskij kraj i Mangazeja v XVII veke. Sbornik dokumentov. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo «Tezis», 2004. S. 16.

Gramota togo zhe Moskovskogo Velikogo knjazja Arskim knjaz'jam v Vjatke Shajslamu s brat'jami ot 1548 g. 20 ijulja o pozhalovanii ih zhreb'em umershego ih brata Musy – pomest'em v Karine i zemel'nymi ugod'jami na reke Chepce, a takzhe pravom vedat' i sudit' «beljakov, udmurtov i chuvash i poshlinu na nih imat'» [The letter of the same Moscow Grand Duke to the Arsk princes in Vyatka Shaislam and his brothers dated July 20, 1548, on granting them by lot their deceased brother Musa – an estate in Karina and land on the Chepce River, as well as the right to know and judge “Belyaks, Udmurts and Chuvash and to pay a duty on

them” // Documents on the history of Udmurtia XV-XVII centuries / comp. P. N. Luppov. Izhevsk: Udmurt Book Publishing House] // Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov / sost. P. N. Luppov. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. S. 90.

Grishkina M. V. Udmurtskaja sem'ja v XVIII – pervoj polovine XIX vv. // Semejnyj i obshhestvennyj byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. Statej [Udmurt family in the XVIII – first half of the XIX centuries. // Family and social life of Udmurts in the XVIII-XX centuries.: collection of articles / ed. by V. E. Mayer.] / otv. red. V. E. Majer. Ustinov, 1985. P. 3–17.

Grishkina M. V. Vozhdenie Udmurtii v sostav Rossii. Kak jeto bylo? Data obrashhenija 18 janvarja, 2015. [The entry of Udmurtia into Russia. How was it? Accessed January 18, 2015.] <http://archive.udmpravda.ru/default/article?article=1212471137>

Dameshek L.M., Dameshek I.L. Jasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka: monografija. [Yasak in Siberia in the XVIII – early XX century: monograph.] Irkutsk: Publishing House of the ISU. 2014. 303 p.

Dogovornaja gramota Novgoroda s tverskim velikim knjazem Mihailom Aleksandrovičem [The treaty of Novgorod with the Tver Grand Duke Mikhail Alexandrovich // Savelyeva E. A., Korolev K. S. Written news about the Komi people. Syktyvkar: Publishing House “Eskom”, 2007. p. 73.] // Savel'eva Je. A., Korolev K. S. Pis'mennye izvestija o narode komi. Syktyvkar: Izdatel'stvo «Jeskom», 2007. S. 73.

Erohina E.A. Jetnicheskoe mnogoobrazie v sociokul'turnoj dinamike: opyt Rossii [Ethnic diversity in socio-cultural dynamics: the experience of Russia] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 6 (2015 8). 1065-1076.

Zhalovannaja gramota togo zhe Moskovskogo Velikogo knjazja tatarskim knjaz'jam Matfeju Devyatlijarovu i Shamaju Kazyevu ot 20 janvarja 1556 goda na derevni Sheptikovskuju i Zheltikovskuju i na prilegajushhie k nej ugod'ja, s osvobozhdeniem zhitel'ev jetih dereven' ot suda i Hlynovskih namestnikov i slobodskih volostel'ev, ot poborov pravetchikov i dovodchikov [The charter of the same Moscow Grand Duke to the Tatar princes Matfei Devyatlijarov and Shama Kaziev dated January 20, 1556 for the villages of Sheptikovskaya and Zheltikovskaya and the lands adjacent to it, with the liberation of the inhabitants of these villages from the court and Khlynovsky governors and Sloboda volostels, from the extortion of pravetchikov and closers] // Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov/ sost. P. N. Luppov. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. S. 94.

Zhalovannaja kormlenaja gramota V. Kn. Vas. Vasil'evicha Iv. Grig. Raslu Protas'evu s synom Kononom na Vol. Luzu (po r. Luze, prav. prit. r. juga), dannaja za vyezd v Moskov. Knjazhestvo [The paid fed diploma of V. Kn. Vas. Vasilyevich Iv. Grig. Raslu Protasyev with his son Konon on the Vol. Luza (on the river Luza, right. prot. R. South), given for departure to Moscow. Principality] // Savel'eva Je. A., Korolev K. S. Pis'mennye izvestija o narode komi. Syktyvkar: Izdatel'stvo «Jeskom», 2007. S. 77.

Zherebcov L. N., Konakov N. D., Korolev K. S. (1985) Iz zhizni drevnih komi. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR, [From the life of the ancient Komi. Syktyvkar: Komi branch of the USSR Academy of Sciences] 136 p.

Zadorin M.Ju. «Tradicionnye znanija» korennyh narodov v oblasti rybolovstva i «ustojchivoe razvitie»: mezhdunarodno-pravovaja praktika [Traditional knowledge” of indigenous peoples in the field of fisheries and “sustainable development”: international legal practice] // Vestnik Permskogo universiteta. Vypusk 1 (15) 2012. S. 180-183.

Kamkin A.V. Krest'janskoe pravotvorchestvo i gosudarstvennoe zakonodatel'stvo (po materialam vtoroj poloviny XVIII v.) [Peasant law-making and state legislation (based on the materials of the second half of the XVIII century) / A.V. Kamkin // Problems of the history of the peasantry of the European part of Russia (before 1917): interuniversity collection of scientific articles. Perm] / A. V. Kamkin // Problemy istorii krest'janstva Evropejskoj chasti Rossii (do 1917 g.): mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej. Perm', 1982. P. 175–187.

Kamyshnikov S. M. Voprosy zemlevladieniya i zemlepol'zovanija v pravosoznanii gosudarstvennyh krest'jan Komi kraja v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka [Issues of land ownership and land use in the legal consciousness of the state peasants of the Komi Territory at the end of the XVIII – first half of the XIX century // Komi peasantry in the era of feudalism and capitalism. Proceedings and publications of the KFAN of the USSR. Syktyvkar] // Komi krest'janstvo v jepohu feodalizma i kapitalizma. Trudy IJaLI KFAN SSSR. Syktyvkar. 1983. Vyp. 29. S. 72–88.

Kniga na zapisku duhovnyh zaveshhanij, predstavljajemyh raznymi licami dlja zasvidetel'stvovanija na 1856 god [The book is based on a note of spiritual wills submitted by various persons for attestation for 1856] // NA RK. F. 99. Op. 1. D. 810. L. 3 ob-4.

Kondrashev A.A., Ron'zhina O.V., Zenkina A.B. Territorija tradicionnogo prirodopol'zovanija kak otdel'naja territorial'naja edinica v sisteme territorial'nogo deleniya Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [The territory of traditional nature management as a separate territorial unit in the system of territorial division of the North, Siberia and the Far East of Russia] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 10 (2018 11). 1572-1592.

Korobeev A.I. Smertnaja kazn' kak vid ugolovnogogo nakazanija v Rossii: byt' ili ne byt'??? // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2012. № 4. S. 96-103.

Krjukov V.A. Tokarev A.N. Problemy formirovanija otnoshenij korennyh narodov i resursnyh korporacij: ot ostaivaniya prav k souchastiju v realizacii proektov [Problems of formation of relations between indigenous peoples and resource corporations: from upholding rights to complicity in the implementation of projects //Journal of the Siberian Federal University. Humanities.] //Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 9 (2014 7). 1436-1448.

Kulachkov V.V., Muzychuk T.L. Kriminologicheskie aspekty pravovogo soznaniya krest'janstva Zapadnogo regiona Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Criminological aspects of the legal consciousness of the peasantry of the Western region of Russia at the turn of the XIX-XX centuries // All-Russian Criminological Journal.] // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017 V. 11, № 3 P. 615–622.

Kulemzin V.M. K voprosu o tradicionnom mirovozzrenii ohotnich'ih narodov Sibiri [On the question of the traditional worldview of the hunting peoples of Siberia // Bulletin of Tomsk State University] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 412. S. 70–72.

Luzan V.S. Osobennosti pravovogo regulirovanija sociokul'turnogo razvitija korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v uslovijah global'nyh transformacij [Features of legal regulation of socio-cultural development of indigenous

peoples of the North, Siberia and the Far East in the context of global transformations]// Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 5 (2011 4). 678-687.

Miller G. F. (1791) *Opisanie zhivushih v Kazanskoj gubernii jazycheskih narodov, jako to cheremis, chuvash i votjakov: monografija*. SPb.: Imperatorskaja Akademija nauk, [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as Cheremis, Chuvash and Votyakov: monograph. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences]. 126 p.

Molchanov B.A., Mamedov S.N., Zadorin M.Ju. *Ob otdel'nyh voprosah ohrany «jetnicheskij» i «kul'turnyj» prav korenyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii* [On certain issues of protection of "ethnic" and "cultural" rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation] // Vestnik Permskogo universiteta. 2015. Vypusk 4(30). S. 19-27.

Muzychuk T.L., Kulachkov V.V. *Samosud v Rossii: istoriko-pravovoj opyt (po materialam zapadnogo regiona)* [Lynching in Russia: historical and legal experience (based on the materials of the Western region)] // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11, № 2. С. 444-450.

Nakaz krest'jan Zheshartskoj volosti [The order of the peasants of the Zheshartsky volost]// Komi kraj v XVIII veke: sb. dokumentov / pod obshh. red. A. K. Gagievoy. Syktyvkar: GAOU VPO KRAGSiU, 2012. S. 44.

Nakaz Krest'jan Uzhginskoy volosti [The order of the Peasants of the Uzhginsky volost] // Komi kraj v XVIII veke: sb. dokumentov / pod obshh. red. A. K. Gagievoy. Syktyvkar: GAOU VPO KRAGSiU, 2012. S. 45.

Nakaz Jarenskogo uezda ot krest'jan Vozhamskoj volosti jekonomicheskogo vedomstva [The order of the Yarensky district from the peasants of the Vozhamsky volost of the economic department] // Komi kraj v XVIII veke: sb. dokumentov / pod obshh. red. A. K. Gagievoy. Syktyvkar: GAOU VPO KRAGSiU, 2012. S. 44.

Nakaz Jarenskogo uezda ot krest'jan Oshlapeckoj volosti [The order of the Yarensky district from the peasants of the Oshlapeckiy volost] // Komi kraj v XVIII veke: sb. dokumentov / pod obshh. red. A. K. Gagievoy. Syktyvkar: GAOU VPO KRAGSiU, 2012. S. 42-43.

Nency. *Obshhie svedeniya o narode*. Data obrashheniya 16 janvarja, 2019. [General information about the people. Accessed January 16, 2019] <http://www.centrturizm89.ru/about/information/etnos/nency>

Ojvind Ravna *Juridicheskaja zashhita prav i kul'tury malochislennogo naroda saamov v Norvegii* [Oyvind is equal to the legal protection of the rights and culture of the small Sami people in Norway]// Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 11 (2013 6). 1575-1591.

O nabljudenii Nachal'nikam Gubernij, Kazennym i Grazhdanskim Palatam, daby kazennyya seleniya pokupali zemli u pomeshchikov na osnovanii Imennyh ukazov 1766 i 1788 godov ot 26 oktjabrja 1789 g. [On the supervision of the Heads of Provinces, State and Civil Chambers, so that state-owned villages buy land from landlords on the basis of Nominal decrees of 1766 and 1788 of October 26, 1789] // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. 23 (1789-1796), № 16.813. Data obrashheniya 04 janvarja, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

O napolnenii kazennym krest'janam neimejushhim ukaznoj proporcii zemli, po 15 desjatin na dushu, i o predostavlenii im vo vladenie mel'nic, postroennyh ih izhdiveniem ot 27 nojabrja 1797 g. [On filling state-owned peasants who do not have a specified proportion of land, 15 tithes per capita, and on granting them ownership of mills built by their dependents from November 27, 1797]// PSZ, Sobranie (1649-1825): T. 24 (6 nojabrja 1796 - 1797), № 18.256. Data obrashheniya 04 janvarja, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

O pravilah vykupa prodannyh i zalozhennyh v chuzhie rody imenij, v otmenu ukaza 1737 goda Avgusta 1 ot 11 maja 1744 g. [On the rules for the redemption of estates sold and mortgaged to other people's families, in repeal of the decree of 1737 August 1 of May 11, 1744] // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. 12 (1744 - 1748), № 8936. Data obrashheniya 04 janvarja, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

O pravilah vykupa prodannyh i po zakladnym prosrochennyh imenij ot 13 nojabrja 1766 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. 17 (1765 - 1766), № 12.782. Data obrashheniya 04 janvarja, 2016. [On the rules for the redemption of sold and mortgaged overdue estates from November 13, 1766] http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

O razdele votchin mezhdru rodstvennikami ot 14 marta 1676 g. [On the division of patrimony between relatives of March 14, 1676] // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. 2 (1676 - 1688), № 634. Data obrashheniya 04 janvarja, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashheniya: 27.06.2015).

Osokin S. *Narodnyj byt v Severo-vostochnoj Rossii. Glava II: Votjaki i Cheremisy. (Prodolzhenie)* [olk life in North-Eastern Russia. Chapter II: Votyaki and Cheremis. (Continued)]// Vjatskie gubernskie vedomosti. 1857. № 11. P. 60-64.

Ostrovskij D. N. *Votjaki Kazanskoj gubernii* [Votyaki of Kazan province]// Trudy obshhestva estestvoispytatelej pri Imperatorskom Kazanskom universitete. 1873. T. IV. № 1. S. 1-48.

Otpiska mangazejskogo vovody kn. P.M. Uhtomskogo v Moskvu o napadenijah samoedov na russkih ljudej. ijul' - ne pozdnee avgusta 31, 1645g. [Reply of the Mangazey voivode of Prince P.M. Ukhtomsky to Moscow about the attacks of the Samoyeds on Russian people. July - no later than August 31, 1645] // Vershinin E.V., Vizgalov G.P. *Obdorskij kraj i Mangazeja v XVII veke*. Sbornik dokumentov. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo «Tezis», 2004. S. 34.

Otpiska tobol'skih vovodov o grabezhe samoedami hlebnyh zapasov v Obdorske. ne ranee 4 ijunja - ne pozdnee oktjabrja 25, 1644g. // Vershinin E.V., Vizgalov G.P. *Obdorskij kraj i Mangazeja v XVII veke*. Sbornik dokumentov. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo «Tezis», 2004. S. 32.

O uchinenii Kazennym Palatam uravnitel'noj razverstki zemel' mezhdru kazennymi poseljanami voobshhe po Gubernii i o predstavlennii Senatu vedomostej o sej razverstke s polozhenijami Palatskimi, ne otdavaja zemel' vo vladenie krest'janam ot 19 avgusta 1798 g. [On the imposition on the State Chambers of an equalizing distribution of lands between state-owned settlers in general in the Province and on the submission to the Senate of statements on this distribution with the provisions of the Palatine, without giving land into the possession of peasants from August 19, 1798]// PSZ, Sobranie (1649-1825): T. 25 (1798 - 1799), № 18.633. Data obrashheniya 04 janvarja, 2016. http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

Pavlova I.P. Istorija prava i juridicheskoj praktiki v dopetrovskoj Rossii v publikacijah zapadnoevropejskih i amerikanskih istorikov (obzornaja stat'ja) [History of law and legal practice in pre-Petrine Russia in publications of Western European and American historians (review article)] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 4 (2009 2) 538-548.

Pal'chin S.Ja. Problemy realizacii jekonomicheskikh prav korennyh malochislennyh narodov Krasnojarskogo kraja [Problems of realization of economic rights of indigenous minorities of the Krasnojarsk Territory] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 9 (2014 7). 1521-1540.

Plockaja O.A. Obychno-pravovoe jetnopravosudie u komi (zyrjan) i udmurtov v pravovyh i istoricheskikh istochnikah kak jelement tradicionnogo pravovogo byta [Usually-legal ethno-justice in Komi (Zyryan) and Udmurts in legal and historical sources as an element of traditional legal life] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2015. T. 9. № 1. С. 174–182.

Plesovskij F. V. (1968) Svad'ba naroda komi. Obrjady i prichitanija [Wedding of the Komi people. Rituals and lamentations] Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. – 320 s.

Popov K. Dva sposoba zakljuchenija brachnyh sojuzov u zyrjan [Two ways to conclude marriage unions among Zyryans] // Zyrjane i zyrjanskij kraj v literaturnyh dokumentah XIX veka / obshh. red. V. A. Limerovoj. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola», 2010. S. 90–92.

Pyzhev A.I., Pyzheva Ju.I., Zander E.V. Vozmozhno li sosushhestvovanie korennyh malochislennyh narodov i kompanij-ndropol'zovatelej v Arktike? [Is it possible for indigenous peoples and subsoil user companies to coexist in the Arctic?] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 10 (2013 6). 1544-1552.

Reznikova K.V. «Olen'» kak osnovopolagajushhij koncept jeneckogo jazyka [“Deer” as a fundamental concept of the Enets language] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 4 (2018 11) 602-614.

Svedenija o Debesskom prihode 4-go blagochinija Sarapul'skogo uezda [Information about the Debessky parish of the 4th deanery of Sarapul'sky uyezd] // Vjatskie gubernskie vedomosti. 1883. № 61. P. 3.

Slugina V.A. Procedury shertovanija narodov Sibiri v XVII–XVIII vv. Data obrashhenija 10 janvarja, 2019. [Procedures for the recruitment of the peoples of Siberia in the XVII-XVIII centuries] <https://docviewer.yandex.ru/view>

Smirnov A.M. Samosud v Rossii kak social'no-pravovoj fenomen: kriminologicheskij analiz i mery profilaktiki [Lynching in Russia as a socio-legal phenomenon: criminological analysis and preventive measures] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2012. № 1. S. 39-43.

Surkov D.A. Amulety i oberegi v kontekste magicheskikh predstavlenij aborigennyh narodov Zapadnoj Sibiri [Amulets and amulets in the context of magical representations of aboriginal peoples of Western Siberia] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 362. P. 100-102.

Tihonov V. P. Materialy dlja izuchenija obychnogo prava sredi krest'jan Sarapul'skogo uezda Vjatskoj gubernii [Materials for the study of customary law among the peasants of the Sarapul'sky district of the Vyatka province] // Sbornik svedenij dlja izuchenija byta krest'janskogo naselenija Rossii. Ch. I. Vyp. 3. M., 1891. P. 75–136.

Fuks A. A. Poezdka k votjakam Kazanskoj gubernii. Pis'ma A. A. Fuks k suprugu ee K. F. Fuksu. Kazan': Gub. tip., [Trip to the Votyaks of the Kazan province. Letters of A. A. Fuchs to her husband K. F. Fuchs. Kazan: Gubernia type]. 1844. 43 p.

Chelobitnye ostjakov Berezovskogo uezda s pros'boj ob otsrochke v uplate jasaka ne pozdnee 2 avgusta 1643g. [Petitioners of the Ostyaks of the Berezovsky district with a request for a delay in the payment of yasak no later than August 2, 1643] // Vershinin E.V., Vizgalov G.P. Obdorskij kraj i Mangazeja v XVII veke. Sbornik dokumentov. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo «Tezis», 2004. S. 26.

Shajhutdinov E.M. Sistemnost' prava: nekotorye problemy teorii i praktiki [The consistency of law: Some problems of theory and practice] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 8 (2015 8). S. 1754-1761.

Shimanskaja K.I., Kopceva N.P. Istoriograficheskij obzor issledovanij korennyh narodov za 2014-2018 gg. [Koptseva N.P. Historiographical review of indigenous peoples' studies for 2014-2018.] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki 4 (2018 11) 641-653.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Мемлекет және құқық теориясы мен тарихы	Section 1 Theory and history of state and law	Раздел 1 Теория и история государства и права
<i>Toġysbayeva A.D.</i> About the experience of building of law-abiding state in the Republic of Kazakhstan4		
2-бөлім Конституциялық және әкімшілік құқығы	Section 2 Constitutional and administrative law	Раздел 2 Конституционное и административное право
<i>Касымжанова А.А., Пьер Тифини, Турсынқұлова Д.А., Ибраев Н.С., Нусинова Л.Б.</i> Политико-правовой анализ угроз национальной безопасности Республики Казахстан в условиях глобализации14		
3-бөлім Азаматтық құқық және еңбек құқығы	Section 3 Civil law and labor law	Раздел 3 Гражданское право и трудовое
<i>Buribayev Ye.</i> Resolving individual labor disputes in Kazakhstan in the era of human rights28		
5-бөлім Қылмыстық құқық және процесс	Section 4 Criminal law and process	Раздел 4 Уголовное право и процесс
<i>Толеубекова В.Х., Хведелидзе Т.Б., Калкаева Н.Б.</i> Методологические основы трехзвенной модели уголовного процесса (по материалам Республики Казахстан)..... 38		
4-бөлім Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық	Section 4 International relationships and international law	Раздел 4 Международные отношения и международное право
<i>Сарсембаев Д.М.</i> Правовой потенциал международных финансовых организаций по внедрению денежно-финансовой цифровизации .. 52		
<i>Akmetova A.A., Baimagambetova Z.M.</i> International legal mechanism for regulating grain trade in the context of the World Trade Organization..... 63		
<i>Плоцкая О.А.</i> Конвергенционный процесс в обычном праве пермских и самодийских народов 73		